СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
13 мая 2011 г.

Курганский
государственный
университет

редакционно-издательский
центр
43-38-36

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
13 мая 2011 г.

Курган 2011

УДК 342(470) (066)
ББК Х 081
С 56

Рецензенты

О.Ю. Винниченко, доктор юридических наук, профессор, зам. директора Института права, экономики и управления по научной работе Тюменского государственного университета

Р.К. Русинов доктор юридических наук, профессор Уральской государственной юридической академии, зам. директора Учебно-методического центра по образованию в области юриспруденции Уральского федерального округа

Современные проблемы права: теория и практика: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. – 254 с.

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета.

В сборник включены материалы, представленные на Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся в Кургане 13 мая 2011 г. Статьи посвящены широкому кругу проблем правотворческого и правоприменительного процессов в современной России. Рассматриваются вопросы теоретико- и историко-правового характера.

Материалы конференции предназначены для ученых, преподавателей, студентов вузов, аспирантов и всех, кто интересуется правовыми проблемами современности.

Редакционная коллегия:

В.В. Менщиков (отв. редактор), А.И. Коков (зам. отв. редактора), А.Г. Битюков, Т.Ю. Майборода, Р.В. Скиндерев.

ISBN 978-5-4217-0092-2

© Курганский государственный университет, 2011
© Авторы, 2011

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Глебов Андрей Николаевич
Курганский государственный университет

ЛЬГОТЫ КРЕСТЬЯН В СОВЕТСКОМ НАЛОГОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ В 1928-1941 ГОДЫ

Налоговые льготы важнейший и высокоэффективный инструмент регулирования социально-экономических процессов. В этом качестве государство активно использует льготы в проведении различных общественных трансформаций. Посредством налоговых льгот государство может стимулировать активность в проблемных областях экономики, либо деятельность, направленную на решение социальных проблем.

С этих позиций не является исключением советское государство конца 1920-х 1930-х годов. В этот период советское государство проводит коренную ломку российского социального бытия, и для осуществления этого перелома государством используется весь имеющийся у него арсенал средств. Наиболее сложные задачи стояли в аграрном секторе: где нужно было создать систему сельскохозяйственного производства, которая бы бесперебойно снабжала растущую промышленность продовольствием, сырьем, давала финансовые средства. Решение данных задач влечет в конце 1920-х годов перестройку системы налогообложения и налогового законодательства в отношении крестьянства. В этих условиях меняется не только содержание, но и место и роль льгот в системе налогообложения.

Представленная работа носит обзорный характер и не является исчерпывающим исследованием вопроса о налоговых льготах в законодательстве о налогах, взимаемых с крестьянства в конце 1920-х 1930-е годы. Основным источником данного исследования выступает законодательство о едином сельхозналоге, поскольку данный налог являлся базовым, это позволяет экстраполировать полученные выводы на всю систему налогообложения крестьянства. Кроме этого, необходимо отметить, что некоторые льготы предоставляемые налогоплательщику по сельхозналогу распространялись и на другие платежи.

Льготы крестьян-налогоплательщиков сельхозналога можно разбить на ряд групп: социальные, производственные, льготы-привилегии, льготы колхозников и льготы единоличников. Законодательство о сельхозналоге конца 1920-х 1930-х годов предусматривало льготы, как для всех крестьян, так и для отдельных категорий налогоплательщиков. Не могли пользоваться ника-

кими льготами крестьянские хозяйства, привлекаемые к налогообложению в индивидуальном порядке, так называемые кулаки.

Среди социальных льгот существовавших на протяжении всего периода можно назвать полное освобождение от налога по маломощности. Наиболее широко данная мера применялась в налоговом законодательстве в конце 1920-х годов. В соответствии со статьей 35, положения о сельхозналоге на 1928-29 год, не подлежали обложению единоличные хозяйства, у которых сумма облагаемого дохода не превышала при 1 и 2 едоках в хозяйстве 100 руб., при 3-4—120 руб., при 5 и более едоках—130 руб. на хозяйство. При этом в положении указывалось, что количество маломощных хозяйств, подлежащих освобождению от обложения в порядке, предусмотренном статьей 35, должно составлять 35% общего количества хозяйств по СССР.[1] В Уральской области в 1928 году по маломощности было полностью освобождено от уплаты сельхозналога 393 767 хозяйств или 32,7% от их общего количества.[2] Это было наибольшее количество освобожденных от обложения хозяйств за последние годы. В Уральской области в 1925/26 г. были освобождены от уплаты сельхозналога 15,2% хозяйств, в 1926/27 г.—20,3%, в 1927/28 г.—29,4%.[3] Необходимо заметить, что освобождение бедноты от обложения сельхозналогом, самообложением в конце 1920-х годов было вызвано политическими причинами. Государство хотело заручиться поддержкой беднейшего крестьянства в проведении своей политики в деревне. Советское правительство и ВКП(б) искали в бедноте надежного союзника, на которого можно опереться при проведении хлебозаготовок и других кампаний в деревне.

К социальным льготам также относилось полное или частичное освобождение от уплаты налога хозяйств: пострадавших от стихийного бедствия, имевших в своем составе инвалидов войны и труда первой и второй группы, принявших опеку над сиротами, не имевших трудоспособных членов семьи в силу преклонного возраста, имевших в своем составе нетрудоспособных детей. Например, с 1937 года полностью освобождались от налога хозяйства колхозников, «нетрудоспособных ввиду преклонного возраста (шестьдесят лет и больше) и не имеющих в семье трудоспособных членов».[4]

Производственные льготы по сельхозналогу были весьма обширны, заключались они в предоставлении скидок или полном освобождении от обложения отдельных отраслей крестьянского хозяйства. В зависимости от задач

---

[1] СЗ СССР. - 1928. - №24. - Ст.212.

[2] Центр документации общественных организации Свердловской области. - Ф.4. - Оп.7. - Д.460. - Л.116.

[3] Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале. – Свердловск,1929. – С.64.

[4] СЗ СССР. – 1937. - .№51. - Ст.216.

стоящих перед государством от обложения освобождались те или иные источники дохода крестьянских хозяйств.

Широкий перечень производственных льгот по единому сельхозналогу был установлен в положении о данном налоге на 1929-1930 год.[1] Советское правительство в 1929 году ставит перед налоговым законодательством задачу «поощрение усилий крестьянства к поднятию своего хозяйства».[2] В первую очередь требовалось увеличить производство зерновых, что было обусловлено проблемами в деле хлебозаготовок и сокращении экспорта хлеба в конце 1920-х годов.

Чтобы увеличить производство зерна, был освобожден от обложения весь прирост посевных площадей в 1929/30 г. и 1930/31 г. Кроме этого, освобождались от сельхозналога на два года залежные целинные земли в случае их распашки. На увеличение производства зерна была направлена и скидка в размере 10% исчисленного оклада сельхозналога, которая предоставлялась хозяйствам, осуществившим простейшие агрономические мероприятия по повышению урожайности.[3]

Государство в 1929 году поощряло не только производство зерна, но и развитие молочного животноводства, и производство технических культур. В районах промышленного маслоделия в 1929 году были вдвое понижены нормы доходности коров. Сохранились установленные льготы для технических культур, в частности, исчисление облагаемого дохода от посевов льна, свеклы производилось по нормам доходности, пониженным в два раза против зерновых культур. Для внесения устойчивости в хозрасчеты крестьянских хозяйств было принято решение не повышать в течение трех лет нормы доходности полеводства, луговодства, скотоводства, из которых исчислялся налог 1929 года.[4]

Производственные льготы в налогообложении также широко применялись в условиях преодоления кризиса сельхозпроизводства вызванного коллективизацией. В 1933 году доходы от посевов технических и специальных культур стали исчисляться по более льготным нормам доходности.[5] Это было связано с тем, что данные отрасли поставляли необходимое сырье для развивающейся промышленности. В целях содействия развитию животноводства, в 1933 году, весь прирост поголовья коров и овец в хозяйствах единоличников полностью освобождался от обложения. В льготном порядке об-

---

[1] СЗ СССР. – 1929. - .№10. - Ст.95.

[2] Материалы по проведению сельхозналога по Курганскому округу в 1929-1930году. – Курган,1929. – С.3

[3] СЗ СССР. -1 929. - №10. - Ст.95.

[4] СЗ СССР. - 1929. - №10. - Ст.95.

[5] О проведении единого сельхозналога в Уральской области на 1933 год: Постановление президиума Уральского облисполкома Советов РКК и КД. – Свердловск,1933. – С.15

лагались доходы данной категории хозяйств и от остальных видов животноводства, а доходы от свиноводства, птицеводства, кролиководства и пчеловодства вообще не облагались.[1]

Следующая группа льгот – это льготы привилегии, которые заключались в полном или частичном освобождении от налога крестьянских хозяйств, включавших в свой состав лиц, имеющих заслуги перед режимом или занятых важной для государства и общества деятельностью. К таким лицам относились: лица, награжденные одним или несколькими орденами Союза ССР и союзных республик или почетным революционным оружием, и герои труда; военнослужащие кадрового рядового и младшего начальствующего состава срочной (непрерывной) или сверхсрочной службы; кадровые и состоящие в резерве военнослужащие среднего, старшего и высшего начальствующего состава; военнослужащие младшего командного состава, перечисленные из долгосрочного отпуска в переменный состав территориальных частей; бывшие красногвардейцы и красные партизаны; лица административного и строевого состава милиции, а также активного и административного состава уголовного розыска; лица, состоящие на службе в военизированной охране (в том числе в военизированной пожарной охране); инвалиды войны и труда, отнесенные к первой, второй и третьей группам инвалидности и ряд других категорий. Данным хозяйствам предоставлялась скидка в размере от 5 до 100 % оклада сельхозналога в зависимости от размера оклада сельхозналога, а также от наличия в хозяйстве иных трудоспособных лиц.

С 1934 года данная группа льгот стала предоставляться только хозяйствам колхозников. [2] Данное обстоятельство, конечно, являлось не справедливым по отношению к единоличным хозяйствам, и было обусловлено политикой коллективизации деревни.

С целью стимулирования процесса коллективизации, хозяйства колхозников получали более широкие льготы, по сравнению с единоличниками. С 1930 года у колхозников доходы от скота перестали облагаться сельхозналогом, и такое положение сохранялось до 1939 года.[3] В течение всего изучаемого периода не подлежали обложению доходы колхозника, получаемые им из колхоза в виде трудодней, а также доходы, получаемые от продажи сельхозпродуктов на рынке. Кроме этого на хозяйства колхозников распро-

---

[1] СЗ СССР. - 1933. - №32. - Ст. 188(б).

[2] СЗ СССР. - 1934. - №30. - Ст.231б.

[3] О новых льготах для колхозов и их членов: Постановление ЦИК и СНК СССР от 2 апреля 1930 г. //Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления коммунистической партии и Советского правительства (1927-1935). – М.,1957. – с.141.

странялись все льготы единоличников. В тоже время единоличники по мере расширения процесса коллективизации утрачивают былые льготы.

В целом, в исследуемый период возрастает регулирующая функция льгот по сельхозналогу. Во-первых, советское правительство неоднократно пыталось стимулировать производственные процессы в деревне, но большинство этих попыток были не удачными, что объясняется во многом провалами в целом политики государства в деревне. Во-вторых, налоговые льготы достаточно успешно использовались для конструирования новых организационно-правовых форм хозяйствования в деревне. В этой сфере налоговая политика сводилась к тому, что расширялось количество льгот для колхозников и сокращалось их количество для единоличников.

Григорьев Дмитрий Александрович
Тюменская государственная академия
мировой экономики, управления и права

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕСТУПНЫХ СООБЩЕСТВ (ПРЕСТУПНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ) ПО УГОЛОВНОМУ УЛОЖЕНИЮ 1903 Г.: НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

При написании научных работ на темы связанные с уголовной ответственностью за организацию преступного сообщества (преступной организации) (далее – преступное сообщество) или участие в нем (ней) авторы, исследуя дореволюционное законодательство о преступных сообществах, как правило, лишь упоминают о закреплении норм о преступных сообществах в тех или иных нормативных актах, не указывая на различия преступных сообществ, предусмотренных каким-либо дореволюционным нормативным правовым актом, таким, например, как Уголовное уложение 1903 г. Вместе с тем, более углубленное исследование норм права о преступных сообществах, позволяет более четко представить эволюцию законодательства о преступных сообществах, понять причины изменения законодательства в обозначенной сфере и даже спрогнозировать последующие изменения законодательства в указанной области.

С принятием Уголовного уложения 1903 г. в теории уголовного права и на практике его применения достаточно остро встал вопрос об отграничении преступных сообществ (преступных организаций), предусмотренных ст. ст. 102 и 126 Уголовного уложения 1903 г.

В соответствии со ст. 102 Уголовного уложения 1903 г. «виновный в участии в сообществе, составившемся для учинения тяжкого преступления, статьею 100 предусмотренного, наказывается…»[1].

Согласно ст. 100 Уголовного уложения 1903 г.: «виновный в насильственном посягательстве на изменение в России или в какой либо ее части установленных Законами Основными образа правления или порядка наследия Престола или на отторжение от России какой либо ее части наказывается…».

Согласно ст. 126 Уложения 1903 г. «виновный в участии в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя или учинение тяжких преступлений посредством взрывчатых веществ или снарядов наказывается…»[2].

Из приведенных норм права следует, что законодатель в Уложении 1903 г. выделял 2 вида наиболее опасных преступных сообществ с политической направленностью.

По этому поводу справедливо писал Н.Н. Полянский: «Редакционная комиссия по составлению его (Уголовного уложения 1903 г. – Д.А.) различала среди преступных сообществ с политическим характером с одной стороны, «те, кои сформированы для учинения какого-либо вида мятежа (по терминологии угол. улож. в его окончательной редакции следовало бы сказать: бунта)… или измены», а с другой те, «которые имеют целью только подготовку государственного переворота в будущем или переворот социальный, или которые нарушают государственную безопасность»[3].

Основным направлением в отграничении рассматриваемых преступных сообществ являлось разграничение их по объекту преступления.

И.С. Урысон писал: «Отличие сообществ по ст. 102 от сообществ по ст. 126 сводится к различию в том и другом случаях объектов замышляемого посягательства: в то время как объектами замышляемого преступного посягательства в сообществе по ст. 102 будут физическая неприкосновенность и субъективные державные права Государя, точно также физическая неприкосновенность Государыни и Наследника престола (ст. 99) и кроме того политический строй страны (точно описанный в ст. 100), - объектом замышляемого преступного посягательства со стороны членов сообщества по ст. 126 будет «существующий в государстве общественный строй»[4].

---

[1] Российское законодательство X-XX веков. Уголовное Уложение 1903 г. – М.: Юрид. лит., 1994. – 352 с. – Т. 9. – С. 300.

[2] Там же. С. 307.

[3] Полянский Н. Н. Статьи по уголовному праву. – М.: Книгоиздательство «В. И. Знаменский и Ко», 1912 г. – 446 с. – С. 267.

[4] Урысон И.С. Преступные сообщества по ст.ст. 102 и 126 уг. ул. // Право. 1906. - № 48. – С. 3756.

Согласно позиции общего собрания кассационных департаментов, выраженной в его определении от 28 января 1908 г. по делу Сапотницкого «Содержание 126 ст. уг. ул. ясно указывает, что по сей статье закона подлежат наказанию виновные в участии в сообществе, заведомо поставившем своей целью ниспровержение существующего в государстве общественного строя, а не насильственное изменение образа правления, т.е. строя государственного»[1].

Для того, что бы более четко представлять различия в объектах посягательства[2], предусмотренных ст.ст. 102 и 126 Уложения 1903 г. необходимо определить сущность каждого из них.

Объект посягательства (преступления), предусмотренный ст. 102 Уголовного уложения 1903 г. – образ правления (государственный, политический строй)

Понятие «образ правления» на сегодняшний день практически не используется в государственно-правовых дисциплинах, а уж тем более в законодательстве. Вместе с тем, в главе 2 - «Мятеж (бунт)» Объяснений к проекту редакционной комиссии предлагалось следующее понятие термина «образ правления» "…образ правления Российской Империи есть неограниченная монархия[3]".

В дореволюционной литературе также встречаются разъяснения термина «образ правления».

Так, А.В. Скопинский о термине «образ правления» применительно к рассматриваемым статьям и ст. 100 Уголовного уложения 1903 г. писал следующее: «Эта последняя (ст. 100 Уголовного уложения 1903 г. – Д.А.) предусматривает перемену образа правления и престолонаследия, установленных Основными Государственными Законами (по редакции 23 апреля 1906 г.),

---

[1] Малянтович П. Н. и Муравьев Н. К. Законы о политических и общественных преступлениях (практический комментарий). – СПб.: Юридический книжный склад «Право», 1910 г. – 849 с. Приложение № 5. Решения сената. – С 170.

[2] В конце 19-го начале 20-го веков термин «объект посягательства (преступления)» понимался несколько иначе, нежели он понимается в современной доктрине уголовного права, под которым сейчас понимают общественные отношения разных типов. Так Н.С. Таганцев писал: «Определяя преступное деяние, как посягательство на правовую норму в ее реальном бытии или, другими словами, как посягательство на правоохраненные интересы жизни, мы тем самым устанавливаем и понятие об объекте преступного посягательства: таковым является заповедь или норма права, нашедшая свое выражение во входящем в сферу субъективных прав, охраненным этою нормою интересе жизни». См. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: в 2 т. С.-Петербург., 1902 г. – 820 с. Т.1. Часть общая (издание 2-е, пересмотренное и дополненное). С. 489. Белогриц-Котляревский придерживался схожей позиции и писал: «Объектом преступления с формальной стороны является правовая норма, а с материальной – те жизненные интересы или блага, которые этими нормами охраняются». См. Белогриц-Котляревский Л. С. Краткий курс русского уголовного права. – Киев.: типография «Петр Барский», 1908 г. – 255 с. – С. 65.

[3] Малянтович П. Н. и Муравьев Н. К. Указ. соч. Приложение № 1. Объяснения к проекту редакционной комиссии. – С. 22.

т.е. ниспровержение наследственной монархии с целью введения республиканского образа правления; … Таким образом объектом посягательства при 102 ст. угол. улож. являются физическая неприкосновенность и державные права Государя, равно как физическая неприкосновенность Государыни и наследника Престола и кроме того – политический строй страны – установленный Законами Основными образ правления»[1].

Таким образом, переводя на современный язык уголовного права, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 102 Уголовного уложения 1903 г. были отношения безопасности государства, государственного (политического) строя, суверенитета и территориальной целостности Российской Империи, а также порядка наследия престола.

Объект посягательства (преступления), предусмотренный ст. 126 Уголовного уложения 1903 г. – общественный строй

В Объяснениях к проекту редакционной комиссии (к главе 2 – Мятеж (бунт) не раскрывался термин «общественный строй». Ввиду этого сенат, в определении общего собрания кассационных департаментов по делу Рогалевича предложил следующее понимание термина общественный строй: «…значение понятия «общественный строй» выясняется из общих объяснений Редакционной комиссии к ст. 85 и 86 проекта (125 и 126 ст. угол. улож.). Из этих объяснений оказывается (т. II, стр. 168 и 182), что при начертании 125 и 126 ст.ст. комиссия, между прочим, имела в виду ст. 318 улож. о нак., которая предусматривала сообщества, имеющие целью: 1) противодействие распоряжениям правительства или возбуждение неповиновения установленным от онаго властям; 2) разрушение основы общественной жизни: а) религии, б) семейного союза и в) собственности; 3) возбуждение вражды между сословиями и вообще между отдельными частями или классами населения или же между хозяевами и рабочими, и 4) возбуждение к устройству стачек. Из означенных преступных сообществ те, которые преследуют цели, указанные выше в п.п. 1, 3 и 4, воспроизведены во всей полноте в 86 ст. проекта редакционной комиссии (125 ст. угол. улож.) (см. объясн. т. II, стр. 182). О сообществах же упомянутых выше в п. 2, а именно, стремящихся к разрушению основ общественной жизни: а) религии, б) семейного союза и в) собственности, в объяснениях комиссии не приведено, под какую статью уголовного уложения они должны быть подводимы, но основываясь на заключении ре-

[1] Скопинский А.В. О преступных сообществах. // Журнал Министерства юстиции. – 1907. – № 10. – С. 113-114. В разных источниках дореволюционной литературы встречается отождествление термина «образ правления» либо с политическим строем - как в приведенной работе А. В. Скопинского, либо, что чаще всего, с государственным строем – как в приведенной выше работе Малянтовича П. Н. и Муравьева Н. К. Вместе с тем, следует отметить, что в современном понимании государственно-правовых дисциплин термины «государственный строй» и «политический строй» не тождественны.

дакционной комиссии, что действию 86 ст. проекта (126 ст. угол. улож.) должны подлежать всякого рода сообщества, стремящиеся к ниспровержению существующего в государстве общественного строя, нельзя не признать, что преследующие означенные и другие им подобные цели сообщества предусмотрены 126 ст. угол. улож. (86 ст. проекта), так как религия, семейный союз и собственность составляют такие устои общественного строя, на которых зиждется общественное спокойствие и благосостояние населения и ниспровержение коих колеблет и подкапывает самое бытие государства»[1].

А.В. Скопинский писал следующее: «Уложение же о наказаниях (I ч. 318 ст.) основою общественного строя считало: «религию, семью и собственность»[2].

Таким образом, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 126 Уголовного уложения 1903 г. являлись общественные отношения, обеспечивающие безопасность религии, семьи и собственности, т.е. общественного строя.

Как видно, основным признаком, позволяющим различить ст.ст. 102 и 126 Уголовного уложения 1903 г. является именно объект преступления.

Вместе с тем, тесная взаимосвязь объектов рассматриваемых составов преступлений позволяет придти к выводу о том, что нельзя посягнуть на один объект не затрагивая другого.

Осип Мандельштам, выступая на общем собрании Русской группы международного союза криминалистов, проходившем в 1909 г. в Москве сказал: «Если разделить 102 и 126 статьи по объекту, то окажется, что 126 ст. существовать не может; она карает сообщество, которое посягает на общественный строй, а т.к. капиталистический строй более глубок, чем политический, и так как все современные государства должны быть перестроены, ранее чем будет перестроен общественный строй, то немыслимо нападать на общественный строй, не затрагивая государственного»[3].

В приговоре Санкт-петербургской Судебной Палаты от 12 декабря 1906 г. по делу «44-х» указывалось также: … «немыслимо допустить возможность «ниспровержения» существующего в государстве общественного строя или отдельных институтов его, напр., института семьи, частной собственности и др., как установлений, в законе существующих, без предварительного ниспровержения или изменения самого образа правления»[4].

---

[1] Малянтович П. Н. и Муравьев Н. К. Указ. Соч. Приложение № 5. Решения сената. – С. 166.

[2] Скопинский А.В. Указ. соч. – С. 120.

[3] Малянтович П. Н. и Муравьев Н. К. Указ. Соч. – С. 138.

[4] Там же. – С. 206.

Таким образом, несмотря на то, что преступные сообщества (преступные организации), предусмотренные ст.ст. 102 и 126 Уголовного уложения 1903 г. различались, в основном, по объекту, оказывается, что сами объекты рассматриваемых преступлений очень тесно связаны друг с другом и, посягнуть на один из объектов, не затрагивая другого было нельзя. Следовательно, в судебной практике не было единообразия в применении ст.ст. 102 и 126 Уголовного уложения 1903 г., зачастую статья 102 Уложения 1903 г. применялась в тех случаях, где необходимо было применить ст. 126 того же Уложения и наоборот. Вместе с тем, наказания по указанным статьям различались. По ст. 126 Уложения 1903 г. максимальное наказание предусматривалось в виде срочной каторги. По ст. 102 того же Уложения, в зависимости от части статьи, наказание устанавливалось вплоть до каторги без срока.

Жайкбаев Жанбек Садыкович
Курганский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ ВЕДЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И ЕЕ СУБЪЕКТАМИ

Россия переживает уникальный период одновременного становления и рыночно-экономических и федеративно-государственных отношений. В таких условиях главным предметом пересекающихся интересов федеральных и местных властей стали те правомочия, обладание которыми влечет за собой ясно осязаемые экономические выгоды.

Несовершенство Конституции Российской Федерации порождало на протяжении последних лет разные дискуссии о путях решения ключевого вопроса российского федерализма - разделения власти между Российской Федерацией и ее субъектами. По какому принципу проведено разделение предметов ведения? К ведению Российской Федерации отнесено лишь то, что необходимо и вместе с тем достаточно для установления и защиты суверенитета и верховенства России, распространяемого на всю ее территорию, и для защиты прав и свобод каждого человека, в какой бы части страны он ни проживал и где бы ни находился.

Совершенно очевидно, что конституционное разграничение предметов ведения не имеет под собой серьезной научной проработки. Наиболее важные направления общественной деятельности, бесспорно, отнесены к ведению Федерации. Статьей 72 Конституции также определены и предметы совместного ведения. Предметы же ведения субъектов Федерации оказались неопределенными: трудно назвать какие-нибудь более или менее значимые предметы исключительного ведения субъектов Российской Федерации, по-

скольку им практически ничего не осталось. В этом видится, в частности, одна из причин несоответствия законодательства субъектов Российской Федерации, федеральному законодательству.

Сами предметы ведения в Конституции Российской Федерации сформулированы не совсем удачно - они не разграничены по характеру оказываемого воздействия на сферы правового регулирования и сферы государственного управления, в которых осуществляются полномочия органов государственной власти. В результате все смешалось: федеральная государственная собственность и гражданское законодательство, природопользование и земельное, водное, лесное законодательство и т.д. Если для предметов ведения Российской Федерации это «переплетение» терпимо, то для совместных предметов ведения такая структура неприемлема.

В условиях политической и экономической нестабильности, нечеткого размежевания в федеральном законодательстве полномочий федеральных органов государственной власти и органов власти субъектов Российской Федерации определенными достоинствами, несомненно, обладают способ установления исчерпывающего перечня предметов ведения субъектов федерации (как в Индии) или способ определения вопросов, которые не могут никоим образом быть урегулированы субъектами федерации (по мексиканскому образцу).

При всей значимости положений статей 71 и 72 Конституции РФ, статья 73 со своей лаконичной формулировкой представляется наиболее важной в качестве краеугольного принципа нового федерализма России. То есть по российской Конституции сфера правового регулирования субъектов Российской Федерации определена весьма широко. Такой подход предполагает решение вопроса, что должно относиться к ведению субъектов Федерации, то есть что в итоге остается для субъекта Федерации. В этой связи вызывает некоторое удивление ответ Б.С. Крылова на вопрос о причине отсутствия в Конституции перечня предметов ведения субъектов Федерации. Автор пишет: «Ответ в достаточной мере прост. Объем и виды деятельности субъектов Федерации настолько велики и разнообразны, что перечислить все, чем они обязаны заниматься и за что они ответственны, практически невозможно».[1] Однако вряд ли объем и виды деятельности Российской Федерации в целом менее велики и разнообразны, чем объем и виды деятельности отдельных субъектов. Тем не менее, Конституция РФ в ст. 71 закрепляет предметы ведения. Поэтому более верным представляется следующее утверждение ученного: приведение списка предметов ведения субъектов Федерации «не

[1]Комментарий к Конституции Российской Федерации /Под ред. Л.А. Окунькова, Б.С. Крылова и др. - М., 1994. - С. 237.

только не нужно, но и вредно, поскольку субъекты Федерации оказались бы в ряде случаев вынужденными ограничивать круг вопросов, которыми им нужно заниматься».[1] В связи с этим будет уместным отметить точку зрения профессора А.Н. Кокотова: «… предполагалось, что субъекты Федерации самостоятельно, ориентируясь на ст.71 и 72 Конституции РФ, установят в своем законодательстве перечень собственных полномочий, наполняя реальным содержанием норму ст.73 Конституции РФ. Однако, как показывает практика, четко определить вопросы собственного ведения субъектам Федерации весьма затруднительно. Все-таки в российских условиях желательно описывать компетенцию любых субъектов предельно подробно».[2] Помимо неопределенности предмета ведения субъектов Федерации ущемлена и их компетенция в рамках совместного ведения. Из анализа текста ст. ч.2 ст.76 Конституции РФ вытекает, что федеральные органы самостоятельно определяют свои полномочия по предметом совместного ведения. Тем самым сфера полномочий субъектов ограничивается. Не случайно многие субъекты нарушают границы, осуществляя правовое регулирование отношений, не являющихся предметом своего ведения. Институт совместной компетенции Федерации и ее субъектов является абсолютно новым и, надо заметить, довольно трудно переживаемым для российской правовой системы.

В настоящее время понятия основных юридических категорий (предмет ведения, компетенция, полномочие), перечисленных выше, даны в статье 2 Федерального закона от 24 июня 1999 года № 119-ФЗ «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации».[3] Под предметом ведения обычно понимаются сферы государственной и общественной жизни, находящиеся в распоряжении государства и государственных образований (субъектов), внутри которых органы власти осуществляют те или иные полномочия. Общее в них - это сферы общественных отношений, разница - кто их регулирует (Российская Федерация, субъект РФ или совместно).

Компетенция федерации, ее субъектов и их органов представляет собой обобщенное понятие, охватывающее предметы ведения и полномочия. В законе компетенция органа государственной власти определена как совокупность полномочий органа государственной власти по предметам ведения, установленным Конституцией Российской Федерации и принятыми в соответ-

---

[1]Там же.

[2]Кокотов Н.А. Разграничение и согласование полномочий РФ, субъектов Федерации и их органов государственной власти //Журнал российского права. - 2002. - №8. - С.29.

[3]Собрание законодательства РФ. - 1999. - № 26. - Ст. 3176.

ствие с ней конституциями (уставами) субъектов РФ. Необходимо также уточнить, что значит «совместная компетенция». По существу речь идет о том, что для Федерации и ее субъектов являются совместными предметы ведения, т.е. они осуществляют деятельность в рамках одних и тех же сфер государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства. Однако каждая сторона имеет при этом собственные полномочия, пользуясь которыми она управляет соответствующей сферой и осуществляет в ней правовое регулирование.

При установлении правового механизма разграничения компетенции необходимо определить, во-первых, что следует понимать под полномочиями? Во-вторых, кем или чем разграничиваются полномочия? И, в-третьих, каким образом происходит разграничение?

Общее значение термина «полномочия» можно сформулировать как право и (или) обязанность власти на определенные действия по рассмотрению и решению конкретных вопросов в рамках соответствующих сфер (предметов ведения).

Данные дефиниции (определения понятий), основанные на Конституции Российской Федерации, ориентируют на единообразное использование юридических категорий в процессе применения федерального законодательства и в текущем правотворчестве в процессе заключения договоров. Следует отметить, что до принятия вышеназванного федерального закона в текущем федеральном законодательстве достаточно часто встречался разнобой в употреблении терминов «предметы ведения», «компетенция», «полномочия».[1] Отождествление вышеназванных понятий приводило к отрицательным последствиям в законотворчестве (нередко к подмене понятий, их смешении) и практической деятельности органов государственной власти, граничащим с нарушением принципа конституционности.

По нашему мнению многие проблемы развития законодательства субъектов РФ, а также и федерального, заключаются в том, что на федеральном уровне в сфере совместного ведения отсутствует регламентация порядка определения предметов ведения и полномочий, которые могут быть предоставлены субъектам РФ на основе федерального закона или двустороннего договора. Во многих случаях федеральный законодатель, принимая федеральный закон в сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, излишне подробно осуществляет законодательное регулирование. Возникает вопрос: что остается делать субъекту РФ? Если осуществлять собственное

[1]Примеры этих фактов достаточно убедительно приведены И. А. Умновой в учебно-практическом пособии «Конституционные основы современного российского федерализма» М.: Дело, 1998. - С. 165- 168.

правовое регулирование, то видимо неправильно будет принять закон субъекта РФ с тем же названием, подправляя в нем отдельные федеральные нормы. Наиболее оптимальным будет принятие закона субъекта РФ, устанавливающего особенности правового регулирования отношений в данной сфере совместного ведения с учетом специфики субъекта (природной, экономической, демографической и т.д.). Другой вариант - субъекту РФ воспользоваться правом, что он может не осуществлять в таком случае (в случае, если федеральным законом излишне подробно осуществлено законодательное регулирование) правовое регулирование.

Претворение в жизнь конституционных норм о сфере совместного ведения Федерации и ее субъектов – задача трудная не только с практической, но и с теоретической точки зрения. Вот почему в литературе и на научно-практических конференциях выдвигаются предложения ликвидировать институт совместного ведения, «рассортировать» сферу совместного ведения Федерации и ее субъектов «по принадлежности» и тем самым закрыть эту проблему. Авторы таких предложений хотели бы отнести ряд позиций ст. 72 Конституции РФ к сфере исключительного ведения Российской Федерации, передав остальные позиции в сферу исключительного ведения ее субъектов.[1]

Оценка такого предложения, на наш взгляд, не может быть однозначной. В отдельных случаях его можно и даже нужно реализовать. Так, согласно п. «к» ст. 72 Конституции РФ, в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов находится трудовое законодательство, что весьма одиозно с точки зрения задачи создания в стране единого правового и экономического пространства. Весьма поучителен в этой связи и опыт создания Европейского Союза. Важнейшим условием интеграции членов первоначально Европейского Сообщества, а ныне Европейского Союза было устранение препятствий для свободного перемещения на ее территории стран-членов не только товаров, услуг и финансовых средств, но и рабочей силы. С учетом этого обстоятельства возможная чересполосица норм трудового законодательства, допускаемая п. «к» ст. 72 Конституции РФ, способна создать в экономике страны труднопреодолимые барьеры. Поэтому регламентацию трудового законодательства, безусловно, следует перевести из сферы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов в сферу исключительного ведения первой.

Проблема разграничения предметов ведения и полномочий между различными уровнями власти относится к числу наиболее сложных и известных

---

[1]Кумышева М.К. Законодательство Российской Федерации и ее субъектов: проблемы систематизации и оптиматизации. Дисс. …канд.юр.наук. - Ростов-на-Дону, 1998. - С. 63.

управленческих проблем. По нашему мнению, следует установить общие подходы к разграничению предметов ведения и полномочий, в частности:

- все политические и правовые документы, принимаемые на всех уровнях власти, должны строго соответствовать Конституции Российской Федерации, и, в частности, федеративной природе государства, отнесенной Конституцией РФ к основам конституционного строя;

- при распределении полномочий учитывать экономическое, географическое, этническое, конфессиональное многообразие страны, а также и другие особенности;

- полномочия по решению предметов совместного ведения, по которым возникает столкновение различных интересов, необходимо разделить на более конкретные полномочия, отнесенные к полномочиям только органов государственной власти Федерации или только её субъектов; результатом урегулирования проблемы должно стать максимальное уменьшение неопределенных полномочий по решению вопросов совместного ведения.

За истекшие годы совместными усилиями палат Федерального Собрания, Президента и Правительства Российской Федерации удалось принять весомый пакет федеральных законов, направленных на реализацию программных установок государственной политики в сфере федеративных отношений. Однако, несмотря на масштабы проделанной работы, законодателю не удалось пока создать сбалансированную схему взаимоотношений центра и регионов. В действующей схеме разграничения компетенции сохраняются диспропорции. Полномочия возлагаются на один уровень власти, а передача под их осуществление финансовых ресурсов с другого уровня не всегда предусмотрена. Субъекты РФ по-прежнему оказываются отстраненными от нормальной реализации некоторых своих «традиционных» полномочий (особенно в сфере природопользования), что негативным образом сказывается на социально-экономической ситуации.

Но самый негативный итог законотворчества последних лет - это повсеместная «эрозия законодательных стандартов». Данный термин принадлежит классику американского федерализма Винсенту Острому. Под ним понимается экспансия федеральной законодательной власти во всех сферах общественных отношений, сопровождающаяся падением качества самого законодательства и фактической передачей нормотворчества исполнительной власти.[1] Данный термин вполне применим к ситуации с законодательным обеспечением федеративных отношений, которая сложилась в современной

[1]Остром В. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество/Пер. с англ. - М.: Арена, 1993. - С. 147.

России. Однако такого рода эрозия не может продолжаться до бесконечности: в противном случае законодательство просто перестанет выполнять свою функцию регулятора общественных отношений.

Сегодня, когда регионы стали более ответственным звеном властной вертикали, требуется обновление концептуальных подходов к перспективам их дальнейшего развития, нужен «новый курс» региональной политики. Необходимо постепенно отходить от излишней централизации, делегировать регионам дополнительные полномочия и обеспечивать их достаточными для их реализации ресурсами, а не отдавать полномочия на «добровольное» осуществление. Само законодательство должно принципиальным образом измениться.

Коков Алексей Игоревич
Курганский государственный университет

ПРАВО КАК НЕЙТРИНО

Право не только соприкасается с инородным знанием, но право также мимикрирует в другие знания. Особенно интересна мимикрия в метафизические знания, так как в понятия метафизики входят объективные явления, а иные науки – плод разума человека.

Всё, что создаётся человеком, проходит этап «инициации» (совершение таинств), и пока этот этап не пройден, любое знание кажется инородным, чуждым. Всё чуждое влечёт разрастание некомфортности, подобие ксенофобии.

Отсюда – нигилизм в восприятии правового, признание правового неправовым, несправедливым, а значит «непригодным».

Доктринально открыты варианты сопоставления политических и правовых явлений между собой. Но задолго до нас право (закон) сравнивали также с различными предметами и организмами. Так Солон называл закон «паутиной» («Законы подобны паутине…»[1]), для Гераклита закон – «стены» («Народ должен сражаться за закон, как за свои стены»[2]), у Цицерона закон – «сила природы»[3]. Аль-Фараби в трактате «Слово о классификации наук» на-

[1] Солон. Мысли. История политических и правовых учений. Часть 1: Зарубежная политико-правовая мысль: Хрестоматия / Сост. В.В. Ячевский. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2000. – 1000 с. – С. 93.

[2] Гераклит. О природе. История политических и правовых учений. Часть 1: Зарубежная политико-правовая мысль: Хрестоматия / Сост. В.В. Ячевский. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2000. – 1000 с. – С. 97.

[3] Цицерон. О законах. Кн. 1. История политических и правовых учений. Часть 1: Зарубежная политико-правовая мысль: Хрестоматия / Сост. В.В. Ячевский. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2000. – 1000 с. – С. 195.

звал юриспруденцию «искусством»[1]. Джерард Уинстенли в книге «Закон свободы» в главе третьей[2] сравнил юриспруденцию с деревом с двумя корнями, а Вольтер в труде «О феноменах природы»[3] указал, что законы подобны шахматам и т.д.

Не всегда такое сравнение оправдано. Зачастую это лишь нахождение общих черт, но не 100% соответствие явлений друг другу. Максимального соответствия добиться действительно трудно в силу эклектики правового знания. Однако, нейтрино – иной случай. Здесь совпадение с правом максимально.

Прежде дадим определение нейтрино. Нейтрино (νe, νμ, ντ) – стабильная элементарная частица, участвующая во взаимодействиях. Нейтрино чрезвычайно слабо взаимодействуют с веществом. Также известно, что каждую секунду через площадку в 1 кв. см Земли проходит порядка 1000 нейтрино, испущенных Солнцем.[4] Однако прямого воздействия на людей вообще она не оказывает. В то же время, нейтрино успешно обнаруживаются по их взаимодействию с конкретными «мишенями». Гипотезу о существовании такой частицы выдвинул 04 декабря 1930 г. Паули. В 1931 г. знаменитый датский физик Н. Бор на Римской конференции выступил с идеей о несохранении энергии, объяснив, что потерянную энергию уносит какая-то неизвестная и незаметная частица. А предсказанная Паули и Бором частица в работах 1933—1934 итальянца Энрико Ферми на итальянский манер была названа «нейтрино».[5]

А теперь сравним свойства нейтрино со свойствами права. Оформим в виде сравнительной таблицы.

---

[1] Аль-Фараби. Слово о классификации наук. Разд. 5. История политических и правовых учений. Часть 1: Зарубежная политико-правовая мысль: Хрестоматия / Сост. В.В. Ячевский. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2000. – 1000 с. – С. 248.

[2] Уинстенли Дж. Закон свободы. Гл. III. История политических и правовых учений. Часть 1: Зарубежная политико-правовая мысль: Хрестоматия / Сост. В.В. Ячевский. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2000. – 1000 с. – С. 366.

[3] Вольтер. О феноменах природы. Гл. XXXVIII. История политических и правовых учений. Часть 1: Зарубежная политико-правовая мысль: Хрестоматия / Сост. В.В. Ячевский. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2000. – 1000 с. – С. 395.

[4] http://crydee.sai.msu.ru/~maria/astron/referatTheSUN/referat.htm

[5] Shaun A. Thomas, Filipe B. Abdalla, and Ofer Lahav Upper Bound of 0.28 eV on Neutrino Masses from the Largest Photometric Redshift Survey (англ.) // Phys. Rev. Lett.. — 2010. — В. 3. — Т. 105. — С. 31.

НЕЙТРИНО	ПРАВО
1. Нейтрино выступает в качестве самостоятельной единицы материи – всего лишь частицы.	1. Право, будучи явлением независимым в плане непосредственного действия, также выступает в качестве самостоятельной единицы материи.
2. Главное свойство частиц – проникающая способность. Чем проникающая способность выше, тем больше ковалентных связей частица способна создать.	2. Таково же и свойство права. Чем право диверсификационней, тем больше регуляторных функций оно способно выполнить.
3. Структурно частица нейтрино очень сложна – это многоуровневая организация, состоящая из четырёх субатомарных внутренних слоёв.	3. Система права – это внутренняя структура права, единая и согласованная: первый уровень – нормы, второй – институты, третий – отрасли, четвёртый суть юриспруденция.
4. Нейтрино выявляли на протяжении столетий.	4. Таков же и период становления права.
5. Каждому лептону соответствует своя пара – нейтрино с конкретными отличительными свойствами.	5. Каждая сфера общественной жизни имеет своим регулятором определённый нормативный акт или совокупность таких нормативных актов, применяемых только к данной сфере.
6. Масса одного нейтрино крайне мала, однако, концентрация нейтрино во Вселенной достаточно высока, чтобы существенно влиять на процессы.	6. Значение права отдельно взятой страны имеет влияние на всё мировое сообщество в той мере, в которой бы это способствовало развитию правовой государственности.
7. Различные виды нейтрино могут преобразовываться друг в друга. Это так называемые нейтринные осцилляции.	7. Право имеет разные формы, которые могут изменяться дополняться, компоноваться (инкорпорироваться, консолидироваться, кодифицироваться).
8. Обеспечивает процессы (ингибитор, катализатор).	8. Обеспечивает процессы жизнедеятельности общества (выступает как в

	качестве катализатора, так и ингибитора)
9. Время жизни: от минимума до бесконечного.	9. Действительность закона зависит от непосредственного существования и стабильности отношений, регулятором которых он является.

Итак, мы видим, что право, как и нейтрино: является проводником, состоит из элементов, проникает во все элементы, неидеально (может содержать отрицательный заряд), демотивирует и мотивирует, порождается необходимостью, не всегда поддаётся контролю.

Данное исследование способствует развитию юридической мысли в совершенно новом направлении – сензитивной [лат. sensus — чувство, ощущение] юриспруденции.

Менщиков Игорь Самуилович
Курганский государственный университет

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ СРЕДИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ В НАЧАЛЕ XX В.

Во второй половине XX века в России, в том числе и в Зауралье многие формы традиционного образа жизни и традиционной культуры начинали изживать себя, они не поспевали за динамизмом нового времени, новой эпохи. В Зауралье наиболее ярко указанные процессы проявлений новых веяний новой культуры стали заметны в начале XX века и тесно связаны о проведением Сибирской железной дороги и интенсивным ростом городов по её ходу. Вытеснение традиционных форм поведения и норм общения, ослабление роли общины и её контрольных функций, а, в меньшей степени, и семьи, привело к появлению и развитию норм, значительно отличающихся от ранее принятых. Такое отклоняющееся, девиантное поведение вылилось прежде всего в чрезмерном, гипертрофированном пьянстве и тесно связанным с ним хулиганстве. Последнее явление было не знакомо русской деревне, да и городу тоже. Поэтому они оказались неподготовленными к нему. В целом, уход старых традиций и невыработанность новых привели к различные викарным (замещающим) формам поведения, проведения досуга, организации праздников. Утрата традиционных ориентиров для большинства крестьян привело к уходу от быстро меняющегося мира к пьянству и развитию девиантного по-

ведения. Многие авторы начала XX века отмечали, что изменения и отмена некоторых обрядов превращает свадьбы, именины, похороны в безличное пьянство, которое эти обряды заменяет[1](178).

В основе традиционной культуры лежит сложная система моделей поведения, в которой действия .людей продуманы заранее, показаны в примерах и закреплены в неких эталонах. В культуре новой, проникающей в Зауралье во второй половине XIX - начале XX века человек должен сам выбирать модель поведения, все его действия свершаются как бы в первый раз[2](180). Однако, житель зауральской деревни оказался неподготовленным к такой смене типов культуры, что и повлекло за собой новые нормы поведения, которые едва ли были бы приемлемы в культурней деревенской среде даже в начале XX века. К этой дезориентации прибавились и действия правительства, которое для поправки бюджета ввело во второй половине X1X века казённую винную монополию. Тем самым, пьянство если и не насаждалось, то, во всяком случае, поощрялось государством[3].

Н.М Чукмалдин с нескрываемой горечью рассказывает, как все его попытки остановить развитие пьянства в родной деревне в 1870-1880-е гг. наталкивались на непонимание и враждебность и властей и односельчан. Ему помогали словом и делом многие, но как только появлялся кабатчик с несколькими вёдрами водки, все его добрые замыслы разрушались. "Вся моя более чем двадцатилетняя борьба с кабаком окончилась моим поражением, и я должен наконец сказать себе: «Да, кабак меня победил»[4].

В селе Кислянское за один только год было открыто два питейных заведения. В приговоре, сделанном по этому случаю оговорено, чтобы владельцы их с крестьян за вино вещами не брали, а если кто упъётся до смерти или в пьяном виде погибнет в кабаке иным способом, , то община за это ответственности не берёт на себя. Однако эти обязательства косвенным образом нарушались. В том же Кислянском в конце декабря 1889 года у пьяного крестьянина в питейном заведении стали требовать уплаты долга, и воспользовавшись беспомощным положением этого крестьянина Кузьмы Осипова, сняли о него в счёт долга полушубок, шапку и рукавицы, когда же в кабак прибежала его жена и попросила водки на оттирание мужа, за которую он, кстати сказать, уже уплатил, то кабатчик ей отказал, заметив: «Собаке - собачья смерть»[5].

---

[1] Касьянова Кс. О русском национальном характере. - М., 1994. - С.155.

[2] Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. - М.,1986 . - С.109-113.

[3] Государственный архив Челябинской области. Ф.627, Оп.1, Д.130, Л.35.

[4] Чукмалдин Н. Мои воспоминания. - Тюмень, 1997.. - С.162-163.

[5] Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф.189, Оп.1, Д.80, Л.88-89, 101-103. Д.204, Л. 1-4.

С наступлением XX века тон источников начинает меняться. Отмечается появление и распространение пьянства не связаного с праздниками (ритуальное пьянство). Пьянство приобрело весьма широкий размах и вышло за пределы традиционного праздничного гулянья. Одновременно возникло и развилось новое явление в зауральской деревне - хулиганство, бороться с ними призывают и представители клерикального лагеря, и сторонники прогресса. «Многим казалось, - пишет один из авторов "Оренбургских епархиальных ведомостей", - что это случайное явление. Оно даже отрицалось... Теперь оно растёт и ширится... Много зла есть в деревне. Есть зло старое, от веков нажитое... Пили, били и крали - раньше. Хулиганство означает совершенно новое явление, оно выражается в малообъяснимом, беспричинном озорстве... Хулиганство в деревне - несомненно зло, разъедающее совершенно общинный уклад». Далее автор статьи проводит прямую связь между ростом пьянства в деревне и хулиганства. Он отмечает что следствием пьянства стал рост насилия, драки кражи у своих родителей денег и вещей детьми.[1]

Священник С. Кротков, также представляющий клерикальные силы, пишет, что к пьянству дети приучаются о детства. Пить не только не является предосудительным, «но и возводится как бы в религиозную обязанностъ... Опьянение окружено каким-то ореолом удали и молодечества»[2]. Особо следует остановиться на той фразе автора в которой, он говорит что пьянство возводится не в ранг религиозной нормы. В условиях всё большей секуляризации общества, место религиозных культов оказывается вакантным. Оно замещается традиционным пьянством, которое из сопутствуюшего празднику постепенно становиться главным ритуалом в нём, вытесняя всё остальное на периферию. С. Кротков приводит следующие данные по числу продажи вина в Тобольской губернии: в 1902 году было продано вина и водки на 3 млн. руб., в 1903 -на 7 млн. руб., 1905 - на 9 млн. руб., а в 1906 - на 10 млн. руб.[3]

В Екатеринбургской епархии наблюдаются сходные явления. В «Епархиальных ведомостях», к примеру, сообщается, что в Екатеринбургской епархии теперь нет такого прихода, который не испытал бы на себе гнёт хулиганов: «разгул, безшабашные частушки, поножовщина, битьё стёкол в домах, драки... Полиция одна бороться с хулиганством не в силах»[4]. Отмечено усиление пьянства в Бродокалмакском и Верхтеченском приходах, пьют в будни, и в праздники. Пьют даже дети. В школе до 70% учеников пробовали водку[5].

---

[1] Оренбургские епархиальные ведомости (ОЕВ). - 1913. - .№ 4.

[2] Шадринский листок. - 1910. - №24.

[3] Там же.

[4] Екатеринбургские епархиальные ведомости. - 1912. - № 42.

[5] ОЕВ. 1912. № 50.

Разгул хулиганства бросался в глаза даже на масленице, когда принято было проказничать и озорничать. После литургии в прощённый день, где бывало до крайности мало народа, начиналась дикая езда пьяных крестьян с пением, бранью, гиканьем, даже четырнадцатилетние мальчики озорничают, привязываются к катающимся детям. «У тебя дети больны, один уж и помер, а ты варишь пиво с приятелями», - завершает свою письменную проповедь священник А. Соколов. Ничуть не лучше вели себя гости и на свадьбе. По приезде в церковь некоторые поезжане уже и ногах не стоят, в церкви шумят, громко критикуют жениха и ругают невесту неприличными словами[1].

Особый размах пьянство приобрело на съезжих праздниках. Эти праздники стали критиковать и духовенство, и либерально настроенные миряне. В селе Падеринском, как и в любом уважающем себя селении также отмечался съезжий праздник. «В среднем на каждый дом приходится в этом селе и его окрестностях по 10 руб., которые пропиваются за такой праздник, а всего в четырнадцати деревнях волости - более полутора тысяч в общем итоге. Только в мае месяце таких праздников в волости два - в деревне Галкиной (9 мая) и селе Падеринском и соседних деревнях (15 мая). Таким образом, в период активных полевых работ, около трёх дней будет потеряно на поголовное пьянство»[2].

Особенно отличался своими гневными филиппиками против пьянства и разгула священник села Чинеевокого Н. Тихомиров. В ряде "поучений", опубликованных в начале 1913 года в «Тобольских епархиальных ведомостях» он приводит довольно мрачные факты последствий праздников и разгула. Толпа молодых парней посреди улицы убила своего товарища, молодой парень среди бела дня застрелил девушку, почти ребенка, на крестопоклонной неделе несколько мужчин и женщин собрались на пирушку, не убоявшись поста, В итоге один из пировавших убил другого. На масленой неделе молодые люди из деревни И. надели подобие священнического .облачения и ходили по деревне, заходили в дома и пели неприличные стихи, позорящие Спасителя и Его Мать. Никто не воспротивился этой выходке, а многие ей сочувствовали[3] Причину подобного поведения священник видит в ослаблении влияния семьи. «За щенком, за котёнком присмотра более, чем за детьми». По его словам, родители ни словом, ни примером не внушили детям правил христианского поведения. «От озорства детей ваших, - продолжает он, -никому нет пощады, ни старому, на малому, ни мужчине, ни женщине».

---

[1] Тобольские епархиальные ведомости (ТЕВ). - 1908. - №2; ТЕВ. - 1912. - № 3.

[2] Курганский вестник. - 1914. - № 51

[3] ТЕВ. - 1913. - №3,8.

Виноваты, по его мнению, также и власти, которые видя не видят и не пресекают бесчинства[1].

Другой священник рассуждает в том же направлении. Он пишет, что в последние годы стала разрушаться вера в прежние авторитеты. В крестьянской семье стало привычным, что сильный бьёт и обижает слабого. Этот опыт переносится и за продолы семьи[2]. Его поддерживает ещё один священник - М. Немчин. Он полагает, что «главная опасность для крестьянских детей состоит в том, что их родители ни пьянстве, ни в табакокурении не находят порока или зла, а глядят на них как на ненаказуемую шалость»[3].

Особенно был известен своей антиалкогольной деятельностью священник села Байдарского о. Николай Булдыгин, который был в числе делегатов от Сибири на I съезде по борьбе о пьянством в Петербурге в I910 году. В своём приходе он нещадно боролся с этим пороком, распространённым и среди клира. Он сделал выговор церковному старосте и уволил псаломщика за нарушение обета трезвости[4]. В Тобольской епархии был даже разработан и предложен священникам набор мер по борьбе с пьянством, в основном агитационного характера. Он включал в себя литургии и крестные ходы, проведение чтений и бесед, чтения в школах о вреде пьянства, разъяснение верующим о греховности поминать усопших водкой, наконец, личный пример пастырей. Вообще, следует отметить, что в 1910-1914 гг. редкий номер «Епархиальный ведомостей» в Екатеринбургской, Оренбургской и Тобольской епархиях не выходил. без того, чтобы в нём не было уделено внимание проблеме пьянства и хулиганства. В целом, следует признать, что этот вопрос нуждается в специальном дополнительном исследовании. В данной работе лишь отражено новое явление в культурной жизни Зауралья появившиеяся в начале XX века, отмечены его основные причины, и указана реакция различных общественных сил на него.

В прогрессивной «Народной газете» даётся рассмотрение проблемы изнутри, с точки зрения самих крестьян, которые в последнее время «пьют с горя и с радости, пьют по малейшему поводу и без всякого повода, пьянство приняло хронический характер в том числе и в Сибири». По мнению самих крестьян такое положение сложилось потому, что это у них «единственное времяпрепровождение... ведь большинство безграмотны»[5].

---

[1] Там же. - № 1.

[2] Болезни деревни// ОЕВ. - 1910. - № 46.

[3] Немчин М. Значение народных школ в борьбе с пьянством// ОЕВ. - 1910. - № 26-27.

[4] ТЕВ. - 1910. - № 4.

[5] Народная газета. - 1914. - № 7.

К проблеме пьянства и хулиганства привлекал внимание и такой серьёзный политический журнал, как «Сибирские вопросы», который поместил на своих страницах ряд статей и заметок, затрагивающих эту проблему. В указанном журнале также пытались выявить причины странных общественных явлений «от которых сибирская деревня стоном стонет». Отмечается, что сокрушение рёбер или расквашивание носов под пьяную руку бывало и раньше, но всегда имело под собой какую-то подкладку. «Теперь же развилось озорство ради озорства, носящее вое черты хулиганства. Вошло, можно оказать, в обычаи, что после каждого праздника часть деревенских обывателей недосчитывается либо стекол, либо зубов»[1].Причина этого, по мнению журнала, кроется в том, что досуг крестьян, особенно молодых, ничем полезным не занят: «Водки, в самой деле, разводится во больше, а жизнь всё голоднее, скучнее... Крестьяне смутно сознают чего им не хватает»[2].

Итак, все указанные авторы как клерикального, так и либерального направления считают главными причинами сложившегося положения отсутствие новых и утрата старых культурных традиций и авторитетов, непросвещённость зауральской деревни, незнание крестьян, чем занять свой досуг. Отмечается также падение авторитета старых и проверенных временем институтов - семьи и общины. Исходя из этого и предлагались различные метода лечения социального недуга. Прежде всего - это расширение грамотности среди сельского населения, привлечение молодёжи к новым формам досуга, открытие библиотек, создание сети обществ народной трезвости. Например, в селе Мендерском по инициативе местной сельскохозяйственной маслодельческой артели было предложено закрыть винную лавку. Однако сельский сход не поддержал такое предложение. Тогда артельная лавка выделила 15 рублей на приобретение и распространение литературы о вреде пьянства[3].

Завершая обзор праздников как важного фактора духовной культуры следует отметить, что в их ходе происходила передача не только социального, но и культурного опыта. На всей площади Южного Зауралья праздники отличались большой степенью схожести проведения - все они (и общественные и семейные) проходили в рамках общины как хранительницы культурных традиций. Все они, так или иначе были связаны с культом православной церкви. В начале XX века, когда стали разрушаться привычные институты (община, большая семья) стали происходить и изменения в культуре праздников. Общество искало новые формы проведения праздников и досуга вообще и не всегда находило позитивные пути. Закрытый мир сельского празд-

[1] Сибирские хулиганы// Сибирские вопросы. - 1911. - № 20-21. - С.61.
[2] Там же. - С.65.
[3] Народная газета. -1914. - № 9.

ника сталкивался с открытым миром городских гуляний и во многом не мог дать ему адекватный ответ, постепенно сдавая свои позиции. В 1917 году разрушение системы традиционных русских праздников резко ускорилось и, по сути дела, стало необратимым.

Нохрин Владимир Михайлович
аспирант кафедры теории и истории государства и права
Института государства и права
Тюменского государственного университета

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

В научной литературе используются два смежных понятия «система военно-учебных заведений» и «система военного образования», что зачастую создает терминологическую путаницу. В связи с этим, целесообразно начать данную статью с терминологического дискурса, который позволит уточнить содержание понятия «система военно-учебных заведений» и исключить разночтение. И. Н. Найденов пишет, что «система военного образования представляет собой совокупность: государственных образовательных стандартов высшего, среднего, послевузовского и дополнительного профессионального образования и соответствующих им образовательных программ; сети реализующих их военно-учебных заведений; органов управления военным образованием»[1]. Таким образом, И. Н. Найденов в качестве элемента системы военного образования выделяет сеть военно-учебных заведений, которые, по мнению В. В. Шалупенко, являются основой данной системы[2]. Автор солидарен с вышеизложенной точкой зрения, система военного образования и система военно-учебных заведений соотносятся как целое и часть. Место военно-учебного заведения в системе определяет его правовой статус. Система военно-учебных заведений предполагает совокупность и взаимосвязь составляющих её элементов и начинает складываться при Петре I.

История военного образования в России берет свое начало на рубеже XVII-XVIII веков. Воцарение Петра I принесло кардинальные перемены в государстве и обществе, но особенно они коснулись русской армии, которая на тот момент как никогда была необходима. Это объяснялось наличием агрессии со стороны соседних стран и стремлением российского государства к

[1] Найденов И. Н. Разорительное дублирование. Система военного образования не в состоянии обеспечить потребность государства в офицерах // Независимое военное обозрение. 23.11.2001. (http://nvo. ng.ru/ concepts/ 2001-11-23/4_duplication.html).

[2] Шалупенко В. В. Развитие системы военного образования в России: характерные черты и современное состояние // Социология образования. - 2007. - № 7. - С. 27.

расширению своих границ. Создание регулярной армии, в свою очередь, потребовало квалифицированных военнослужащих. Таким образом, открытие военно-учебных заведений явилось скорее результатом внешнеполитического вызова и объективной необходимости ведения войн, чем развития русских традиций обучения войск. В литературе высказывается и противоположная точка зрения. Например, Л. Г. Бескровный пишет: «их (военных школ – *В. Н.*) возникновение было вызвано развитием военного дела…..»[1]. Но факты говорят об обратном, в конце XVII – начале XVIII веков в военно-учебных заведениях иностранцы составляли большую часть преподавательского состава, кроме того они занимали командующие должности в войсках. Европейская армия была более организованной и достаточно хорошо обученной в отличии от русской, что явилось основной причиной первоначального поражения русских в Северной войне.

Во многом модернизация страны Петром I осуществлялась путем заимствования достижений европейских стран. Так, по примеру зарубежного опыта в 1698 г. была открыта Военно-артиллерийская школа при бомбардирской роте лейб-гвардии Преображенского полка, а в 1701 г. – Школа математических и навигационных наук, Артиллерийская школа, включавшая в себя два отделения: первое готовило унтер-офицеров в сержантском звании, которые после прохождения практики в войсках производились в офицеры («Инженерная школа»); второе отделение выпускало мастеров, бомбардиров и канониров и писарей («Цыфирная и словесная школа»). Исследователями высказывается мнение, что первая Инженерная школа была учреждена 16 января 1712 г.[2] Однако в п. 17 указа Петра I от этой даты повелевается «Школу Инженерную умножить….», что свидетельствует о существовании подобной школы в более ранний период[3]. В 1719 г. в С.-Петербурге была образована другая инженерная школа, к которой в 1723 г. присоединилась и школа московская.

В истории военного образования существенное значение имело учреждение в 1715 г. Морской академии в С.-Петербурге, вследствие чего Московская школа математических и навигационных наук утратила свое значение, и продолжала существовать как подготовительное учебное заведение для поступления в данную академию. По нашему мнению, с этого момента можно говорить о системе военно-учебных заведений, поскольку между вышеука-

---

[1] Бескровный Л. Г. Военные школы в России в первой половине XVIII в. // Исторические записки. - 1953. - Т. 42. - С. 300.

[2] Мельницкий Н. Н. Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России (Сухопутного ведомства). Т. 1. Ч. 1. - СПб.: Главный штаб Его Императорского Величества по Военно-учебным заведениям, 1857. - С. 2; Машкин Н. А. Высшая военная школа Российская империи XIX – XX века. - М.: AcademA, 1997. - С. 20.

[3] 1-е ПСЗ. Т IV, № 2467.

занной школой и академией возникает тесная связь и взаимодействие. Но эта система не была тогда ещё достаточно развитой.

В 1721 году по указу Петра I в каждом из пятидесяти пехотных гарнизонных полков учреждались школы с пятьюдесятью вакансиями для солдатских сыновей, а спустя 11 лет было нормативно закреплено их устройство[1]. В системе военно-учебных заведений гарнизонные школы занимали низший уровень и давали образование детям, начиная с семилетнего возраста. Их обучали грамоте, арифметике, другим общеразвивающим предметам, и в зависимости от профиля гарнизона ученики получали знания о военном деле.

В то же время во всех крупных портах создавались адмиралтейские школы, первая из которых, как указывает Л. Г. Бескровный, была открыта в 1703 г. на Воронежской верфи[2]. Но специальный указ об учреждении подобных школ был издан только 28 ноября 1717 г. По своему положению данные школы были схожи с гарнизонными, и те и другие в официальных документах назывались «русскими школами», подготавливавшими унтер-офицеров и других лиц младшего командного состава армии и флота.

При Петре I открывается и первое военно-медицинское учебное заведение. Так в 1707 г. при Московском военном госпитале стала функционировать хирургическая школа. Подобная школа была учреждена при Адмиралтейском госпитале в Кронштадте. Армия и флот получила квалифицированных врачей.

Анализ литературы показал, что во взглядах на историю зарождения военно-учебных заведений в Петровский период у исследователей имеются расхождения по поводу их числа и дат основания. Но неоспоримым является тот факт, что в первой половине XVIII века была создана современная по тем меркам система военного образования. Нужно отдать должное Петру I как дальновидному правителю, деятельность которого вывела страну на один уровень с европейскими державами, а ставшие непобедимыми армия и флот, заставили считаться с интересами Российской империи.

После Петра I система военного образования не развивалась и постепенно приходила в упадок. Созданные артиллерийские школы вскоре перестали существовать, а вновь открывшиеся военные школы давали обучающимся ограниченные и недостаточные знания военного дела. Тем не менее, следует отметить и некоторые положительные моменты в развитии сети военно-учебных заведений. Так, 29 июня 1731 года был подписан именной указ

---

[1] Лалаев М. С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. Ч. 1. - СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1880. - С. 10; 1-е ПСЗ. Т. VIII, № 6188.

[2] Бескровный Л. Г. Военные школы в России в первой половине XVIII в. // Исторические записки. - Т. 42. - 1953. - С. 295.

об учреждении первого в истории России кадетского корпуса, который вначале именовался Шляхетским, а затем Сухопутным. Если петровские военные школы были профильными и имели сугубо практическую цель подготовки специалистов для конкретного рода войск, то данный кадетский корпус стал первым общевойсковым военно-учебным заведением, с расширенной программой общеобразовательных дисциплин.

Заложенная Петром I система военно-учебных заведений была построена на основе их дифференциации в зависимости от профиля. Данной системе соответствует ведомственный принцип управления военно-учебными заведениями. Под ним автор предлагает понимать такую организацию управления военно-учебными заведениями, при которой последние подчиняются тому или иному административному органу, соответствующему профилю подготавливаемых в военно-учебном заведении специалистов. К примеру, Школа математических и навигационных наук впоследствии была подчинена Приказу морского флота и Адмиралтейской канцелярии, а Инженерная школа с 1726 г., на тот момент объединенная Московская и С. Петербургская, - Конторе инженерного правления[1]. Таким образом, учрежденный Шляхетский кадетский корпус являлся общевойсковым и не вписывался в петровскую систему военно-учебных заведений, однако потребность в офицерских кадрах общей специализации ощущалась весьма остро, что оправдывало этот шаг.

В течение последующих десятилетий XVIII века при правлении приемников Петра I, в изменениях системы военно-учебных заведений преобладала тенденция их интеграции. Были объединены гарнизонные и «цыфирные» школы (1744 г.); Морская академия и Школа математических и навигационных наук образовали Морской кадетский корпус (1743 г.); Петербургская артиллерийская и инженерная школы объединились под названием Артиллерийская и инженерная дворянская школа (1758 г.), впоследствии Артиллерийский и инженерный шляхетный кадетский корпус (1762 г.). В царствование Петра III, была предпринята попытка объединения трех кадетских корпусов (Сухопутного, Морского и Артиллерийского) в одно обширное военно-учебное заведение[2]. Данный проект был разработан И. И. Шуваловым, но не был претворен в жизнь, т. к. взошедшая на престол Екатерина II отменила изданный ранее Указ Петра III.

Последняя четверть XVIII века для системы военно-учебных заведений стала периодом нового подъема. В 1775 году открывается «корпус чуже-

[1] Мельницкий Н. Н. Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России (Сухопутного ведомства). -Т. 1. Ч. 1. - СПб.: Главный штаб Его Императорского Величества по Военно-учебным заведениям, 1857. - С. 5-6.

[2] 1- е ПСЗ. Т. XV, № 11515.

странных единоверцев» или Греческий кадетский корпус для детей, оставшихся сиротами во время предшествующей русско-турецкой войны, который просуществовал до 1796 г. В те же года С. Г. Зоричем за счет собственного капитала было учреждено Шкловское благородное училище, затем преобразованное в Гродненский кадетский корпус. Открываются школы Е. Войцеховского, школа при Виленском университете, военно-воспитательная школа при Генеральном штабе. В 1798 г. Сиротский дом и гарнизонные школы образовали Императорский Военно-сиротский дом с его гарнизонными отделениями.

В течении XVIII века в Российской империи не сложилось единообразие в системе военно-учебных заведений, которые имели существенные различия между собой не только в программах и сроках обучения, но и в правовом статусе. Военно-учебные заведения беспрерывно реорганизовывались, создавались и закрывались, все это свидетельствовало о неустойчивости их системы. У руководства государства не было четкого курса развития военного образования, решения принимались ситуационно. В таких условиях система военно-учебных заведений не могла обладать постоянством.

Предеин Павел Юрьевич
Аспирант кафедры уголовного права
Уральской государственной юридической академии

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УЧЕНИЯ О СОСТАВНЫХ И СЛОЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

К числу проблем, которые с философских подходов являются неисчерпаемо вечными, а с точки зрения социальной, экономической и политической обусловленности бесконечно изменчивыми, относится такой институт уголовного права как преступление. В свое время автор «Положительной философии» Огюст Конт высказывал верную мысль о том, что абсолютно любая концепция может быть правильно понимаемой только тогда, когда известна история ее развития.[1] Протекают неспешно века, сменяются друг за другом эпохи, а вместе с ними и ряды человеческих поколений, каждое из которых оставляет свой неповторимый смысловой оттенок в понимании того или иного явления. Благодаря такому богатому «наслоению» сегодня наука уголовного права дает нам возможность «…оценивать наследие времен минувших и доли участия в нем работы различных предшествовавших поколений. Указы-

[1] Конт О. Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении). СПб. 1910. - С.51.

вая же на значение прошлого, она тем самым дает нам возможность правильно понимать настоящее».[1]

Говоря о такой противоречивой категории уголовного права как преступление, стоит указать на то, что более чем за тысячу лет ученые до сих пор так и не смоги отыскать ответ на вопрос: что есть преступление? В чем его сущность, содержание и форма? Каково его понятие? А количество предложенных вариаций различных законодательных и теоретических определений вообще вряд ли кто-нибудь осмелится подсчитать. Даже на вопрос относительно того, является ли преступление объективной формой бытия или оно всего лишь абстрактная категория, нет четко сформулированного ответа.

Для большего удобства наука уголовного права рассматривает преступление не как абстрактную категорию, неизменную, раз и навсегда данную, ни от чего не зависимую, а как реально существующее социальное явление. Рассматривая преступление подобным образом, мы закономерно приходим к выводу, что преступление - исторически изменчивая категория.

Очевидно, что оно начинает формироваться на определенном этапе развития человеческого общества – разделение труда, появление частной собственности и, конечно, возникновение государства, одновременно с которым возникает и право вообще. После возникновения государства, для его дальнейшего существования и развития необходимо было определить и запретить наиболее серьезные и опасные линии поведения. Теперь за нарушение предписанных правил поведения каждый подвергается мерам негативного воздействия уже не от имени социальной общности, а от имени государства в лице специально уполномоченных на то органов. А перечень деяний, признаваемых преступлениями, и наказание, назначаемое за их совершение, устанавливается не традициями и обычаями, а зафиксированными в письменной форме повелениями. Следовательно, как явление социальной действительности преступление существовало задолго до возникновения государства, но не имело соответствующего наименования. Потому не вызывает сомнений и утверждение, что «по сути, это были любые сознательные деяния членов общества, которые вступали в противоречие с существующими в нем традициями, обычаями и иными общепризнанными правилами поведения и существенно дезорганизовывали нормальную жизнедеятельность данной социальной организации».[2]

---

[1] Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М.: Инфра-М, 2006. - С.197

[2] Учебник / Под общ. ред. проф. Л. Д. Гаухмана, проф. Л. М. Колодкина и проф. С. В. Максимова. - М.: Юриспруденция,1999. - С.42

Кто первым совершил на планете Земля преступление, история по объективным причинам указать не может. Но если рассматривать данную проблематику в религиозном аспекте, то людьми, совершившими первородный грех, являются Адам и Ева, вкусив в раю запретный плод - яблоко познания.[1] В свое время великий философ Томас Гоббс в трактате «Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского» справедливо указывал, «…всякое преступление есть грех, но не всякий грех есть преступление».[2] Сейчас же очевидно, что не каждое преступление грех, и история подтверждает это, а если обратиться к современности, то, например, сложно говорить о какой-либо греховности в случае совершения преступления, предусмотренного ст.140 УК РФ «Отказ в предоставлении гражданину информации», а преступления, предусмотренные в некоторых штатах США, вообще поражают своей нелепостью.

Если попытаться отследить историю развития понятия преступление в отечественном уголовном праве, то необходимо отметить, что на различных этапах существования Российского государства понятие преступного поведения определялось различным образом. Это связано с различным общественным и государственным строем, и естественно с господствующей в стране уголовной политикой правящего класса. До начала XVIII века очень сложно проследить именно научную мысль относительно рассматриваемого понятия, но объективно можно заключить, что в любой исторический период времени лица, разрабатывавшие и принимавшие уголовные законы, были людьми высокообразованными. Ибо было бы глупо полагать, что абсолютно каждый указ, распоряжение, уложение или закон был разработан исключительно главой государства или группой недалеких людей. Исходя из данной посылки, можно предположить, что на принимаемые уголовные законы могли влиять не только происходящие исторические процессы, но и «научная мысль» приближенных советников. С этой точки зрения анализ памятников права представляется перспективным методом исследования эволюции не только легального определения понятия преступления, но также становления и развития таких противоречивых и близких друг другу по содержанию институтов уголовного права как составное и сложное преступление.

Так договор Руси с Византией, заключенный в 912 году, содержал в себе не только установления политического, социального и экономического порядка, но и упоминание о русском праве. В тексте указанного договора мы

---

[1] И.Я. Козаченко Философско-историческая обусловленность соотношения институтов преступления и наказания. Философские и исторические основы уголовного права: Материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной памяти М.И. Яковлева(К) февраля 2006г.). - Екатеринбург: Издательский лом «Уральская государственная юридическая академия», 2007. - С.7.

[2] Т. Гоббс Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. - М. 1991. - С.53.

можем найти термин «злодеяние», который по содержанию соответствует преступлению. Забегая немного вперед, отметим, что впервые легальное определение в отечественном уголовном праве дается в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Тем не менее, договор содержал перечень конкретных преступлений, наиболее распространенных в тот период в обеих странах, в частности описаны убийство, нанесение телесных повреждений, кража, грабеж, похищение человека, торговля людьми и др. Нетрудно заметить, что конструкции и составных, и сложных преступлений уже использовались. Обращаясь непосредственно к текстовому содержанию целесообразно процитировать одно из положений договора: «Если кто из христиан или из русских посредством побоев покусится (на грабеж) и явно насильно возьмет что-либо, принадлежащее другому, то пусть вернет в тройном размере».[1]

С точки зрения современной доктрины уголовного права строение процитированной уголовно-правовой нормы договора отвечает всем признакам составного преступления: фактически здесь содержатся признаки хищения чужого имущества и причинение вреда здоровью (нанесения побоев), которые выступает в качестве способа завладения. Однако в отличие от современного состава преступления разбоя, которое сформулировано по типу формального, данное преступление считалось оконченным только после наступления общественно опасных последствий - завладения чужой вещью. Наличие сложных преступлений также очевидно, это и похищение человека, и торговля людьми, и конокрадство и т.д. Из всего этого вытекает однозначный вывод: конструкции составных и сложных преступлений в это время уже использовались, вероятнее всего, неосознанно, но все же. Поэтому утверждение А.П. Козлова о том, что составные преступления это всего лишь особенность построения той или иной нормы, т.е. искусственное их соединение, а в действительности это множественность, выглядит довольно странно.[2]

Русская Правда, сколько бы ни спорили ученые о ее значении, условиях возникновения, способе составления и относительно того, была ли она официального или частного происхождения, неоспоримо одно: она является наиболее ранним источником законодательных сборников древней Руси. Такие институты, как месть, выкуп, суд послухов: у всех народов возникают обычным путем и не могут быть заимствованы или созданы творческой деятельностью законодателя; это самые древние институты обычного права.[3] В

[1] История отечественного государства и права: Сборник документов. - Екатеринбург: изд-во УрГЮА, 2003. -С.8.

[2] Козлов А.П. Юридическая природа составных и альтернативных «преступлений» // Вестник КрасГАУ. - 2006. - №10

[3] Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Уголовная юриспруденция дореформенной России. Глава первая // http://www.pravo.vuzlib.net/book_z1171_page_5.html.

первой (краткой) редакции содержится статья 19: «А если *убьют* огнищанина *по-разбойничьи*, а убийцу люди не ищут, то виру платит та вервь, где найден убитый».[1] Очевидно, что здесь идет речь об убийстве при совершении разбоя, однако отдельно о разбое в правде не говорится.

Если законодательные конструкции сложных преступлений использовались еще до издания Русской правды, то законодательно признаки впервые определение одного из его видов – длящегося – впервые упоминается в ст.162 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845г., где такие преступления назывались «беспрерывно продолжаемыми». К таким преступлениям относились: отпадение от православной церкви, нахождение заведомо в противозаконном браке и др.[2] Н.С. Таганцев, будучи одним из первых в рядах ученых, рассматривающих проблемы сложного преступления, рассматривая отдельные виды сложного единичного преступления, использовал характерное для немецкой доктрины учение об осложненной форме преступных деяний. Он выделял: преступления длящиеся, продолжаемые и «учиненные по привычке к промыслу».[3] При этом в особую группу он ставил составные преступные деяния - «это такие, когда закон из нескольких отдельных преступных посягательств, находящихся в известном соотношении друг с другом, в которых, например, одно является средством или последствием другого, образует одно преступление».[4] Именно этот признак впоследствии и стал считаться ключевым при характеристике составных преступлений, а составное преступление стали рассматривать как один из видов сложного преступления вместе с продолжаемым и длящимся.

Советское уголовное законодательство определений понятий сложного и составного преступлений не содержало. В теории же уголовного права понятия их трактовались по-разному. У большинства ученых мнение сходилось в следующем: существует единичное простое и единичное сложное преступление, видами (разновидностями) сложного единичного преступления являются длящиеся, продолжаемые и составные преступления. Составные преступления, в свою очередь, также подлежат детальной классификации, которую впервые провел В.П. Малков.[5] Не слишком ли сложная схема классификации?

Сегодня в рассматриваемой проблематике преобладает точка зрения советской школы уголовного права, однако все чаще мы встречаем отожде-

---

[1] Тихомиров М.Н. Пособие по изучению Русской Правды. - М., 1953. - С.76.

[2] Куличенко Н.Н. Уголовно-правовая оценка единичного сложного преступления. Дисс. канд. юр. наук. – Омск, 2006. - С.14.

[3] Таганцев Н.С. Русское уголовное право: (Часть Общая): Лекции: в 2 т. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб. 1911. – Т.2. - С.281.

[4] Таганцев Н.С. Указ. соч. - С.288.

[5] Малков В.П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. – Казань, 1982.

ствление этих понятий, многие современные авторы делают непростительную ошибку, сводя воедино указанные категории. Перечисляя признаки характерные только для составных преступлений, одни называют их сложными, при этом пишут «сложное (составное)», другие же наоборот пишут «составное (сложное)», а затем, как ни в чем не бывало, проводят указанную выше классификацию.

Исходя из вышесказанного, обоснованно и закономерно возникает вопрос: «Не назрела ли необходимость в выделении составных преступлений в качестве самостоятельной уголовно-правовой категории со своей системой, со своими правилами построения норм и правилами квалификации?». Это раз и навсегда решит множество разногласий, поможет правильному и единообразному пониманию как составных преступлений, так и сложных, тем более разработанная в уголовно-правовой науке теоретическая база позволяет нам сделать это. Кроме того данное разделение понятий не является самоцелью или абстрактным теоретизированием. «Они имеют большое практическое значение, поскольку выполняют важную ориентирующую функцию, позволяют уточнять характеристики отдельных составов преступлений, а следовательно, и правильно устанавливать их признаки в реальных жизненных ситуациях».[1]

Слижов Григорий Вадимович
в/ч 2351

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Вопросам социального развития общества, сущности социального государства в научной литературе в последнее время стало уделяться достаточно много внимания. Отечественные ученые понятие «социальное государство» рассматривают, как «конституционное понятие означающее, что государство берет на себя в объеме соответствующим его возможностям, обеспечение определенного уровня жизни своих граждан, удовлетворение их материальных и духовных потребностей… Социальное государство означает конституционную гарантию государственной поддержки образования, здравоохранения, социального обеспечения, помощи социальным группам с низкими доходами»[2].

Воспринимая международные правовые нормы, Конституция РФ (ст. 7) провозглашает: «РФ - социальное государство, политика которого направле-

[1] Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. Учебное пособие. – М.: Юрлитинформ, 2009. - С.21.
[2] Социальное государство// Юридический энциклопедический словарь. - М.,2003. - С. 476.

на на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Эта концепция российской государственности подтверждается тем, что треть статей Конституции посвящена правам и свободам человека и гражданина.

По основным субъектам выполнения социальных функций государства подразделяются на патерналистские (государство берет на себя максимум социальных обязательств) и субсидиарные (ответственность за благосостояние граждан государство делить с институтами гражданского общества).

Из анализа проводимых в Российской Федерации реформ в социальной сфере следует, что России отходит от принципов патерналистского государства и предоставления социальных гарантий на уравнительных подходах. В финансировании программ социальной поддержки утверждаются их адресные формы.

Представляется, что современное государственно - организованное общество несет обязанность заниматься социальной помощью, когда люди не в состоянии обеспечить себе прожиточный минимум, но с одним решающим условием: первичная и главная обязанность обеспечить свое существование, благосостояние своей семьи лежит на самом трудоспособном человеке. Такая обязанность прямо зафиксирована в Конституциях большинства современных государств (ст.4 Конституции Итальянской республики, ст.35 Конституции Испании) и конкретизируется в социальном законодательстве.

Л. Дюги по этому поводу писал: «На государстве лежит долг издавать законы, делающие для всех труд обязательным… Недопустимо, чтобы член общественного целого ничего не делал, и недопустимо, чтобы государство не обязывало его делать что-либо»[1]. Для полностью трудоспособных граждан социальная помощь должна носить временный характер, не позволяя гражданину превратиться иждивенца. Современное социальное государство должно отходить от практики прямых материальных выплат по безработице, а переводить средства на оплату обучения новой специальности безработному, создания дополнительных рабочих мест. «Каждый полностью работоспособный гражданин, во первых, способен проявить волю к самопомощи, обеспечить прежде всего, самого себя необходимыми средствами к существованию; во вторых, сам человек (а не какие-либо другие субъекты за него) должен содержать свою собственную семью; в-третьих, как член государственно-организованного общества, в любом случае получающий пользу от коллективных усилий всех людей, от результатов процесса всеобщего социаль-

[1] Цит. по: Корякин В.М. Правовое обеспечение военно-социальной политики Российской Федерации: Дисс. д-ра юр. наук. - М.:РАГС, 2005. - С.108.

ного воздействия, он должен вносить свой индивидуальный вклад в общее благо, приумножать его»[1].

К сожалению, указанный принцип в основном законе Российской Федерации отсутствует. Статья 37 Конституции РФ закрепляет право граждан России свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, но обязанности граждан трудится, в Конституции нашей страны не закреплено, что следует отнести к недостатку российского конституционного законодательства, т.к. отсутствии данного законодательно закрепленного положения неизбежно ведет к социальному иждивенчеству.

На современном этапе для большинства современных социальных государств характерна тенденция увеличения роли структур гражданского общества в социальной сфере. Гражданское общество, основываясь на совместно определенные приоритеты общественного развития, берет на себя решение отдельных социально значимых проблем, тогда как государство призвано решать лишь те задачи, которые институты гражданского общества не в состоянии решить, те вопросы, которые требуют централизованного управления сверху.

Основным, доминирующим субъектом реализации социальной функции в современной России, является государство, роль структур гражданского общества незначительна. Причинами, такого положения является то, что в современном российском обществе структуры гражданского общества развиты недостаточно, не способны стать реальным равноправным партнером государству, участвовать в процессе принятия решений, а российский бизнес пока не осознал значимость решения социальных проблем всеми секторами общества, важность собственного участия в этом, в том числе и для себя, а воспринимает на данном этапе пока лишь, как повинность, новый вид налога или же исключительное благодеяние со своей стороны.[2] Исследование, проведенное Ассоциацией менеджеров России, показало, что 73% предпринимателей основным мотивом социальных инициатив компаний назвали «административное давление»[3]. Важнейшим из препятствий успешному развитию взаимодействия власти и экономических структур является недостаточность его правового обеспечения[4].

---

[1] Мамут Л.С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. - 2001. - № 7. - С. 12.

[2] См.: Гаврилова И.Н. К вопросу о социальной ответственности бизнеса и государства в России. // Государственная власть и местное самоуправление. - 2005. - №10.

[3] См.: Бизнес и общественное развитие России: проблемы и перспективы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.//asi.org.ru/asi3/main.nsf

[4] См.: Тихомиров Ю.А. Договоры между бизнесом и органами власти. //Законы России.- 2007. - № 9. - С. 109.

Базовой классификацией социального государства является классификация Госты Эспин-Андерсена, в которой выделяется три типа социального государства: либеральное, корпоративное и социал-демократическое[1].

Либеральная модель характерна для таких стран как Великобритания, Ирландия, США, Канада. В основе либеральной модели социального государства лежит индивидуальный принцип, который предполагает личную ответственность каждого члена общества за свою судьбу и судьбу своей семьи. Роль государственных структур в непосредственной реализации социальной функции сведена к минимуму. Государство берет на себя ответственность лишь за сохранение минимальных доходов всех граждан и с помощью института социальной помощи осуществляет социальную поддержку наиболее уязвимых слоев общества. С другой стороны, оно максимально стимулирует создание и развитие в обществе различных форм негосударственного социального страхования и социальной поддержки.

В основе корпоративной модели социального государства лежит корпоративный принцип, который предполагает максимум ответственности корпорации (предприятия, организации) за судьбу своих работников. Предприятия, стимулируют работников к внесению максимального трудового вклада, за что предлагают ему различные виды социальных гарантий в виде пенсионного обеспечения, частичной оплаты медицинских и образования. Государство, оказывая содействие объединениям работников и работодателей в вопросах обязательного социального страхования, не отстраняется полностью от ответственности за социальное благополучие в обществе. Стран с данной социальной системой – Франция, Германия, Япония, Бельгия, Австрия.

В основе социально-демократической модели социального государства лежит принцип солидарности. Этот принцип означает ответственность всего общества за судьбу своих членов. Государство предоставляет всем гражданам широкий круг гарантий, льгот и социальной поддержки. Государство берет на себя большую часть ответственности за социальное благополучие граждан. К странам сданной моделью относят - Швеция, Финляндия, Норвегия, Финляндия

Следует отметить, что социальная модель Российского государства до сих пор не определена, используются элементы разных моделей социальных государств: государственное пенсионное обеспечение, социальное, медицинское обслуживание сочетается с социальным обеспечением граждан за счет предприятий, учреждений, с помощью взимания с них социальных налогов,

[1] См.: Родионова О.В.Социальная функция современного государства. дисс. доктора юрид. наук. - М., 2007. - С. 58.

привлечение средств самого населения в сфере пенсионного обеспечения, развитие платных услуг в области образования и здравоохранения[1]. На состоявшемся заседание Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации С.М.Миронове было отмечено, что «экономические реформы в России продвигаются по либеральному пути, а на уровне государственного строительства пытается строиться социальная модель. Говорить о России как о социальном государстве пока рано, хотя в последние годы приоритеты в России сменились, но во многом «социальное государство» остается красивой декларацией»[2].

Данный вывод подтверждается анализом основных материально-экономических индикаторов эффективности социальной политики. Например, в Российской Федерации законодательно установленный минимальный размер оплаты труда ниже прожиточного минимума для трудоспособного населения[3]. Такое соотношение минимальной заработной платы и минимального прожиточного уровня не укладывается ни в какие экономические и правовые рамки. Даже если минимальный размер оплаты труда будет равен величине прожиточного минимума в стране, то это не сможет решить проблему бедности в России[4].

Функционирование социального государства невозможно без закрепления минимальных социальных стандартов. К сожалению, Федеральный закон «О государственных минимальных социальных стандартах» до настоящего времени не принят, хотя его проект был разработан в начале 90-х годов.

По оценке высшего руководства страны в России нет пенсионеров, живущих за официальной чертой бедности[5]. Так по планам среднегодовой размер трудовой пенсии в РФ в 2011 году составит 8,412 тысячи рублей. О возможности достойно жить на данную сумму, при постоянно возрастающих затрат на содержание жилья, медицинское обслуживание, вопрос остается открытым.

---

[1] См.: Бобылев А.И. Теория и практика формирования правового и социального государства. // Право и политика. - 2003. - №3. - С.13.

[2] См.: Социальное государство: реальность и перспективы: Материалы пресс-службы Совета Федерации// http://www.council.gov.ru.

[3] См.: Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации за III квартал 2010 г.: Постановление Правительства РФ №1020 от 16.12.2010// Собрание законодательства РФ. - 2010. - № 51 (3 ч.). - Ст. 6946.; О внесении изменений в статью 1 федерального закона «О минимальном размере оплаты труда»: Федеральный закон от 24 июня 2008 г. № 91-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2008. - №26. - Ст.3010.

[4] Челнокова Г.Б Социальное законодательство, направленное на защиту от бедности в России: Научно-практическое пособие. –М.: Проспект, 2009.

[5] Путин В.В. Отчет правительства о работе в 2009г. // http://www.rian.ru/pension_news/ 20100420 / 224582618.html

Таким образом, констатируя факт того, что современная Россия не является по существу социальным государством, необходимо отметить, что целью деятельности государства и вытекающие из них задачи предопределяют круг обязанностей Российского государства в социальной сфере и задают ему определенный режим функционирования.

Тимохин Евгений Анатольевич
Курганская государственная сельскохозяйственная академия
им. Т.С. Мальцева

ОБЩИЕ И ЕДИНИЧНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ СЛУЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVII ВЕКЕ

В XV – XVI вв. в Русском государстве на законодательном уровне были созданы определенные условия для развития ремесел и промыслов. Посредством издания различных указов, грамот, наказов вводилась система пошлин и льгот, регламентировалась хозяйственная деятельность населения. В результате имело место усиление хозяйственной функции государства[1]. Регулирующая функция законодательства сохранила свое значение в XVII в.: сохранился и усилился сформировавшийся ранее как директивный аспект, так и характер оснований для введения различных норм[2].

В царских грамотах стали практиковать не только введения конкретных норм по урегулированию социальных отношений, но и фиксировать основание для их введения. В частности в качестве оснований стали выступать как предшествовавшие введению норм события, так и ранее утвержденные нормы[3]. Сведения, как правило, становились источником нарративной части царской грамоты или таких документов как отписки, памяти. Данная нарративная закономерность прослеживается в материалах законодательства, как на Руси, так и в Сибири.

Нарративность в трактовке поведения населения, в частности, служилого имела, как правило, конкретный характер, но и вносились общие представления о функциях служилого населения. Историко–юридический анализ позволяет определить соотношение единичных и общих признаков деятельности служилого населения с точки зрения законодательства. В этой связи одним из основных теоретических посылов является общее определение правового поведения, которое представляет собой поведение «предусмотренное

---

[1] Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. – М.: Наука, 1986. – С. 118.

[2] Акты относящиеся до юридического быта древней России (АЮБ).Т.1.СПб., 1857. – Стб. 129 – 131 № 41/II Акты московского государства, изданные императорской академией наук (АМГ)/ Под ред. Н.А. Попова. - Т.1. Разрядный приказ. Московский стол (1571–1634). - СПб., 1890. – С. 105–106. - № 68.

[3] АМГ Т.1. СПб., 1890. – С. 126 № 84; С. 133 – 134 № 99. .

нормами позитивного права и получившее с их стороны определенную юридическую оценку. То есть это поведение, находящееся в сфере действия юридических норм и так или иначе урегулированное ими»[1]. Введение в исследование теоретических конструкций позволяет установить, насколько реально современным научным языком объяснить значений категорий правовой культуры более раннего периода истории российской государственности.

Определение в царских грамотах общих и единичных признаков поведения служилого населения Западной Сибири начинается в конце XVI – начале XVII вв. Показателем соотношения признаков в царских грамотах выступает повествовательная часть документа, формуляр которых был определен А.А. Бродниковым[2]. Так в первые месяцы основания г. Томска в 1604 году уже стали приходить первые царских грамоты подобного характера, в июле месяце поступила грамота, составленная ещё в феврале, предметом которой стал вопрос об отпуске служилого человека конного казака Константина Пантелеева в Пермь: «Бил нам челом Тарского города конной каз…Кос…лесь, а сказал: преж де сего служил он…/ наши всякие службы…/ лет. И служа де он наши службы стал стар/ и болен, и увечен. А обетник…в монастыре в Перми Великой, и нам бы его пож… велети для его болезни из Сибири отпустит…/ постритца». В данном случае общим признаком вполне может выступать указание на общеизвестный вид деятельности служилых людей – «служба». Обозначение «службы» во множественном числе созвучно наличию широкого круга обязанностей и соответствующего государственного обеспечения, без которого служба была просто немыслима[3]. Многофункциональность служилых прослеживается и на уровне высших слоев в лице воевод[4].

Единичным признаком в грамоте 1604 года, отличающим поведение служилого от поведения других служилых может быть указание в конце описательной части на желание служилого постричься в монахи, подтвержденное в резолюционной части грамоты: «А сослан будет он в Сибири…/ не в

---

[1] Пьянов, Н.А. Правовое поведение: понятие и виды//Сибирский юридический вестник. - 2004. - № 4. – С. 12.

[2] Бродников, А.А. Документальные источники о взглядах служилых людей Восточной Сибири XVII века на свои права и обязанности // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 134

[3] Никитин Н.И. Военно–служилые люди Западной Сибири XVII в. (Из истории классово – сословного строя позднефеодальной России): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 1976. – С. 94 – 142.

[4] Андриевский, И.А. О наместниках, воеводах и губернаторах. – СПб., 1864. – С. 53–106. Бахрушин С.В. Воеводы Тобольского разряда// Бахрушин С.В. Научные труды.Т.3.Избранные работы по истории Сибири XVI – XVII вв.Ч.1. Вопросы русской колонизации Сибири в XVI – XVII вв. М.: Изд-во АН СССР,1955. – С. 253–265. Симачкова Н.Н. Становление воеводской системы управления в Сибири в конце XVI – XVII вв.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. – Нижневартовск, 2002. – С. 31–169. Путилин С. В. Служилое население Западной Сибири в конце XVI – начале XVIII вв.: историко – мировоззренческий аспект: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. – Челябинск, 2006. – С. 49.

нашей опале, и вы б его от нашие служ…/ и отпустили его на его обещане постричися, а ево…/ велели ему казака прибрати такова ж, каков са…/». Подобный единичный признак мог быть вполне как отражением факта биографии конкретного служилого, так тем «фоном», на основе которого формировалось в центральных органах власти представление приказных чинов о служилых людях. Для данной грамоты характерно, что признаки не заключены в одно предложение грамматически, они не обособлены от общих признаков: «И служа де он наши службы, стал стар / и болен, и увечен». Разграничения отсутствуют, но при этом значение такого общего признака как старость и увечье служилого сохраняется и в более позднее время в других уездах. Так повествовательной части грамоты тюменскому воеводы от 17 ноября 1654 года, предметом которой были вопросы поверстания служилого Андрушки в «оклад» в конные казаки вместо убитого отца, указано: «…а прежние службы из–за смерти…ево велети ему (Андрушке – Е.Т.)…быти на Тюмени в конных казаках в отца ево место…»[1]. Описательная часть грамоты тем самым отражает общую закономерность для поведения служилых в первой половине XVII столетия: в стрельцах, в казаках службу проходили люди, стремившиеся повторить путь родителей, которые были либо священниками («поповичи»), либо детьми дьячков и представителями подобных категорий населения[2].

Отношения к церкви, описанные выше – проявление определенных норм в сфере государственно–церковных отношений, служилый человек вполне мог считаться некоторым посредником между церковью и государством. Посредническая роль зависела от религиозности служилого. В религиозных представлениях синтезировалась как социальная реальность, так и сакральные образы. Как отмечает С.В. Путилин представления о Боге у служилых людей, в основном, ассоциировались с покровительством и опекой, самодостаточностью, упованием и славой, агрессией, при чем последнюю низшие слои ставят агрессию на последнее место, а на первое место ставят покровительство. В свою очередь покровительство, как правило, было связано с представлениями о милости, к которой апеллировали в качестве помощи в военном смысле. Наличие представлений об агрессии у высших слоев и о милости в военном смысле были ответом на не всегда мирный характер освоения территории Западной Сибири. Представления о милости, видимо, были связаны с благочестивым обычаем делать земельные вклады в монастыри, что и делали служилые люди[3]. Посредническое положение и религиозные

[1] ГАТО, ф. И–47, оп. 1. д. 121, л.1.

[2] Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 68.

[3] Путилин С.В. Указ. соч. С. 67–68. Менщиков, В. В. Русская колонизация Зауралья в XVII – XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии: Монография. – Курган: Изд – во Курганского гос. ун – та, 2004. – С. 56–61. Акишин, М.О. Новые документы об отношении аборигенов севера Зауралья к русским властям.

представления служилых людей послужили основанием для подачи прошения в центральных приказ с просьбами разрешить строительство храмов и церквей в первых сибирских городах.

Так в Верхотурье первую церковь построили уже в начале XVII века. Для того чтобы организовать проведение работ жителям города, среди которых были и служилые, и торговые и «всякие» люди, видимо и крестьяне, пришлось посредством челобитий добиваться разрешения на строительство. Разрешение было получено, но положения царских грамот, определившие порядок данных работ изначально подчеркивают коллективный характер просьбы населения. В частности, в описательной части царской грамоты 1605 года верхотурскому воеводе Н. Плещееву (1603–1605) обозначен коллективный характер заинтересованности населения в увеличении площади города: подчеркивается «теснота» служилых людей из-за большого количества дворов, имеется указание на челобитие торговых, посадских людей и пашенных крестьян, в котором «бьют нам челом, чтоб нам их пожаловати, велети острогу прибавить»[1]. Вместе с тем имело место сочетание коллективной и личной индивидуальной потребности: так в 1662 году служилый якутского острога И. Афанасьев подал челобитную с просьбой отпустить его в Тобольск для благословления на строительство монастыря[2]. При этом в челобитной значилось, что «служивые люди всего града, по обещанию и по вере своей» признали необходимость строительства, выборным утвердили И. Афанасьева, чтобы передать коллективную челобитную на имя тобольского архиерея[3]. Однако коллективное «обещание» - явление западносибирское. Коллективный характер «обещания» отмечается в царских грамотах в начале XVII в[4]. Церковное строительство в этот период трактуется и как особая администра-

---

XVII – XVIII вв.// Уральский исторический вестник. – 1994. – № 1. – С. 121–122 Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. Предисловие//Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Серия: История Сибири. Первоисточники./ Под ред. Н.Н. Покровского. – Вып.IV. – Новосибирск: Изд-во «Сибирский хронограф», 1994. – С. 28. Переписная книга 1625 г.// Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Серия: История Сибири. Первоисточники./ Под ред. Н.Н. Покровского. – Вып.IV. – Новосибирск: Изд-во «Сибирский хронограф», 1994. – С. 70. Переписная книга 1636 г. Комментарии// Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Серия: История Сибири. Первоисточники./ Под ред. Н.Н. Покровского. – Вып.IV. – Новосибирск: Изд-во «Сибирский хронограф», 1994. – С. 244 Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою коммиссиею (ДАИ). Т.4. – СПб., 1851. – С. 264. - № 111.

[1] Миллер Г.Ф. История Сибири. В 3 т. Т.2. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – Приложение. – С. 222 № 49; С. 225 № 53; С. 228 – 229 № 58. Шаходанова О.Ю. Центральные и местные органы управления Западной Сибирью в конце XVI – начале XVIII века: дис. … канд.ист.наук: 07.00.02/ О.Ю. Шаходанова. – Тюмень, 2000. – Приложение. – С. 168.

[2] ДАИ. Т.4. – СПб., 1851. – С. 297. - № 125.

[3] Там же

[4] Миллер Г.Ф. История Сибири. В 3 т. Т.2.М., 2000. – Приложение. – С. 182 – 183 № 11; - С. 193. - № 22. Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Серия: История Сибири. Первоисточники./ Под ред. Н.Н. Покровского. – Вып.IV. – Новосибирск: Изд-во «Сибирский хронограф», 1994. – С. 171. - № 42.

тивная задача для воеводской администрации, что позволяет его считать органическим продолжением градостроительства[1]. Административное составляющее проявилось в организации государством транспортировки церковной утвари[2]. «Обещание» в этом случае было элементом «низшего звена», социокультурным основанием для реализации норм «церковного дела». Как известно, служилые люди выполняли очень много обязанностей, связанных с транспортировкой грузов, показателем этого могут служить распоряжения воевод середины XVII столетия, где подчеркивается массовый характер поездок служилых людей: «И по государеву цареву и великого князя...указу велено впредь отпускать к великим государем к Москве ис Тобольска со всякими их государевыми делы и с казною тобольских детей боярских и служилых и подорожные им велеть давать против прежнего их великих государей указу по ямом, а не на слободы, опричь самых их великих государей нужных дел и скорых гонцов»[3].

Указанные сведения из отписки тобольского воеводы И. Хилкова 1659–1660 гг. были получены из царской грамоты. Подобная грамота от 22 января 1659 года поступила также в Верхотурье, при этом вопрос о статусе дорог в 1659 – 1660 через верхотурский уезд гг. был связан с транспортировкой предметов торговли[4]. Вместе с тем к середине столетия потребность населения в религиозном культе не ослабела и вопрос о перевозке «церковного строения» (ризы, сосуды, книги, колокола), обеспечения духовенства и обустройства приходов, по всей видимости, сохранял свое значение[5]. Внутрирегиональный характер пересылка церковных ценностей приобрела уже в начале столетия[6]. Тем самым в течение первой половины столетия служилое население в соответствии с нормами законодательства в сфере государственно-церковных отношений совершало как внутрирегиональные, так межрегиональные поездки с целью доставки грузов и решения иных административных задач.

К середине столетия религиозная потребность служилой общности, других категорий переселенцев и сфера транспорта сумели закрепиться в законодательстве. В повествовательных частях грамот институты власти, церковь и служилые люди считались неразрывными составляющими[7].

---

[1] Миллер Г.Ф. История Сибири. В 3 т. Т.1./Г.Ф.Миллер. - М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – С. 299 – 300; Приложение. – С. 396. - № 46.

[2] Миллер Г.Ф. История Сибири. В 3 т. - Т.1. М., 1999. – С. 396. - № 46.

[3] Никитин, Н.И. Указ. соч. С. 86. Миллер, Г.Ф. История Сибири. В 3 т. Т.3/ Г.Ф. Миллер; Ин – т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Вост. Лит., 2005. – Приложение. – С. 407 № 191.

[4] Миллер, Г.Ф. История Сибири. В 3 т. Т.3.М., 2005. – Приложение. – С. 401 – 403 № 186 – 187.

[5] Миллер Г.Ф. История Сибири. В 3 т. Т.2.М., 2000. – Приложение. – С. 618 – 619 № 466

[6] Миллер Г.Ф. История Сибири. В 3 т. Т.2.М., 2000. – Приложение. – С. 253 № 89; С. 311 – 312 № 168;

[7] Миллер Г.Ф. История Сибири. В 3 т. Т.2.М., 2000. – Приложение. – С. 618 – 619 № 466. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою коммиссиею (АИ). Т.4. – СПб., 1842. – С. 61 № 28.

Таким образом, с начала XVII столетия религиозная потребность служилых людей тесно соприкасалась со сферой коммуникации власти, общества, церкви, и была сопряжена с многочисленными поездками. С точки зрения законодательства в сфере государственно-церковных отношений служилый человек представлял собой с одной стороны некоторого посредника, через которого осуществлялась административная и хозяйственная коммуникация ветвей власти. В этом случае вопрос о соотношении законодательной трактовки действий служилых в законодательных источниках имеет весьма большое значение для раскрытия специфики норм права, правового поведения и правосознания, взаимозависимых друг от друга явлений[1]. При этом государство принимало во внимание различные потребности служилого населения как государственнообразующего на колонизируемых территориях, при этом учитывая как коллективно-групповые интересы, так и сугубо индивидуальные, связанные с отправлением религиозного культа.

Федоров Сергей Георгиевич
Курганский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ОБЫЧНОГО ПРАВА В ЮЖНОЗАУРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. ПО ВОПРОСУ ВЛАДЕНИЯ И ПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЛЕЙ

Большую роль в жизни и быте русского крестьянства второй половины XIX в. играло обычное право, под которым мы понимаем «совокупность правил поведения (обычаев), сложившихся в обществе в результате их неоднократного применения и санкционированных государственной властью».[2]

В первой половине XIX в. российская историко-правовая наука обратила внимание на неписаные нормы, определявшие повседневную жизнь русской деревни и регулировавшие внутридеревенские и внутрисемейные хозяйственные, имущественные и бытовые отношения. В 1840-1860 гг. проблема обычного права была поставлена Кавелиным К.Д. [3] Дальнейшее развитие историографии по данной теме положила дискуссия дореволюционных отечественных историков, юристов и этнографов о традиционном обычноправовом мировоззрении пореформенного российского крестьянства. Российские историки-правоведы (Сергеевич В.И., Владимирский-Буданов М.Ф., Самоквасов Д.В. и др.) оценивали обычай как один из источников писанного

[1] Ильин И. А. О сущности правосознания. - М.: Изд-во «Рарогъ», 1993. – С. 31–40; Лупарев, Г.П. Правосознание верующих и его особенности. – Алма-Ата: Казахстан , 1989. – С. 45 – 115

[2] Право обычное // Большой юридический словарь. - М., 2006.

[3] Кавелин К. Взгляд на юридический быт древней Руси // Современник. - 1847. - Т.1. Он же. Взгляд на историческое развитие русского порядка законного наследования// Современник. - 1860. - № 2.

права и признавали реальностью существование комплекса особых неофициальных правовых отношений в крестьянской среде.[1]

В ходе реформ 60-х годов XIX в. (особенно судебной) соотношение обычного права и действующего законодательства приобрело помимо теоретического еще и практический смысл. В частности, по «Положению» 19 февраля 1861 г. крестьянам дозволялось руководствоваться своими обычаями при разрешении наследственных, имущественных отношений, дел, связанных с опекой и т.д. Ученые того времени точно определили связь между хозяйственным и семейным строем общины и правовыми представлениями крестьянства. Большинство авторов, участвовавших в обсуждении проблемы, доказывало принципиальное несходство крестьянских правовых обычаев и законодательства. «Народное обычное право и право культурное представляют собой два строя юридических воззрений, отличных один от другого», - утверждала Ефименко А.Я.[2]

Причины расхождений между народными правовыми представлениями и формальными законами ученые второй половины XIX в. видели в особенностях развития российского законодательства, сословном общественном устройстве, правовой обособленности крестьян.[3]

Таким образом, в дореволюционной историографии существовало значительное разнообразие теорий и взглядов на обычное право. Историки и юристы признали комплекс обычаев, определявших жизнь деревни живой реальностью. Однако многие из них мало учитывали особенности регионального развития Российской империи. Очень часто обычное право центральных Российских губерний воспринималось, как право, функционировавшее по всей России, даже на ее окраинах. В связи с этим в конце 70-х – начале 80-х годов XIX века Русским географическим обществом было разработано несколько программ для собирания и изучения обычного права на региональном уровне.

Несомненно, обычное право Южного Зауралье во второй половине XIX в. обладало рядом существенных особенностей, связанных с экономическим, социальным, политическим и культурным развитием этого региона. Выделим наиболее значительные из них.

---

[1] Сергеевич В.И. Лекции и исследования по истории русского права. - СПб.,1883; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. - СПб., Киев, 1900; Самоквасов Д.В. Семейная община в Курском уезде // Записки РГО по отделению этнографии. - 1878. - Т.8. Отд.3; Оршанский И.Г. Народный суд и народное право // Исследования по русскому праву обычному и брачному. - СПб., 1879.

[2] Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Вып.1. Обычное право. - М., 1884. - С.171.

[3] Тютрюмов И.М. Крестьянский суд и начала народно-обычного права // Русское богатство. - 1883. - №9. - С.196; Леонтьев А.А. Крестьянское право: Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. - СПб., 1914. - С.4, 15, 20.

Прежде всего, южнозауральская крестьянская община существенно отличалась от центральной российской в вопросе землевладения и землепользования. В отличие от общины Центральной России, где частые переделы и чересполосица общинной земли были обычным явлением, в Южном Зауралье, как отмечает известный экономист и этнограф Кауфман А.А., переделы в общине производились через весьма продолжительный срок - очень часто через десять лет. Чересполосица фактически отсутствовала во второй половине XIX в.

В Европейской России жеребьевка была основанием распределения полос и опиралась на обычноправовые традиции. Наоборот, коренное население южнозауральского края, старожилы, считали жеребьевку «не божеским», «худым порядком», при котором все предоставляется делу случая.

Жеребьевка в Южной части Тобольской губернии была несовместима с «правом старозаимочности» - со стремлением общины оставить каждого, по возможности, на насиженном и обработанном им месте.[1] Старозаимочное владение в Южном Зауралье во второй половине XIX в., при котором общинник, вложивший свой труд в землю, тем самым приобретал как бы право вечного владения этой землей, было довольно распространенным явлением в местной крестьянской общине. Старозаимочное землевладение в Южном Зауралье опиралось, прежде всего, на относительное земельное богатство и малонаселенность края.

По вопросу пользования хозяйственными угодьями: рыбными и охотничьими, в южнозауральской общине во второй половине XIX в. также присутствуют свои специфические черты. В Европейской России пользование этими угодьями (особенно рыбными и охотничьими ловлями) в крестьянской среде базировалось на обычноправовом мировоззрении, что леса, водоемы, места охоты и рыбной ловли считались «ничьми», «даром Божьим».[2]

Совершенно иное мировоззрение наблюдается в Южном Зауралье. О чем свидетельствуют архивные материалы второй половины XIX в. В волостных судах имеется довольно большое количество исковых заявлений, как от всей общины, так и от самих общинников по поводу незаконной ловли рыбы в общественных водоемах или охоты в охотничьих угодьях.[3]

Приведем несколько примеров. 17 февраля 1887 года «общество крестьян деревни участка Вонявинского через уполномоченного приговором от

---

[1] Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири. По местным исследованиям 1886-1892 гг. - СПб.,1897. - С.12-17, 39-42.

[2] Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Вып.1. Обычное право. - М., 1884; Владимирский-Буданов В.И. Обзор истории русского права. - СПб., Киев, 1900; Дружинин Н.П. Право и личность крестьянина. - Ярославль, 1912; Леонтьев А.А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. - СПб., 1895 и др.

[3] ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.203. Л.104-106, 120-122; Д.207. Л.30-32, 41-42; Д.212. Л.30, Л.48; Д.568. Л.7,8-10, 33-34.

16 февраля сего года крестьянина одной с ним деревни Романа Савосьянова Ефремова жалуются на крестьянина деревни Островской Фасета Елисеева Липихина, что 2 числа сего месяца он самовольно ловил из озера Костыль, принадлежащего им, рыбу, которой по ихнему мнению наловил не менее как на 25 руб., т.к. после него ловили там же рыбу крестьяне одной с ним деревни Афанасий Николаев и Дмитрий Федотов и наловили около 40 пудов на 20 рублей. Поэтому и просит взыскать с Липихина за самовольную ловлю рыбы 25 рублей… Липихин показал, что он действительно 2 числа февраля ловил рыбу в озере Костыль, но наловил только на 5 руб. 20 коп. … Присудили с крестьянина Фасета Липихина взыскать в пользу общества крестьян участка Вонявинского 25 рублей».[1]

15 марта 1893 года Глядянский волостной суд рассматривал иск 2-х крестьян с. Ялымского к запасному рядовому Петру Тимофееву, который поймал двух лисиц на купленном лесном участке просителями у общества села Ялымского. Крестьяне просят взыскать с ответчика 2 рубля. Петр Тимофеев в проступке сознался. Волостной суд вынес решение взыскать с Петра Тимофеева 1 руб. 50 коп. в пользу истцов. [2]

Данные исковые заявления свидетельствуют, что обычноправовой взгляд Европейской России на хозяйственные угодья далеко не был присущ южнозауральской крестьянской общине.

Существенные различия просматриваются в обычном праве Центральной России и Южного Зауралья и в вопросе о пользовании лесами. Обычноправовые воззрения европейской крестьянской общины ярко характеризует этнограф Ефименко А.Я.: «Вот ловят крестьянина на лесной порубке, обзывают вором. Того даже слезы прошибают от тяжкой обиды: «отродясь не был вором, а тут вот, на - поди, величают», плачет он и вполне убежден, что его обидели напрасно… Уголовная статистика показывает, что самовольные лесные порубки дают огромный процент преступлений. Между тем, по всей вероятности, лишь ничтожная часть этого рода преступлений уловляется в сети закона… Что удивительно, что крестьянство видит в лесных законах лишь стеснительный произвол и рубит себе, сколько может со спокойной совестью, так как его действия не противоречит его пониманиям справедливости».[3]

А вот как характеризует взгляды крестьян Южного Зауралья на пользование лесами Кауфман А.А.: «В Южных округах Тобольской губернии и в частности – в Ишимском возникают так называемые «сады» или «рощи»,

[1] ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.3. Л.1-2.
[2] ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.51. Л.16.
[3] Ефименко А.Я. Указ. соч. - М., 1884. - С.1, 139-146.

оберегаемые отдельными домохозяевами и за это представляемые общиною в их исключительное пользование…

В Курганском округе беспорядочное вольное пользование лесом сохранилось лишь в немногих общинах. Крестьяне решились разделить лес на подворно-душевые участки, чтобы каждый лесной участок находился под наблюдением отдельного домохозяина. Таким образом, крестьянское самосознание в последние 30-60 лет колеблется между двумя почти противоположными идеями: с одной стороны, всякое долговременное владение одним и тем же участком леса противоречит пониманиям крестьян о лесах как общих; с другой стороны, задаче лесосохранения, напротив служат другие приемы передела, основанные на принципе «старозаимочности», т.е. оставления домохозяев на старых местах, и создания нечто вроде наследственного владения лесными участками».[1]

Следовательно, нам кажется весьма спорным утверждение многих историков и юристов, что примером обычного права в крестьянской среде является взгляд крестьян на лес как на «дар божий», «ничейный», которое экстраполируется на всю Россию без учета региональной специфики.[2] Это опровергают многочисленные дела в волостных судах Южного Зауралья, касающиеся споров о лесных пайках, незаконных вырубках и т.д.

В качестве вывода можно привести высказывание Кауфмана А.А.: «Изложенные данные позволяют признать, что общинные порядки южных округов Тобольской губернии, свободны от тех недостатков, которые предполагаются необходимо-присущими общинной форме землепользования – чересполосицы, мелкополосицы, частоты переделов и отсутствия связи домохозяина с занимаемым им полевым участком».[3] Землепользование в южнозауральской общине основывается на так называемом принципе «старозаимочности». Данный принцип в обычноправовом мировоззрении зауральского крестьянина превращал землепользование в землевладение и распространялся не только на землю, но и на другие хозяйственные угодья. В результате чего частнособственнические настроения в южнозауральской крестьянской общине, на наш взгляд, были довольно сильными. Ссыльнопоселенцы и переселенческое движение в Сибирь из центральной России вызвали

---

[1] Кауфман А.А. Указ. соч. - С. 194, 196-197.

[2] Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX века). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. - СПб., 1999. - Т.2. - С.328, 343, 440, 452; Шатковская Т.В.Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX века // Вопросы истории. - 2000. - №11-12. - С.100; Frayerson K. Crime and Punishment in the Russian village : Rural concepts of Criminality at the End of the Nineteenth Century // The Slavic Review. - 1987. – Vol. 46. - №1. - P. 59.

[3] Кауфман А.А. Указ. соч. - С. 234.

к концу XIX века в Южном Зауралье «земельный голод» и конфликты между переселенцами и «старожилами». Это привело к укреплению индивидуалистических настроений, что выразилось, прежде всего, в стремлении крестьянства зафиксировать свои наделы в частной собственности в официально-юридическом порядке с помощью составления владенных записей. Налицо существенные отличия обычного права южнозауральского крестьянства от обычного права других регионов России, особенно центральных.

Филонова Олина Игоревна
Курганский государственный университет

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОГО СОСТАВА СУДЕЙ НА УРАЛЕ И В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ В ПЕРИОД НЭПА (1921-1929 ГГ.)

В современной России с 1991 г. проводится судебная реформа, дальнейшее развитие которой определено Федеральной целевой программой «Развитие судебной системы России» на 2007-2011 гг.[1] Статус судьи – наряду с судоустройством и судопроизводством, третья составляющая понятия «правосудия». Лишь эта «триада» в единстве позволяет характеризовать правосудие в полном объеме и всесторонне[2].

Статус судей в современной России определяется Федеральным Законом от 26 июня 1992 г. N 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации»[3]. Но до настоящего времени в данный закон постоянно вносятся изменения. В числе последних – изменения в части дисциплинарной и уголовной ответственности судей[4].

Для совершенствования такого важного звена правосудия, как статус судьи, необходимы соответствующие научные исследования, в том числе основанные на отечественном историческом опыте.

В 1921-1929гг. судебная система являлась частью государственного аппарата, в связи с чем основное требование, предъявляемое к советскому суду, заключалось в следовании политическому курсу, помощи партии и

---

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2006 г. №583 «О Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007-2011 г.»

[2] Клеандров М.И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – С. X Предисловие.

[3] Ведомости СНД и ВС РФ. - 30.07.1992. - N 30. - ст. 1792.

[4] Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства о дисциплинарной ответственности судей» от 9 ноября 2009 года N 246-ФЗ//Собрание законодательства РФ. - 09.11.2009. - N 45. - ст. 5264; Федеральный закон от 29 марта 2010г. N 37-ФЗ «О внесении изменений в статью 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»//Собрание законодательства РФ. - 05.04.2010. - N 14. - ст. 1557.

правительству в проведении в жизнь их директив. Кадровому составу судей со стороны руководства страны уделялось значительное внимание, кадровая политика отличалась целенаправленностью. От образовательного, профессионального уровня, политической ориентации и моральных качеств судей во многом зависела эффективность правосудия, отношение к советскому суду со стороны населения.

В соответствии с «Положением о судоустройстве Р.С.Ф.С.Р.», утвержденным Постановлением ВЦИК (Всероссийского центрального исполнительного комитета) от 11 ноября 1922г., народным судьей мог быть гражданин РСФСР, имевший право избирать и быть избранным в Советы; имевший не менее двух лет стажа ответственной политической работы в рабоче-крестьянских общественных, профсоюзных или партийных рабочих организациях, или трех лет стажа практической работы в органах советской юстиции на должностях не ниже народного следователя[1]. Те же требования сохранились в «Положении о судоустройстве Р.С.Ф.С.Р.», утвержденном Постановлением ВЦИК от 19 ноября 1926 г. [2]

Народные судьи избирались губернскими исполнительными комитетами по представлению губернского суда сроком на один год и могли быть переизбраны. Был возможен отзыв народного судьи до срока с соблюдением особого порядка.

Советский суд не являлся независимым – судьи избирались и отзывались исполнительной властью, находились под контролем партийных органов.

Так, Уральский Областной комитет РКП (б) Циркуляром от 4 января 1924г. установил, что назначение и перемещение народных судей производится через областной исполком после согласования с окружными комитетами РКП (б)[3]. Уральский областной комитет РКП(б) установил, что кандидаты в народные судьи могли приступать к работе после утверждения их окружными комитетами партии и окружными исполкомами и прохождения 2-4 недель практической подготовки при Уполномоченном Областного суда в округе.[4]

В период нэпа перед местными партийными и советскими органами встала задача организации профессиональной подготовки судебных работников. Если в первые послереволюционные годы судьям достаточно было при вынесении решений и приговоров руководствоваться революционным правосознанием, то принятие кодексов потребовало более глубокой профессиональной подготовки судей.

---

[1] СУ (Собрание Узаконений) РСФСР. -1922. - №69. – ст.902.

[2] СУ РСФСР. – 1926. - №85. – ст.624.

[3] ГАОПДКО (Государственный архив общественно-политической документации Курганской области), Ф.7. Оп.1. Д.2. Л.20.

[4] ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.2. Л.141.

На Урале и в Южном Зауралье основной формой подготовки народных судей являлись Уральские областные юридические курсы, начавшие функционировать в 1925 г. в г. Перми. Но число судей Уральской области, направлявшихся на областные курсы, было незначительно (в среднем, 3 человека от округа), и подготовка на юридически курсах не имела большого значения из-за частой сменяемости кадров.

НКЮ (Народный комиссариат юстиции) РСФСР по результатам проверки деятельности судов за 1928г. признал необходимым в пределах каждого округа организовать вечерние юридические курсы, а также вовлекать судебных работников в заочное юридическое образование[1].

Советский суд был провозглашен орудием диктатуры пролетариата. Партийные и советские органы, органы судебного управления подчеркивали необходимость преобладания рабочих и крестьян в составе судов.

Так, секретным циркуляром от 30 апреля 1924г. Уральский областной комитет РКП(б) дал указание окружным комитетам партии «начать систематическую замену всех судебных работников, которые по своему партийному и революционному стажу и социальному происхождению не могут обеспечить правильной классовой линии, стараясь в первую очередь, выдвинуть для этой работы рабочих, а для нарсудей, работающих в деревне – из числа испытанных в преданности Советской власти крестьян бедняков и середняков, прежде всего из числа бывших красноармейцев»[2].

Председатель Уральского областного суда, указывая на большой процент рабочих и крестьян среди судей, отметил, что они «не могут похвалиться юридическими познаниями, но зато являются носителями классовой пролетарской правды. Юридические знания приобретаются на опыте, практически».[3]

НКЮ РСФСР Циркуляром «О борьбе с нарушением революционной законности» от 19 января 1925г. и Циркуляром № 50 от 21 февраля 1925г. указал на необходимость вовлечения женщин – работниц и крестьянок – в работу суда[4]. В Бюллетене от 1 февраля 1929г. НКЮ РСФСР предложил довести численность женщин среди судей до 20%[5].

---

[1] Бюллетень НКЮ РСФСР № 11 от 01.02.1929г. Личный состав судебных и прокурорских работников// ГАКО (Государственный архив Курганской области), Ф.№р. 475, Оп.1, Д.287, Л.47; ГАКО, Ф.№р. 475, Оп.1, Д.40, Л.106.

[2] ГАОПДКО, Ф.7, Оп.1, Д.2, Л.141.

[3] Инструктивный Доклад Уральского областного суда Уральского областного суда о работе судебных органов Уральской области за 1926-1927гг. - Свердловск, 1927. - С.4.

[4]Циркуляр НКЮ РСФСР от 21 февраля 1925г. № 50 // Сборник циркуляров НКЮ РСФСР за 1922-1925гг М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1926. – С. 393-395; ГАСО, Ф.148-р, Оп.1, Д.117, Л.24.

[5] Бюллетень НКЮ РСФСР № 11 от 01.02.1929г. Личный состав судебных и прокурорских работников// ГАКО, Ф.№р. 475, Оп.1, Д.287, Л.46.

Правящая партия осуществляла руководство органами юстиции через работавших в них коммунистов. В 1926 -1927гг. партийность по Уральской области составляла 80%[1]. К 1929г. численность членов партии в составе судов Уральской области достигла: в народных судах – 92,5%; в окружных судах – 98,6%[2].

Особое место в кадровой политике советского государства занимали чистки партийных организаций и государственного аппарата, включая судебные органы, «от чуждых элементов».

Критерий «чисток» был дан в Циркуляре НКЮ РСФСР от 15 апреля 1924г.: «удалению в первую очередь подлежат те народные судьи, которые проявили в своей деятельности непоследовательность к проведению правильной классовой политики, указанная мера, по общему правилу, не должна применяться к тем судьям, которые принадлежат к рабочему классу и обнаруживают при разрешении дел правильный классовый подход, хотя бы они в данный момент еще недостаточно усвоили нормы действующего законодательства»[3].

В «Плане проведения в жизнь директив съездов партии и правительства на 1929-1930гг. по органам юстиции Уральской области» предусматривалось проведение таких мероприятий, как чистка личного состава и привлечение к ответственности судей за бюрократизм и волокиту[4].

НКЮ РСФСР в бюллетене от 31 декабря 1928г. указал на необходимость борьбы с судьями, дискредитирующими советскую власть: «Пьянство и кумовство с антисоветскими элементам, дискредитирование власти развелись среди судебных работников в таких значительных размерах, что о них стали сообщать с разных концов. Судья, дискредитирующий власть в глазах трудящихся – не может больше оставаться судьей»[5].

Уральский областной комитет партии призывал окружные комитеты при подборе народных судей быть осторожными: «имеются сведения, что один товарищ, выдвинутый Окружкомом народным судьей, оказался на проверке настолько политически неграмотным, что не мог объяснить, что такое РСФСР»[6].

Президиум Уральского областного суда на заседании 11 мая 1927г. ввиду чрезмерной текучести (42%) личного состава судебно-следственных работников рекомендовал окружным исполкомам создать институт практи-

---

[1] Инструктивный Доклад Уральского областного суда… - С.4.
[2] ГАКО, Ф.№р.475, Оп.1, Д.40, Л.66.
[3] Циркуляр НКЮ РСФСР от 15 апреля 1924г. // Сборник циркуляров НКЮ РСФСР за 1922-1925гг..– С. 10.
[4] ГАКО, Ф.№р.475, Оп.1, Д.40, Л.105.
[5] ГАКО, Ф.№р.475, Оп.1, Д.27, Л.39.
[6] ГАОПДКО, Ф.7, Оп.1, Д.2, Л.141.

кантов для занятия судебных должностей, увеличить выделение средств на содержание судебного участка и оживить деятельность юридических кружков[1].

Судьи подлежали дисциплинарной и уголовной ответственности.

В соответствии со ст. 111 Уголовного Кодекса РСФСР 1922г. «постановление судьями из корыстных или личных видов неправосудного приговора карается – лишением свободы на срок не ниже 3-х лет с отстранением от судейских должностей, а при особо отягчающих обстоятельствах – высшей мерой наказания»[2].

Порядок дисциплинарной ответственности судей был установлен Положением о судоустройстве РСФСР 1922г. Поводами для возбуждения дисциплинарного производства являлись:

1) проступки судебных работников, несовместимые с достоинством и назначением судебных деятелей, имевшие место при исполнении служебных обязанностей и вне их;

2) отмена Верховным Судом ряда приговоров и решений, вынесенных судебными работниками, по несоответствию таковых общему духу законов РСФСР и интересам трудящихся масс».

Положением были предусмотрены такие виды дисциплинарных взысканий, как замечание, выговор, перемещение или смещение на низшую должность, отстранение от службы с запрещением работы в судебных должностях на определенный срок.

Кадровая политика Партии отличалась противоречивостью – с одной стороны, было понимание необходимости укрепления кадрового состава судей и его профессиональной подготовки; с другой стороны, систематически проводились «чистки» и перемещения судебных работников по партийной линии. Регулярное повторение указаний партийных органов и органов судебного управления свидетельствует о том, что многочисленные недостатки в работе судов, связанные с большой текучестью кадров судей и их слабой профессиональной подготовкой, не были преодолены.

Кадровая политика советского в отношении судебных работников была направлена на привлечение в состав суда «политически благонадежных» представителей рабоче-крестьянских слоев. Недостаток образования и квалификации компенсировался рабоче-крестьянским происхождением, принадлежностью большевистской партии и революционным правосознанием.

Большое количество директивных указаний о мерах по повышению образовательного, профессионального и нравственного уровня судей свиде-

[1] ГАКО, Ф.№р.475, Оп.1, Д.4, Л.66-67.

[2] СУ РСФСР, 1922, N 15, ст. 153.

тельствует о поиске партийными органами и органами судебного управления эффективного способа подготовки и отбора судей. Установление по отношению к судьям мер дисциплинарной и уголовной ответственности свидетельствует о стремлении советского руководства к улучшению морального облика судей и, соответственно, к повышению авторитета суда.

В целом партийный и социальный состав – преобладание членов партии и представителей рабоче-крестьянских слоев – советского суда позволял ему проводить политику партии и правительства и, соблюдая принцип классовости, действовать в интересах рабочих и крестьян.

Храмцова Наталья Геннадьевна
Курганский государственный университет

МЕТОД ДИСКУРС-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА И ЮРИДИКО-ПОЗИТИВИСТСКОЕ ПОЗНАНИЕ ПРАВА

Дискурсивно–правовой анализ нормативного акта как особая разновидность юридической методологии, предполагает уточнение нашего понимания содержания и формы такого анализа, а также демонстрацию его результатов. Прежде всего, выскажем несколько характеристик правового дискурса, необходимых нам для демонстрации методологии дискурс-правового анализа нормативных актов. Наш анализ будет исходить из уже определённых нами ранее содержательных элементов правового дискурса, таких, как: реально существующие лингво-психологические явления правового быта, в которые правовой дискурс привносит оценочные понятия; обратная связь с субъектами права, определяющая их правовые ожидания, предпочтения, интересы; символизм, придающий нормативному акту соответствующий иерархический статус, понятный субъектам права; цель, без которой нормативный акт утрачивает жизнеспособность; императивность нормативного акта, заключающий в себе его дух (идею); харизматическое господство, возникающее только тогда, когда нормы права совпадают с коллективными ожиданиями субъектов права; правовая мифология, в которой заложен риск государственных корпораций (РФ, её субъектов); и, наконец, функциональные проявления правового дискурса, которые являются формой выражения его содержания.

Конституция РФ олицетворяется у граждан со всем правом, то есть она символична, императивна, целенаправленна, харизматична. Вместе с тем только специалисты – правоведы и лингвисты могут определить такие противоречия в тексте Конституции, которые разрушают дух (идею) права. Для подтверждения данного положения обратимся к одной из основных проблем

современной российской действительности – проблеме совместного ведения Российской Федерации и её субъектов. Общеизвестным является факт, что в настоящее время наблюдается концентрация федерального регулирования в сфере совместного ведения Российской Федерации и её субъектов. В юридической литературе по этому вопросу высказываются разные точки зрения, рассматривающие это явление как позитивное или негативное. Не касаясь содержания этих дискуссий, укажем на обстоятельства, с которыми было связано их появление. Так, на наш взгляд, совершенно справедливо утверждает В.М. Баранов, что «из сферы научного анализа правоведов в силу разных причин, по существу исчез феномен «идея законопроекта», в то время как «идея законопроекта представляет собой активно функционирующий практический элемент правотворческой деятельности»[1]. Это, по справедливому убеждению автора, связано с тем, что идея предшествует концепции законопроекта, так как она уже оценена субъектами права. Когда же речь идёт об Основном законе страны, то ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что в тексте Конституции заключена идея справедливости как императива, стоящего над законом, творимым законодателем от имени государства. Конституция РФ, основанная на идее справедливости как выражении верховенства права, символизирует собой дух всего права, его начало, оценку и возможность реализации. В Федеральной Конституции заложен и императивно – символический статус государства, которое «не призвано опускаться до частного интереса отдельного человека; но оно призвано возводить каждый духовно – верный и справедливый интерес отдельного гражданина в интерес всего народа и всего государства»[2]. В Преамбуле Конституции РФ дух Конституции, т.е. идея отчётливо просматривается.

Вместе с тем, всё, что порождается в российской правовой действительности – это, прежде всего результат реализации федеральной Конституции. И если этот результат далёк от правовой эффективности, то значит, законодатель пренебрёг дискурсивно – правовым анализом разрабатываемого нормативно – правового акта, так как сама по себе норма Конституции не может быть ошибочной, она может быть либо неправильно сформулирована с точки зрения содержательных аспектов правового дискурса, либо неправильно интерпретирована правоприменителем, тоже не акцентирующим внимание на правовом дискурсе.

Между тем в научной литературе, посвящённой анализу Конституции РФ, её проблематике и реформированию, стали появляться материалы, свя-

---

[1] Баранов В.М. Идея законопроекта: сущность, практичная ценность, технико–юридическое оформление // Журнал российского права. - 2008 – № 2. – С. 9.

[2] Ильин И.А. Религиозный смысл философии. - М., 2006. - С.304.

занные с правовым дискурсом конституционных норм. Так, к примеру, А.Г. Хабибулин, Г.Т. Чернобель рассматривают проблематику правового дискурса в связи с интересом государства и его охранно – защитной функцией, К.В.Черкасов – в связи с назначением глав регионов и повышением эффективности функционирования территориальных органов президентской вертикали власти в ракурсе административной реформы, Л.Т. Аглеева – в связи с функционированием законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, М.В.Гончаров – в связи с конституционными основами разграничения нормотворческой компетенции в Российской Федерации, Н.Н.Толмачёва – в связи с соблюдением принципа верховенства закона и других принципов законности в законодательстве субъектов Российской Федерации и др.

Рассмотрим некоторые положения, выдвинутые этими исследователями и их аргументацию. Известно, что самым болезненным вопросом в построении прочной федерации является вопрос о предметах ведения РФ и её субъектов и их компетенции. И хотя в настоящее время действует 371 нормативно – правовой акт, касающийся данного вопроса, но проблема так и осталась, а это означает, что федеративные отношения в стране теряют устойчивость и вертикаль власти может быть укреплена в этой сфере только путём администрирования. К чему приводит концентрация президентской власти в сфере федеративных отношений? На наш взгляд, к остаточным полномочиям субъектов РФ в сфере нормотворчества, следствием чего является «ущербное» законодательство, имеющее исключительно конкретизирующий характер, полностью следуя за федеральным.

Так, Н.Н.Толмачёва отмечает, что «существует одна опасная тенденция, которая наметилась в этой сфере. О ней пока мало говорят, но она приводит к деформации отношения к федеральному закону как к правовому акту большей юридической силы по отношению к закону субъекта РФ, к понижению значимости закона субъекта, к нарушению (искажению) ПВЗ»[1]. Автор пытается разобраться с этой проблемой, применяя элементы дискурс-правового анализа: «в соответствии с ч.2 ст. 76 Конституции РФ по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативно – правовые акты субъектов РФ. Существительное «соответствие» означает согласованность, равенство в каком – либо отношении, образовано от глагола «соответствовать». Близок «по значению к глаголу «соответствовать» глагол «отвечать», «ответить». Одно из значений глагола «отве-

[1] Толмачёва Н.Н. К вопросу о соблюдении принципа верховенства закона и других принципов законности в законодательстве субъектов Российской Федерации // Журнал российского права. - 2008. - № 2. - С. 36.

чать» - совершать какие-либо действия в ответ на что-либо, а у глагола «ответить» - поступить каким-либо образом в ответ на что-либо; совершить что-либо в связи с чем-либо. Поэтому сочетание «в соответствии» в контексте приведённой правовой нормы буквально понимается как: принятие закона субъекта РФ в связи с принятием федерального закона; совершение согласованного, гармоничного, правильного, нужного законотворчества в ответ на федеральный закон; совершение действий по принятию закона субъекта РФ в ответ на принятый федеральный закон»[1].

Автор совершенно правильно утверждает, что «для всех этих примеров характерно наличие нескольких, хотя гармоничных и в каком – либо отношении похожих, но отличающих друг от друга, разных, обладающих собственной характеристикой объектов (предметов)»[2]. Далее из текста статьи не совсем понятно, почему автор отождествил объект с предметом и в чём, собственно, заключается разница этих предметов. Автор полагает, что законодатель субъекта РФ не улавливает этой разницы и поэтому дублирует федеральный закон. Нам представляется, что никакой разницы в предмете научного познания законодательной техники здесь не усматривается, а тем более – в объекте правового регулирования – нормотворчестве субъектов Федерации.

Субъекты Федерации могут прибегать к дублированию, перераспределению полномочий, делегированных им федеральным центром, принятию закона субъекта РФ, сочетающего в себе как элементы дублирования, так и собственное нормотворчество, отражающее специфические интересы субъектов РФ. Это вполне допустимо, так как и сам автор не усматривает, к примеру, в дублировании только отрицательные моменты и не отрицает того факта, что такой «нормативный коктейль» нужен правоприменителю, который «хочет иметь на своём рабочем месте единый нормативный правовой акт, объединяющий в себе все правовые положения, регулирующие тот или иной вопрос».[3]

Хотя позиция автора весьма убедительна, нам представляется, что в данном случае нарушено положение правового дискурса: так как и по предметам ведения Российской Федерации и по совместным предметам ведения РФ и её субъектов согласно Конституции РФ принимаются федеральные законы, то правильнее в данном случае говорить о верховенстве права, которое должно в равной мере проявляться во всех видах федеральных законов. Подменив ключевое понятие «право», имеющее императивность, символизм,

[1] Там же. - С.40.

[2] Там же. - С.40.

[3] Толмачёва Н.Н. К вопросу о соблюдении принципа верховенства закона и других принципов законности в законодательстве субъектов Российской Федерации // Журнал российского права. - 2008. - № 2. - С. 42.

идею и т.д. верховенством закона, автор так и не «снял» остроту проблемы, хотя логика позиции не вызывает сомнений. Исходя из ч.2 ст.76 Конституции РФ, субъекты РФ, регулируя определённую группу правоотношений, могут принимать не только законы, но и подзаконные нормативные акты (иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации). «Тем не менее, - справедливо утверждает Н.Н.Толмачёва, - нередко в субъектах РФ эти правовые нормы понимаются (толкуются) как обязанность регулировать правоотношения именно законом, а не как право принять закон (если имеется предмет законодательного регулирования) или иной (подзаконный) нормативный правовой акт (если речь идёт об исполнительно – распорядительных полномочиях). Не находя в федеральном законе прямого указания на вид правового акта субъекта, которым должны быть урегулированы правоотношения, законодатели в субъектах РФ не принимают во внимание различий в предмете правового регулирования закона и подзаконного акта и считают возможным по поводу и без повода принимать законы субъектов РФ. Поэтому на практике мы наблюдаем, как субъекты РФ, реализуя, по их мнению, прямое предписание федерального закона, нарушают принцип единства законности, что не приводит к единообразному пониманию, толкованию и применению правовых норм»[1]. Несмотря на последовательность автора в отстаивании своего мнения, обратим внимание на следующее: Н.Н.Толмачёва отличает такие понятия как «обязанность» и «право» субъекта РФ принимать или не принимать свой закон в то время, когда данная группа правоотношений уже урегулирована федеральным законом. В то же время следует отметить, что, «обычно интересы центра не являются чуждыми региональным интересам, скорее представляя собой их позитивный синтез (результат системного эффекта). Просто формируется определённое соотношение общенациональных и региональных интересов. Правильнее, видя государство как целое, говорить о взаимодействии этих интересов. Отсюда проистекает концепция смещённого баланса отношений центра и регионов. Она определяется как неравенством сил, так и отсутствием обязательного системного конфликта интересов. Регионы требуют неравноправия в отношениях с центром, что означало бы не развал государства, *а возможности для реализации своих осознанных интересов в рамках данного государства* (курсив наш – Н.Х.)»[2].

Интерес должен быть реализован правомерно. И хотя способов такого выражения много, но подзаконный нормативно – правовой акт утрачивает

[1] Толмачёва Н.Н. К вопросу о соблюдении принципа верховенства закона и других принципов законности в законодательстве субъектов Российской Федерации // Журнал российского права. - 2008. - № 2. - С. 38.

[2] Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений // Российская политическая наука. В 5 томах. - Т. 5. 1995-2006 г. - М: РОССПЭН, 2008. - С. 845.

свою харизму, символику, императивность, идею, оставляя, пожалуй, только функциональные элементы правового дискурса. Отсюда и проистекает нормотворчество субъектов РФ, как правило, в форме закона. Более того, необходимо учитывать тот факт, что, «региональная идентичность в современных условиях включает представление о специфических региональных интересах, причём, по мнению как политиков, так и рядовых избирателей, существуют интересы их региона, отличные от интересов Центра и от интересов других регионов. Можно отметить, что если наличие особых интересов Пермской области в отличие от интересов Уральского региона в целом отличали в разные периоды времени от 42 до 53 % респондентов, то в существовании интересов Пермской области, отличных от интересов Центра, убеждены уже около 80%»[1]. Разумеется, региональная элита поддерживает иногда миф об особых региональных интересах, но в то же время нет сомнения, что в некоторых регионах они действительно присутствуют.

Законодатель (как федеральный, так и региональный) должен понимать, что закон в представлении простых граждан РФ имеет особые свойства, которые воплощают в себе не только элементы юридической техники, но и такие дискурсивно – правовые элементы, как идея, цель, правовая мифология, харизматическое господство и др. Отсюда важно понимать, что нарастание нормативной массы в РФ не предотвратить, борясь с их дублированием. Как и в любой другой, в РФ наблюдаются циклические процессы возрастания региональной идентичности или государственной. Внимательное отношение законодателя к дискурс – анализу позволит ему уйти от концентрированной централизации в правовом регулировании субъектов федерации.

В связи с вышеизложенным можно привести ещё один пример, когда *разрушается идея, харизматическое господство и ценности, заложенные в Конституции РФ, когда законодатель не обращает внимание на тонкости правового дискурса*. Обратимся к вопросу о назначении глав регионов, что должно было привести к повышению эффективности функционирования территориальных органов президентской вертикали власти. В 2004 – 2005 гг. была коренным образом изменена процедура прямого избрания высших должностных лиц субъектов РФ (руководителей высших исполнительных органов власти). Эта процедура избрания приобрела противоположный её по смыслу статус – назначение высших должностных лиц субъектов РФ по представлению Президента РФ законодательными органами власти субъектов.

---

[1] Фадеева Л.А. Психологические основы политической поддержки региональной власти (на примере Пермской области) // Российская политическая наука. В 5 томах. Том 5. 1995-2006 г. - М.: РОССПЭН, 2008. - С. 858-859.

Известно, что в научной литературе к этим правовым новеллам было выражено неоднозначное мнение. В целом научное сообщество согласилось с тем, что произошла модификация прямых выборов высшего должностного лица субъекта в косвенные выборы, что не предусмотрено Конституцией РФ, и вызвало недовольство населения многих субъектов РФ, убедившихся в том, что положения Основного закона можно по-разному трактовать, придавая им, когда возникает необходимость, чисто политический, а не правовой оттенок. Обосновывая правовой статус этого явления, К.В. Черкасов приходит, к примеру, к такому выводу: «…*современное понимание принципа разделения властей, идея сдержек и противовесов допускает наличие у органов государственной власти взаимных полномочий в учредительной сфере* (курсив наш – Н.Х.). Фактически речь идёт о модификации прямых выборов высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в косвенные выборы. Потому участие регионального парламента в процессе наделения полномочиями руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации по представлению выборного главы государства в общем можно оценивать с положительной стороны. *Это вполне соответствует как традициям российского управления, так и требованиям управления в кризисной ситуации* (курсив наш – Н.Х.)»[1]. Не вполне понятно о каких традициях управления Российского государства автор ведёт речь. В России традиционным можно считать только монархическое управление. Так же стоит отметить, что именно эти годы, когда появились данные федеральные законы никак не подпадают под понятие «кризисные». В этом рассуждении присутствует стремление автора соединить несоединимое: «наделение полномочиями» и «выборы главы субъекта РФ». Эти понятия не совпадают по смыслу, так как имеют разное содержание.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2005 года № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации в связи с жалобами ряда граждан» подтвердило цель конституционной новой процедуры (порядка) наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. Анализируя данное Постановление высшего органа конституционной юстиции РФ, К.В. Черкасов отмечает: «Обосновывая свою правовую позицию, Конституционный суд России, в частности, указал, что российская

[1] Фадеева Л.А. Психологические основы политической поддержки региональной власти (на примере Пермской области) // Российская политическая наука. В 5 томах. Том 5. 1995-2006 г. - М.: РОССПЭН, 2008. - С. 858-859.

Конституция в целях уравновешивания таких основ российской государственности, как демократия, суверенная государственная целостность и федерализм, допускает возможность различных вариантов наделения полномочиями органов и должностных лиц публичной власти непосредственно не поименованные в Основном Законе в качестве избираемых, в том числе возможность изменения раннее установленного порядка наделения полномочиями соответствующих органов и лиц, если при этом соблюдаются права и свободы человека и гражданина»[1].

Сразу же возникает несколько важнейших вопросов, непосредственно касающихся правового дискурса.

Во-первых, непонятна *цель* данного закона: «уравновешивание демократии, суверенитета, государственной целостности и федерализма» - это противоречит не только здравому смыслу, но и законам естественных наук, которые отрицают возможность уравновешивания субстанции духовного уровня.

Во-вторых, идёт навязчивая правовая мифологизация, связанная с имплементацией в текст Федеральной Конституции того, чего там в реальности нет – «возможность изменения ранее установленного порядка наделения полномочиями соответствующих органов и лиц, если при этом соблюдаются конституционные и иные общепризнанные права и свободы человека и гражданина». Миф связан с тем, что в Конституции РФ есть чёткая норма об избрании глав субъектов РФ и её никак по-другому истолковать нельзя.

В-третьих, сам факт обращения в Конституционный Суд Российской Федерации граждан, проживающих в субъектах РФ с жалобами на нарушение, принятыми 11 декабря 2004 г. № 159-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»» и федеральным законом от 19 декабря 2005 г. № 202-ФЗ «О внесении изменений в ст. 18 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»» норм федеральной Конституции свидетельствует о том, что такой наскоро сфабрикованный миф не имеет позитивного будущего, так как в данном случае как раз сработал важнейший элемент правового дискурса - обратная связь, когда основная масса субъектов права, знакомая исключительно с текстом Основного закона, не может осознать правовую позицию Конституту-

[1] Черкасов К.В. Ещё раз о назначении глав регионов или о повышении эффективности функционирования территориальных органов Президентской вертикали власти в ракурсе административной реформы// Российская юстиция. - 2007. - № 12. - С.6.

ционного Суда Российской федерации, то есть не может отличить само решение Конституционного Суда от его правовой позиции. И, к слову сказать, не должна это осознавать, так как иногда и сами судьи Конституционного Суда не имеют чётко выработанного и однозначного понятия о сущности правовых позиций главного органа Конституционной юстиции страны.

В-четвёртых, у населения страны возникли явные проблемы с императивностью и харизматичностью Основного закона страны, который может подвергаться несвойственной Конституционному Суду Российской Федерации функции - законодательной деятельности, связанной с «подправлением» текста Основного закона. Получается на практике абсолютно не правовое явление – реализация Конституционным Судом РФ неких скрытых полномочий. Оценка этого явления должна быть однозначной - это нарушение норм Федеральной Конституции для реализации цели федерального центра – укрепления вертикали власти в сфере федеративных отношений.

Таким образом, на наш взгляд, в связи с отсутствием ориентации федерального законодателя на верховенство права, понимаемого как естественные права человека, оцениваемые обществом как ценные и справедливые и как императивные, то есть стоящие над государством и его законами и смещением акцента в сторону верховенства закона правовая действительность нашей страны не может являться образцом демократии. Принимаемые федеральным законодателем такие федеральные законы и принимаемые Конституционным Судом РФ такие Постановления нередко не согласуются с правовым дискурсом нормативного акта, порождая в обществе правовой нигилизм, снижение правовой культуры. Тем более, когда речь идёт об Основном законе страны.

Цыганков Сергей Леонидович
федеральный судья суда ХМАО

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА БАНКРОТСТВО В РОССИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (1860-1917 ГГ.)

Одной из особенностей законодательства Российской империи было то, что нормы, предусматривающие гражданско-правовую ответственность за банкротство содержались в нормативно-правовых актах, регулирующих гражданский процесс. При этом обеспечительные меры, применяемые к несостоятельным должникам - банкротам, и налагаемые в рамках гражданского процесса, по своему содержании скорее соответствовала уголовному наказанию. Наиболее важными нормативно-правовыми актами, регулирующими

процедуру банкротства и ответственность за нее были наряду с упомянутым выше Банкротским уставом были Устав гражданского судопроизводства, а особенно приложение III к статье 1400 данного Устава, а также Устав судопроизводства торгового. Приложение по своему значению вполне было сопоставимо с современным Законом о банкротстве и регулировало процедуру банкротства как лиц, связанных с торговой деятельностью, так и неторговых банкротов.

В соответствии со ст. 410 Устава судопроизводства торгового «должник, объявленный несостоятельным, в тот же самый день отдается под стражу»[1].

Из этого общего правила допускались только то исключение, когда открытие несостоятельности последовало по собственному признанию должника, до того момента, когда кредиторы предъявляли свои претензии к взысканию и когда заимодавцы в суде, самостоятельно или через уполномоченных изъявляли общее согласие оставить его на свободе, а должник предоставлял надежное поручительство в неотлучке его из города. Очевидно, что столь сложное стечение обстоятельств было исключительно редким.

В соответствии со статьей 529 Устава судопроизводства торгового последствиями неосторожной несостоятельности, или простого банкротства, могли быть:

- продолжение заключения банкрота под стражею, если он прежде не был освобожден из под неё, от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев, по усмотрению заимодавцев. В этот срок засчитывалось и то время, какое в течение производства дела должник находился под стражей. При этом большинство займодавцев могли ходатайствовать перед Коммерческим судом о сокращении срока содержания должника под стражей или полном его освобождении.

- неосторожный банкрот лишался прав торговли; но заимодавцам его, по большинству суммы, предоставляется, приняв во внимание обстоятельства, предшествовавшие и сопровождавшие несостоятельность.

Еще суровей закон предписывал обращать с неосторожными неторговыми банкротами. В соответствии с п. 29 Приложение III к статье 1400 Устава о гражданском судопроизводстве правила о личном задержании должника – не торгового банкрота регулировались в соответствии со статей 63 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, и могло быть наложено только в случае нарушения подписки о неотлучке из города.

[1] Нюренберг А.М. Устав судопроизводства торгового.- М., 1913 г. – С..257.

Процедура личного задержания более детально регулировалась частью 2 Приложения.

В соответствии со статьей 36 Приложения устанавливались следующие сроки заключения для неисправных должников в соответствии с суммой долга.

1. За долг от ста до двух тысяч рублей – 6 месяцев

За долг свыше 2 тысяч рублей, но не свыше 10 тысяч – один год

За долг свыше 10 тысяч до 30 тысяч – два года

За долг от 30 тысяч до 60 тысяч – три года

За долг свыше 60 тысяч до ста тысяч – четыре года

За долг свыше ста тысяч – пять лет.

Срок действия исполнительного листа на задержание должника определялся в полгода. В соответствии со статьями 40 и 41 Приложения, кредитор был обязан вносить кормовые деньги на содержание должника под арестом как минимум на один месяц, без которых должника не могли арестовать. Должник не мог быть подвергнут личному задержанию в ночное время (от 8 вечера до 8 утра, в церкви, в жилых помещениях, занимаемых дипломатическими представителями, во время заседании публичных органов.

Даже болезнь не освобождала должника от личного задержания, за исключением тех заболеваний, которые представляли опасность для здоровья.

Личное задержание в соответствии со статьей 57 Приложения прекращалось в следующих случаях:

- уплаты долга;
- достижения должником 70 лет
- истечения срока ареста
- принятии поручительства кредитором со стороны третьих лиц
- непредставлением кормовых.

Повторим: все эти меры применялись в рамках гражданского процесса!

Существенным изменениям было подвергнуто Уложение о наказаниях. В 1857 г. при третьем издании Свода вышло второе издание Уложения и сделалось 1-й книгой XV тома, причем первоначальное число статей — 2224 возросло до 2304, в особенности вследствие пополнения постановлений о нарушениях Устава табачного и внесения в Уложение постановлений о повреждениях телеграфов. Законодательные реформы, начавшиеся со вступлением на престол Александра II, потребовали более полного пересмотра Уложения. Такими важнейшими законами были: Закон 22 марта 1860 г.— об отмене отдачи на военную службу в виде наказания и Закон 19 февраля 1861 г.— об освобождении крестьян, отменив два главнейших принципа карательной системы Уложения — различие наказаний для лиц привилегированных и непри-

вилегированных а также применение телесных наказаний. Основанный на положениях реформы Закон 17 апреля 1863 г., во-первых, отменял применение телесных наказаний, как дополнительной меры взыскания; во-вторых, изменялись постановления Закона 1853 г. о замене розгами наказания лишением свободы для лиц непривилегированных; в-третьих, отменялись некоторые виды телесных наказаний, как-то: плети, шпицрутены; в-четвертых, срок всех исправительных наказаний сокращался на треть. Так же важное влияние на структуру уложения оказало принятие Судебных уставов 20 ноября 1864 г., в частности Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, в силу коего из Уложения были исключены целый ряд статей, подпадающих под действие Устава. Значительность всех этих изменений потребовала принятия новой редакции Уложения о наказаниях. Это и послужило основанием мнения Государственного Совета от 27 декабря 1865 г. (о согласовании Уложения о наказаниях с Уставом о наказаниях. Этим законом было, во-первых, изменено значительное число статей Уложения; во-вторых, указаны статьи, которые должно заменить соответственными статьями Устава о наказаниях или и вовсе отменить. Кроме того, еще ранее (22 ноября 1865 г.) Государственным Советом был утвержден подробный перечень статей Уложения, замененных статьями Устава, и сделаны в Уложении необходимые изменения редакции некоторых статей. На основании этого и состоялось третье издание Уложения о наказаниях 1866 г., в которое были включены все постановления по 1 марта 1866 г.; при этом число статей значительно сократилось, а именно — осталось 1711 вместо 2304.

В итоге произведенных изменений статьи, предусматривающие ответственность за преступления в сфере банкротства приобрели следующий вид.

В соответствии со статьей 1163 лица, производящие торговлю, и, изобличенные в установленном законом порядке, в злонамеренном банкротстве, наказывались лишение всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и подлежали отдаче в исправительные арестантские отделения на срок от 4 до 5 лет[1]. Ответственность соучастников подлогов банкрота и его наследников, скрывших унаследуемое имущество от конкурсного производства по удовлетворению долгов наказывалось в соответствии со статей 1164. Статья содержала ссылку на статью 119 Уложения.

В соответствии со статьей 1165 неосторожное банкротство лиц, производящих торговлю каралось лишением права торговли и заключением в тюрьму по требованию усмотрению кредиторов на срок от восьми месяцев до 1 года и 4 месяцев. Таким образом, можно сделать вывод о том, что ка-

[1] Здесь и далее текст Уложения излагается по Таганцев Н.С., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. - СПб, Издание 12-е, стр.616 – 650.

раемое в уголовно-правовом порядке неосторожное банкротство лиц, занимающихся торговлей, предусматривало меньший срок заключения, лишения свободы, чем мера обеспечения, применяемая к не торговым банкротам в рамках гражданского процесса.

Необходимо отметить, что практика применения уголовного законодательства была довольна снисходительна к предполагаемым злостным банкротам. А. Трайнин приводит следующие данные о количестве привлеченных к уголовной ответственности за преступления в сфере банкротств:

Количество лиц, обвиненных, осужденных, оправданных за преступное банкротство за период 1902-1908 г.г.[1]

Годы	Число лиц по все России в банкротстве…		
	Обвиняемых	Оправданных	Осужденных
1902	8	7	1
1903	8	6	2
1904	16	11	5
1905	10	9	1
1906	15	15	0
1907	20	16	4
1908	6	6	0

При этом количество даже обвиняемых в совершении преступных банкротств

Количество лиц, объявленных несостоятельными Московским и Одесскими коммерческими судами[2,3]

Годы	**Число лиц, объявленных несостоятельными должниками коммерческим судом**	
	В Москве	**В Одессе**
1902	38	19
1903	58	22
1904	102	38
1905	91	23
1906	69	13
1907	88	8
1908	80	7

Из данных лиц никто не был осужден за банкротство!

---

[1] Трайнин А. Несостоятельность и банкротство. - СПб., 1913. - С 31.

[2] Помимо Москвы Одессы коммерческие суды в с начала 20-го века действовали также в Санкт – Петербурге и Варшаве. См. подробнее Архипов И.В. Коммерческие суды и торговый процесс в России // Правоведение. -1994. - № 4. - С. 108 – 112.

[3] Трайнин А. Указанная работа. - С. 30.

В качестве причин подобного положения вещей Трайнин указывает на содержание статьи 458 Устава судопроизводства торгового, в соответствии с которым обязанность давать заключение о причинах несостоятельности была возложена на конкурсное управление. В соответствии со статьей 511 «По окоiгчанiи всѣхъ розысканiй объ имуществѣ и дблгахъ несостоятельнаго, Конкусное Управленiе составляетъ заключенiе свое о причинахъ упадка и относить оный по правиламъ, выше сего опредѣленньшъ, или къ несостоятельности несчастной, или къ простому банкротству, или же къ банкротству злонамѣренному.. »[1].

Таким образом, подводя итог обзору отечественного законодательства, регулирующего институт несостоятельности/ банкротства и ответственности за не, в том числе уголовной, можно сделать следующие выводы:

1. Законодательство рассматриваемого периода было достаточно запутанным. По остроумному замечанию А. Трайнина «истории конкурсного законодательства в России – печальная повесть о том, как много попыток было сделано к изданию удовлетворительного конкурсного права России и как все эти попытки неизменно заканчивались неудачей»[2]

2. Сложное для понимания законодательство было трудно применять на практике. По словам Г.Ф. Шершеневича» многие статьи были поострены настолько сложно, что затрудняли не только торговых лиц, но и опытных юристов»[3].

3. Наказание за преступные действия в сфере несостоятельности – банкротства регулировалось не только уголовным, но гражданским законодательством.

Чертова Лариса Николаевна,
Семенов Евгений Владимирович
Курганский государственный университет

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА (НА ПРИМЕРЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА И СССР)

Одной из основных задач государства является оптимизация воспроизводства населения и проведение активной демографической политики. Последняя предполагает развитие таких направлений как: охрана семьи и брака,

[1] Нюренберг А.М., Устав судопроизводства торгового. - С.365.
[2] Трайнин А. Несостоятельность и банкротство. - С. 1.
[3] Шершеневич Г.Ф. Учение о несостоятельности. Исследование.- Казань, 1890. - С.4.

стимулирование рождаемости, рост уровня жизни населения, организация занятости детей и молодежи, забота о физическом здоровье населения. Свою специфику демографическая политика имеет в тоталитарных государствах. Политические элиты тоталитарных режимов более всего заботятся о своей легитимности и нуждаются в поддержке населения. С этой целью проводится активная социальная политика. К тому же очень важно в условиях унификации всей общественной жизни держать под контролем процесс воспроизводства «человеческих единиц», преданных делу партии и вождю. В статье мы рассмотрим основные направления демографической политики тоталитарных государств на примере нормативных актов третьего Рейха и СССР 30-х годов.

Когда в 1933 г. НСДАП во главе с Гитлером пришли к власти, Германия находилась в глубоком социально – экономическом кризисе. Рост безработицы, высокая инфляция, политическая нестабильность, и как следствие существенное снижение уровня рождаемости. Так, по сравнению с началом XX в., в 1932 г., ежегодный прирост населения сократился более чем втрое. В этой связи одним из приоритетных направлений деятельности нацистского правительства стала борьба за увеличение рождаемости. С этой целью в 1933 г. в Уголовный кодекс Германии были внесены изменения[1]. Теперь женщина совершившая аборт или позволившая совершить его другим, а также лица, которые произвели аборт, наказывалась тюремным заключением. Позднее Советом Министров по обороне Рейха был издан указ «Распоряжение о защите брака, семьи и материнства от 9 марта 1943 г.», который за совершение аборта увеличивал срок тюремного заключения (в особо тяжких случаях предусматривалась даже смертная казнь). Уголовному преследованию подвергались и «разрушение или игнорирование семьи», уклонение от содержания детей, неоказание помощи беременной женщине, сбыт и распространение средств контрацепции, пропаганда использования контрацепции. В официальных документах такие ужесточения объяснялись тем, что для боев с Красной Армией на восточном фронте Вермахту требовались новые солдаты.

«Закон о сокращении безработицы» от 01.07.1933 в разделе 5 предусматривал стимулирование брачных отношения между немецкими гражданами[2]. Так, например ссуда в размере 1 тыс. марок предоставлялась, тем, у кого «невеста в период с 1 июня 1931 по 31 мая 1933 г. не менее 6 месяцев была в Германии наемной работницей». Выдача ссуды производилась в виде талонов на посуду, мебель и домашнюю утварь. Условия получения ссуды постоянно изменялись. При среднегодовом доходе рабочего около 1 520 марок ссуда составляла 1 тыс. марок. До 1935г. было выплачено 378 тыс. ссуд

[1] Уголовный кодекс Германии от 15 мая 1871 г.// http yspu.org

[2] Пленков О.Ю. Тайны Третьего Рейха. Рай для немцев. - М.:ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. - С.259.

на сумму 206 млн.марок, и уже в 1933 г. было заключено на 200 тыс. браков больше, чем в 1932 г.[1] Кроме того, семьи рабочих и служащих с низкими доходами (менее 185 марок в месяц) ежемесячно получали дотацию на пятого и последующих детей. С 1938 г. эта дотация выплачивалась уже семьям с тремя детьми. Накануне второй мировой войны государство выплачивало дотации на 2,5 млн. детей. Однако в целом брачные ссуды и дотации не оправдали ожиданий: в каждой четвертой семье был только один ребенок, а каждый третий брак оставался бездетным.

Законы о браке вторгались в самую интимную сферу жизни человека. Выбор спутника жизни определялся не личными симпатиями, а мировоззрением. Государственные дотации и кредиты предоставлялись только тем парам, которые соответствовали расовой чистоте и производили здоровое потомство. «Закон о предотвращении появления наследственно больного потомства» от 14 июля 1933 года подвергал принудительной стерилизации лиц страдающих: врожденным слабоумием, шизофренией, эпилепсией, тяжкими физическими уродствами и даже страдающих тяжелой формой алкоголизма. С целью регулирования здоровья лиц вступающих в брак в ноябре 1934 г. Имперским комитетом народного здоровья были установлены 10 заповедей для выбора супруга. Вот некоторые из них: «Если ты наследственно здоров, ты не должен (должна) остаться безбрачным (ой)»; «Как немец (немка), выбирай только супруга(у) той же или нордической крови»; «При выборе своего супруга спрашивай о его предках»; «Ты должен (должна) хотеть как можно больше детей». «Закон о защите немецкой крови и чести», от 15.09.1935 запрещал брачные союзы и интимные отношения евреев с подданными государства немецкой или близкой ей крови (Ст.1.1; Ст.2). По «Закону о защите здоровья немецкого народа» от 18.10. 1935 г. перед заключением брака будущие супруги должны были подтвердить отсутствие препятствий на брак специальным удостоверением от управления здравоохранения.

Если в 30-е гг. государство пропагандировало отношения консервативной морали в семье, то с началом войны нацистское руководство постепенно отказалось от такой политики, провозгласив внебрачные связи на благо народа, а внебрачных детей национальным достоянием. Такие дети поступали под опеку рейхсфюрера СС, а их матери получали специальные пособия.[2] Этим же целям служила организация «Лебенсборн» («Источник жизни»), она располагала 14 общежитиями, где содержались незамужние матери и жены и дети эсэсовцев.

---

[1] Там же. - С.349.

[2] Приказ Гиммлера от 28.11.1939 г. // http: yspu.org.

Одним из направлений демографической политики Германии была молодежная политика. Она была призвана обеспечить всеобщую занятость детей и подростков в возрасте от 6 до 18 лет. Молодежь и дети в Третьем Рейхе были организованы следующим образом: девушки 10-14 лет были объединены в организацию «Молодые девушки», девушки от 14 до 21 года в «Лигу немецких девушек». Мальчиков 6-10 лет объединяла организация «Пацаны», после которой они сдавали экзамен по истории, по физкультуре и навыкам жизни в полевых условиях. 10-14 летние подростки входили в «Юнгфольк». Здесь на каждого подростка заводилась «книжка деятельности», где фиксировались его успехи, включая и идеологический рост. А 14-18 летнюю молодежь объединяла «Гитлер-югенд». Все эти организации во многом подменяли функции семьи и снимали с нее существенную часть нагрузки по воспитанию. Так в первых статьях «Закона о Гитлер-югенде» от 1 декабря 1936 года было указанно, что вся немецкая молодежь должна вступить в "Гитлер-югенд", где она должна обучаться физически, умственно и нравственно в духе национал-социализма, службы народу и народному сообществу».[1] Молодежь в большинстве своем позитивно воспринимала «Гитлер-югенд», так как государство старалось удовлетворить ее нужды: строились стадионы, открывались спортивные залы, развивалась система социальной помощи, организовывались соревнования лучших по профессии. В 1938 г. был принят «Закон о защите молодежи», который еще более закрепил в немецкой молодежи чувство, что она является интегральной составной частью национал-социалистической государственной системы.

Проведенные за 12 лет существования нацистского режима мероприятия дали свои результаты. Если в 1932 г. живыми было рождено 932 тыс. чел., то к 1935 г. эта цифра выросла до 1264 тыс. Пик рождаемости был достигнут к 1939 г. и составлял 1407 тыс. чел.(рост более, чем в 1,5 раза). Даже в период войны темпы прироста населения превосходили мирный «донацистский» период (так, в 1943 г. родилось 1125 тыс.чел., что в 1,25 раз выше уровня 1932г.). Таким образом, меры принятые правительством Третьего Рейха для улучшения демографической ситуации, хотя и не были реализованы в полной мере, но все же существенно подняли уровень рождаемости в стране.

С началом строительства социализма в СССР стал вопрос о проведении грамотной демографической политики. Новому обществу нужно новое поколение строителей коммунизма - поколение молодежи, незатронутое буржуазными взглядами. Послереволюционный период был отмечен бурным скачком в развитии нравов. Активно отрицая старый буржуазный уклад, советское

[1] Пленков О.Ю. Указ. соч. - С.486.

правительство выступало за ликвидацию патриархального типа семьи, легального брака и все, что с ними связано. Результатом «реализации социальной свободы пролетарской женщины» были частые нежелательные беременности и нелегальные аборты. В целях борьбы с нелегальными абортами совместным Постановлением Наркомата юстиции и Наркомата здравоохранения от 18 ноября 1920г. было решено легализовать аборты. Но такая политика привела к уменьшению прироста населения.[1] Позже, осознав свои просчеты, в 1926 году аборты запретили только впервые забеременевшим.

В 1934 года на XVII съезде ВКП(б) И.В.Сталин, подводя итоги первой пятилетки, обратил внимание на необходимость роста народонаселения страны. Конституция СССР 1936 г. в ст. 136 впервые закрепила гарантии материнства и детства. В целях реализации этих заявлений 27.06.1937 г. ЦИК и СНК принял Постановление № 1134 «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширение сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательство о разводах». Постановление увеличивало денежные выплаты роженицам с 32 до 45 рублей, пособие на кормление ребенка с 5 до 10 рублей. Было отменено разграничение отпуска по родам у конторских служащих и лиц, занятых физическим трудом. Теперь обе категории получали одинаковое количество дней. За беременной женщиной сохранялся прежний заработок с одновременным переводом ее на более легкую работу. Постановление вводило государственное пособие многодетным матерям: имеющим 6 детей по 2 тыс.руб. ежегодно, в течение пяти лет со дня рождения за каждого вновь родившегося, имеющим 10 детей - 5 тыс.руб единовременного пособия за каждого следующего ребенка и со второго года ежегодное пособие в 3 тыс. рублей, выдаваемое в течении 4-х лет. Указанным постановлением изменялась ст. 140 Уголовного Кодекса РСФСР. Если раньше ответственности подвергались лица, которые произвели процедуру аборта, не имея специального образования, либо сделавшие это в антисанитарной обстановке, то теперь к ответственности привлекались и врачи, совершившие аборт в больнице, кроме случаев угрозы жизни матери, или наличия у плода наследственных заболеваний. Ужесточались санкции за неплатеж алиментов, расширялся круг лиц, имеющих право подавать заявление об установлении отцовства и о взыскании алиментов (к ним стали относиться органы ЗАГСа,

[1] Лебина Н. «Навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин» Абортная политика как зеркало советской социальной заботы // Советская социальная политика 20-30х гг. Идеология и повседневность. – М., 2007. - С.231-232.

суд, прокурор, органы охраны материнства и младенчества, органы опеки, профсоюзы).

С началом Великой Отечественной войны смертность населения существенно возросла. В целях поддержки рождаемости Указом Президиума Верховного Совета СССР 21.11.1941 г. был введен налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан. Все одинокие и семейные граждане, не имеющие детей (мужчины в возрасте от 20 до 50 лет и женщины от 20 до 45 лет) облагались 5% налогом (при зарплате более 150 руб.).

08.07.1944 г. в целях поддержки многодетных матерей Указом Президиума Верховного Совета СССР были введены: звание «Мать Героиня» для тех кто воспитывает более 10 детей, орден «Материнская слава» I,II,III степеней за воспитание 9,8 и 7 детей соответственно и «Медаль материнства» I и II степени за воспитание 6 и 5 детей. Государственное пособие полагалось матерям, имеющим двух детей (за каждого следующего ребенка) и одиноким матерям вне зависимости от количества детей. В условиях, когда большинство мужей гибло на фронте, эти инициативы правительства становились особенно актуальны.

Серьезное внимание советская власть уделяла также вопросам организации молодого поколения. Эту роль на себя брали специализированные общественные организации: Всесоюзная пионерская организация им. В.И. Ленина (ВПО), Коммунистический союз молодежи СССР. ВПО была образована 19 мая 1922 года с целью воспитания подрастающего поколения в духе коммунистической идеологии. Членами пионерской организации становились подростки от 9 до 14 лет. Для них создавались пионерские лагеря, кружки и секции по интересам, организовывались массовые военно-спортивные мероприятия. С 14 лет, подростки по рекомендации переходили в организацию старшего звена - Коммунистический союз молодежи. Созданный 29.10.1918г. комсомол был массовой организацией рабочей и крестьянской молодежи, «организацией непартийной, но примыкающей к партии», как охарактеризовал ее И.В.Сталин[1]. И потому главной ее задачей была помощь партии в деле воспитания молодого поколения в духе социализма.

Таким образом, демографическая политика, как и вся жизни в тоталитарном государстве, носила мировоззренческий характер и своей главной целью провозглашала необходимость поддержания и воспитания новой социальной общности. На решение этой задачи была направлена вся жизнь общества, в том числе и политика в области социальной сферы. Однако демографическая политика нацистской Германии имела расистскую направленность

[1] Работяжев Н.В., Э.Г. Соловьев Феномен тоталитаризма. Политическая теория и исторические метаморфозы. - М.: Наука, 2005. - С. 229.

и исходила из главной предпосылки - необходимости воспроизводства расово чистой, здоровой национальной общности, готовой к выполнению главных задач национал-социалистической государственной системы – строительству новой Германии и «рая для немцев». В СССР демографическая политика была формально более гуманистической, направленной на создание «свободного от буржуазных предрассудков поколения строителей коммунизма». Но на деле и та и другая обеспечивали государственный контроль над личной жизнью своих граждан через контроль над рождаемостью, процессами воспитания и политической социализации.

Шабуров Анатолий Степанович
Уральская государственная юридическая академия

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА И ЕЕ МЕХАНИЗМА

Категория « реализация права» не является новой в отечественной юридической науке. Ей посвящено достаточно большое количество работ, в том числе и монографического характера[1]. В определенной степени исследованы в литературе и вопросы механизма реализации права[2]. Однако, несмотря на достаточно большое количество работ по этим вопросам, количество спорных проблем, без разрешения которых невозможно эффективное решение многих проблем юридической практики, не только не уменьшилось, но и увеличилось.

К таким спорным вопросам можно отнести следующие:

1. Среди ученых отсутствует единство в самом понятии «реализация права».

Одни авторы реализацию права отождествляют с правовым регулированием, другие - со стадией правоотношений, третьи - с действием права. Рассматривалась реализация права и как претворение права в жизнь, и как правомерная деятельность субъектов права[3]. Рассматривается реализация в узком и широком смысле, понимается она и как процесс, и как результат, и как одна из стадий правового регулирования.

---

[1] См., например, В.А.Сапун Социалистическое правосознание и реализация советского права. - Владивосток, 1984; Маликов М.К. Проблемы реализации права. - Иркутск, 1988; Решетов Ю.С. Реализация норм советского права. – Казань, 1989; Кожевников С.Н. Реализация права: понятие и формы реализации. - Н.Новгород, 2002.

[2] Решетов Ю.С. Механизм правореалзации в условиях азвитого социализма. – Казань . 1980; Завадская Л.Н. Проблемы реализации права. - М., 1992; Фалькина Т.Ю., ,Шабуров А.С., Чашников В.А. Формы реализации права и механизм их осуществления. – Екатеринбург, 2009.

[3] См.: Общая теория права./Отв.ред. А.С. Пиголкин. - М.,1995. - С.263.

2. В достаточной степени не определено место реализации и в категориальном аппарате юриспруденции. Так, она определяется как тип (сторона) юридической практики[1], как средство индивидуального правого регулирования, трактуется реализация права и как основа политического режима[2].

3. Нет единства и в понимании объекта реализации. Она понимается как реализация норм права, реализация права, реализация правовых предписаний, реализация субъективных прав и обязанностей.

На наш взгляд, наиболее плодотворной является общетеоретический методологический подход, позволяющий рассматривать реализацию права в рамках правового регулирования, его механизма.

В науке получила поддержку концепция правового регулирования, предложенная еще в 1966 г. проф. С.С.Алексеевым.[3] Согласно ей правовое регулирование включает в себя 3 стадии: общей (нормативной) регламентации, индивидуальной регламентации (стадии правоотношений) и стадию реализации.

Подобный подход позволяет дать критическую оценку концепции, согласно которой реализация отождествляется с поведением субъектов. Если исходить из того, что стадия реализации – стадия именно правового регулирования, то здесь следует видеть процесс регуляции, т. е. выбора правореализующим субъектом формы, характера, динамики будущего поведения. Т.е здесь регулирование выступает в форме саморегулирования, саморегуляции со стороны субъекта. Такой подход позволяет отделить реализацию от непосредственного (правомерного либо неправомерного) поведения, которое является итогом, результатом правового регулирования.

С другой стороны, необоснованной представляется и позиция авторов, рассматривающих реализацию как сторону правоотношений, так и понимание ее как реализацию правовых норм.

Безусловно, в процессе реализации происходит осуществление нормативных предписаний, претворение их в жизнь. Однако субъекты реализуют не непосредственно норму, а свои собственные, сформировавшиеся в правоотношении субъективные права и субъективные же юридические обязанности. Поэтому реализацию права целесообразно рассматривать именно как третью, самостоятельную стадию правового регулирования и определять ее как «претворение правовых предписаний в жизнь путем осуществления субъективных прав и юридических обязанностей».

---

[1] Леушин В.И. Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений. -Красноярск, 1987.

[2] Карташов В.М. Теория правовой системы общества: учебное пособие в 2 т. Т.1. - Ярославль, 2005. - С.287.

[3] Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. - М.,1966.

Такое понимание реализации позволяет рассмотреть ее специфику, стадии, осуществить определенную классификацию по степени активности субъектов, по времени, по формам реализации ,по степени опосредования действий и др.

Определенные споры вызывает проблема соотношения реализации права и правоприменительной деятельности, правоприменения. Место и роль реализации права в обеспечении эффективности правового регулирования в значительной степени зависит от форм реализации. В науке, как известно, различают три формы непосредственной реализации – соблюдение, исполнение, использование и государственно-властную форму реализации - применение. В основу такой классификации положен характер реализуемых правовых норм. Использование связано с претворением в жизнь управомачивающих норм, исполнение понимается как реализация обязывающих норм, а соблюдение – реализация норм-запретов. Подобная трактовка, безусловно, оправдана. Однако при этом не учитывается самостоятельный характер реализации, рассмотрение ее как третьей, самостоятельной стадии правового регулирования. Как уже отмечалось, на этой стадии реализуются не нормы непосредственно, а конкретизированные в правоотношении (вторая стадия правового регулирования) субъективные права и обязанности субъектов правоотношений. В таком случае использование понимается как реализация субъективного права управомоченной стороной правоотношения, исполнение - как реализация обязанной стороной своей позитивной субъективной юридической обязанности, а соблюдение – реализация субъективного запрета обязанной стороной правоотношения. Подобный подход позволяет по-иному рассматривать и механизм реализации, и его основные элементы.

С иной стороны при таком понимании определяется и роль правоприменения в правовом регулировании, его соотношение с реализацией. Как известно, большинство ученых трактуют применение как четвертую, специфическую форму реализации наряду с указанными. Вместе с тем, еще в пятидесятых годах в отечественной науке была высказана мысль что эта форма реализации отличается от других тем, что деятельность по претворению юридических норм в жизнь совершается специальными органами на основе властных полномочий, причем данные органы во многих случаях не являются участниками регулируемых правом общественных отношений: они действуют «со стороны», дополняя властную силу юридических норм властной силой индивидуальных актов. Отсюда применение – это такая деятельность государственных органов, которая специально направлена на претворение пред-

писаний юридических норм в жизнь.[1] При этом следует учесть, что правоприменительная деятельность далеко не всегда осуществляется на стадии реализации. Зачастую правоприменительный акт выступает в качестве юридического факта, необходимого условия для возникновения правоотношений, в рамках которых осуществляется конкретизация предписаний правовых норм. В других случаях правоприменительная деятельность обеспечивает беспрепятственное осуществление субъективных прав, восстановление нарушенных прав и их защиту, исполнение субъективных юридических обязанностей. В этом случае правоприменение следует трактовать не как форму реализации (пусть даже специфическую), а как государственно-властную деятельность компетентных субъектов по обеспечению реализации права участниками правоотношений.

Таким образом, как завершающая стадия правового регулирования, реализация представляет собой процесс, в рамках которого осуществляются субъективные права и юридические обязанности.

Такое понимание предполагает наличие определенного механизма реализации. «Механизм реализации» - относительно новая категория юридической науки. И хотя ее исследованию посвящены ряд монографических работ и диссертационных исследований[2], многие вопросы требуют дальнейшего научного анализа.

Механизм реализации имеет и юридическое, и фактическое основание своего действия. Юридическое (нормативное) основание механизма реализации субъективных прав и юридических обязанностей составляют правовые нормы. Фактическое основание – юридические факты и акты реализации.

Механизм реализации представляет собой сложное образование, включающее следующие составляющие:

- Блок элементов, связанных с деятельностью самого субъекта реализации. Здесь имеется в виду организационная деятельность субъекта, связанная с особенностями воздействия права на волю и сознания людей, формирование мотивационных установок. Ключевую роль в этом случае играет психологический механизм выбора того или иного варианта поведения. Здесь эффективность механизма зависит от таких организационных и психологических качеств субъекта реализации как активность, инициативность, настойчивость, организованность, самостоятельность, способность брать на себя ответственность. Так, при использовании субъективного права субъект мо-

[1] См.: К итогам дискуссии применения норм советского права //Советское государство и право. - 1955. - № 3.

[2] Завадская Л.Н. Механизм реализации права. - М., 1992; Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права. - СПб., 2002.; Решетов Ю.С. Механизм реализации советского права: Автореф. дисс.. д-ра юр.наук. - М.,1991.; Фалькина Т.Ю. Формы реализации права и механизм их осуществления: Автореф. … канд. юр. наук. - Н.Новгород, 2007.

жет реализовать его активно, а может бездействовать, может реализовать право быстро, инициативно, а может растянуть реализацию во времени, реализовать право частично и т.д. То же самое можно сказать и об исполнении обязанности, которую можно реализовать, а можно отказаться от реализации, нарушить юридическую обязанность. На наш взгляд, при противоправных действиях (при неисполнении юридической обязанности) так же имеет место процесс реализации, саморегуляции. Здесь определенную роль играет именно психологический механизм выбора субъектом права варианта поведения, его волевой выбор.

- В случае затруднения в реализации субъективного права либо нарушении обязанности в работу механизма включается второй блок элементов механизма реализации, связанный с государственно-властной деятельностью компетентных субъектов. Здесь имеют место такие формы деятельности как правоприменение, контроль, стимулирование, охрана, защита, юридическая ответственность. Именно поэтому, как было сказано выше, правоприменительную деятельность неправомерно рассматривать как форму реализации, а трактовать как важный элемент механизма реализации, обеспечивающий ее эффективность.

- Третий блок элементов механизма реализации – процессуальный, обеспечивающий юридический порядок реализации субъективного права и юридической обязанности.

- Наконец, четвертый блок элементов характеризует социально-культурный уровень субъектов реализации. Он находит свое выражение :

а) в формировании субъектом психологического и социально-культурного отношения к данному виду процесса, проявлении самосознания, воли, регуляции собственного поведения;

в) в его ценностных ориентациях, как итоге правового просвещения, правового воспитания, в идеологических предпочтениях и уровне политической и правовой культуры;

в) в определенном уровне правосознания правоприменителя и профессиональной готовности к реализации права.

- Важным элементом механизма реализации являются правовые акты - акты реализации.

Нередко под актами реализации понимают реальное поведение субъектов. Безусловно, поведенческие акты также имеют место в правовом регулировании. Они выступают в качестве юридического факта, являются итогом действия механизма реализации и правового регулирования в целом. Но при характеристике акта реализации, как элементе механизма реализации, речь должна идти о правовом акте-документе, существующим в правовом регули-

ровании наряду с иными правовыми актами: нормативным, правоприменительным и интерпретационным.

В связи с этим перед наукой встает еще один неразрешенный вопрос – о реализации, претворении в жизнь правоприменительных решений, их месте в механизме правоприменения, правореализации и правового регулирования в целом.

Таким образом, реализация права и ее механизм - весьма важные составляющие правового регулирования. Повышение их эффективности требует не только совершенствования законодательства и юридической практики, но и дальнейшего научно-теоретического исследования проблемы.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО
(конституционное, муниципальное, административное, финансовое право)

Бакарджиев Ян Владимирович
Курганский государственный университет

ЗНАЧЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА ПО ПОВЫШЕНИЮ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Говоря о качестве жизни необходимо помнить, что оно обеспечивается тремя обязательными субъектами – личностью, обществом и государством. Но все эти субъекты должны взаимодействовать между собой, их деятельность должна быть совместной, скоординированной и отрегулированной. Связующим звеном и доминирующим регулятором общественных отношений в современном цивилизованном государстве является, конечно же, право. Только через право возможно управлять всеми социальной значимыми сторонами жизни – экономикой, социальной сферой, экологией и т.д. Но само право не может развиваться произвольно и хаотично. Общество и государство заинтересовано в том, чтобы правовая деятельность протекала в определённом русле, была свободна от импульсивных и субъективистских влияний. Она должна быть последовательной, соотнесенной с остальными областями государственной деятельностью, иметь чёткие цели и вектор развития, т.е. осуществляться в соответствии с определённой концепцией. Концептуально оформленная и реально осуществляемая деятельность государства в сфере правового регулирования общественных отношений иначе называется юридическая политика.

Это сравнительно новое явление в нашей российской действительности. И хотя вопросами политики в юридической сфере занимались ещё русские дореволюционные юристы, в советский период эта тема практически не подымалась и не исследовалась. Долгое время игнорировалось не только соотношение общественного строя с политикой и правом, но и связь между политикой и правом. Функционирование государства направлялось не столько правом, законом, сколько политикой. Власть придерживалась тезиса «если закон препятствует революции, он отменяется или исправляется»[1].

Процесс проводимых в стране с начала 90-х годов преобразований носил бессистемный, дезорганизованный, стихийный характер. Тотальная денационализация и непродуманная приватизация привели к значительному

[1] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т.36. – С. 504.

социальному дисбалансу в обществе, что в свою очередь повлекло за собой политическую и экономическую нестабильность в государстве.

Правовая деятельность так же отличалась крайней непоследовательностью и противоречивостью. Не было стратегического видения процесса развития правовой сферы. По сути, можно говорить об отсутствии какой-либо осмысленной юридической политики в этот период вообще. Законодательная и организационная деятельность шла по принципу скорейшего закрепления нового строя и совершенно не прогнозировались последствия принимаемых решений. Несмотря на политический плюрализм, формальный демократизм, действующее право не отражало необходимого баланса интересов. Право нередко «догоняло» события, не успевая предупреждать негативные проявления в общественной жизни.

Поэтому, особую значимость юридическая политика приобретает в Российской Федерации на современном этапе развития. Пройдя первичный этап правового становления, российская государственность не может дальше развиваться без четко определённых ориентиров правового развития. От грамотной разработки и дальнейшего успешного проведения политико-правовых преобразований зависит цивилизованная и гарантированная реализация практически всех остальных видов и направлений политической деятельности государства. Эффективное решение поставленной государством задачи по качественному преобразованию социально-экономических отношений немыслимо без четкой, продуманной и понятной юридической политики. Без осмысления места и роли правовых регуляторов в реформировании всех сфер жизни российского общества, без определения тенденций их развития в России в переходный период невозможно построение правового государства, развитие принципов демократического гражданского общества. Данный вид политики является мощным средством преобразования и общества, и государства, которое необходимо использовать.

Какие же свойства и характеристики предают юридической политике такую значимость?

Прежде всего, это направленность юридической политики на использование политико-правовых инструментов для обеспечения наиболее органичного сочетания и оптимального развития отношений в различных сферах жизни общества и деятельности государства. Во вне юридическая политика выступает как концепция формирования правовой основы для той или иной политики с целью комплексного и в фарватере единообразного развития всего политико-правового базиса государства и регулирования общественных отношений, обеспечивает связность и соотносимость элементов этого базиса.

Таким образом, соотнесённость юридической политики с другими областями государственной деятельности – специфический её признак. Юридическая политика, как и право, не существует и не может реально существовать в чистом виде, ради самой себя, поскольку она служит, как уже отмечено, способом аккумуляции и проводником самых разнообразных взглядов, потребностей, интересов, то есть юридическая политика обязана тесно взаимодействовать со всеми иными видами политики.

Ещё одной отличительной особенностью юридической политики, ставящий её особняком от всех остальных, является не только взаимодействие с остальными видами политики, но и базисный, опосредующий характер по отношению к ним. Без юридической политики не могут быть успешно реализованы другие виды и разновидности политики, поскольку любая политика государства претворяется в жизнь с обязательным использованием юридических средств и механизмом, на основе нормативно-правового акта. Здесь вполне справедлив тезис о том, что «во всех разновидностях политики присутствует правовая часть»[1], а, следовательно, любая политика, реформа, вообще любая государственная деятельность в этой «части» относится к сфере воздействия юридической политики. Под данным углом зрения юридическая политика и политика экономическая, социальная, культурная и др. соотносится соответственно как часть и целое.

Сам собой напрашивается вывод о том, что юридическая политика – это особая политика, являющаяся стержнем не только правовой, но и политической системы всякого государства.

Роль и влияние юридической политики на социально-политические и правовые отношения, складывающиеся в жизни обществе, определяются её функциональным содержанием, среди которого можно выделить следующие основные функции:

1. *Обеспечивающая:* юридическая политика призвана обеспечивать грамотную, эффективную и легитимную юридическую деятельность государства в целом и его институтов в частности, сформировать единые подходы (принципы) к осуществлению государством и его органами своих функций в юридической сфере. «Опыт развития многих стран показывает, что государство и общество не могут успешно развиваться без четкой стратегической концепции. Отсутствие понятных целей в политике, кризис ее идеологической составляющей – опасная и деструктивная тенденция, фактор, тормозящий прогрессивное развитие общества»[2]. Каркас такой стратегии со-

[1] Коробова А.П. О многозначности понятия «правовая политика» // Правоведение. – 1999. – № 4. – С. 163.

[2] Малько А.В., Шундиков К.В. Правовая политика современной России: цели и средства // Государство и право. – 2001. – № 7. – С.18.

ставляет юридическая политика. Только правовыми средствами возможно скрепить разрозненные направления государственной деятельности в функционирующую в едином направлении систему.

Но нужно помнить, что правовая составляющая хоть и важная, но всего лишь часть общественно-политической системы государства и, в свою очередь, должна соответствовать ее общей динамике и направленности. Право не может функционировать автономно, в отрыве от реальных потребностей, возможностей и тенденций развития государства и общества. «Правовая политика, как важнейший элемент общей политики государства, должна быть четко сориентирована; ей надлежит последовательно отражать систему приоритетных направлений социально-политического курса, органично вписываться в общую программу развития. В противном случае социальная ценность действия юридического механизма будет невысока»[1]. Таким образом, значение данного типа политики заключается в обеспечении не только эффективной юридической деятельности государства, но и в обеспечении эффективности самого права как регулятора общественных отношений, целесообразности его применения. Право не способно самостоятельно создать новые общественные отношения либо повлиять на их развитие, если к этому нет иных, внеправовых предпосылок. Оно должно лишь своевременно легализовывать и стимулировать их. «Для понимания некоторых особенностей эволюции права полезно иметь ввиду, что правовая норма возникает и эффективно действует тогда, когда она следует за практикой, закрепляет более или менее установившуюся практику, особенно если она завоевана в результате какой-либо активности значительных групп или слоев населения. Наоборот, в большинстве случаев норма, дарованная «свыше», какой бы благородной не была идея и желание осчастливить людей, не соблюдается ни ее авторами, ни “адресатами”[2]. Право должно быть адекватным не только общественно-политическим процессам, но и быть сбалансированным внутри себя. Юридическая политика призвана обеспечить взаимодействие между отдельными направлениями правового воздействия и является фактором повышения его эффективности в целом.

2. *Регулятивная:* юридическая политика не только обеспечивает, но и направляет правовую деятельность государства в соответствии с выбранным страной курсом социально-экономического развития. Как и политика вообще, юридическая политика устанавливает компромисс в антагонистических интересах различных социальных слоях общества, создает баланс интересов личности, общества и государства. Управление в сфере взаимоотношений

[1] Там же.

[2] Матвеев Р. Политические процессы в правовом поле // Власть. – 2003. – № 7. – С.37.

больших социальных групп, обеспечение стабильности социальных отношений в целом необходимо сочетать с соблюдением гарантий и сохранением частного интереса. «Правовая политика вне интересов личности или в ущерб интересам государства не имеет права на существование»[1]. Именно для рассматриваемого типа политики наиболее остро стоит вопрос о поддержании и регулировании этого баланса. «Политика в этой связи становится субъективным образом объективного мира, инструментом перевода объективных общественных потребностей в практику деятельности больших социальных групп и государства»[2]. Данный вид политики обязан чутко реагировать на все происходящие в обществе и государстве изменения и по возможности предугадывать их, чтобы правовыми средствами предупредить возможное негативное влияние.

«Однако субъективные возможности политики весьма ограничены. Она не застрахована от ошибок и противоречий. Политика может не только стимулировать развитие той или иной общественной системы, но и консервировать на некоторое время ее состояние или даже определить движение вспять.

Реальной, рассчитанной на перспективу политика может быть лишь в том случае, если она отражает баланс интересов всего населения и объективные закономерности данной политико-правовой системы»[3].

Задача юридической политики и состоит в синхронизировании регулирующего воздействия права с соответствующими изменениями в других областях государственной и общественной деятельности[4].

Юридическая политика не должна допускать ни значительного отставания, ни значительного опережения действительности. Запаздывание права и нежелание его модернизации в соответствии с назревшей необходимостью ведет к появлению неурегулированных отношений, застойным явлениям и, как результат, к отставанию социально-экономических процессов от мирового развития. Право, «опережающее время», не сможет стать реальным регулятором, поскольку общественные отношения фактически не сложились и, следовательно, потеряет свое функциональное назначение. В любом случае место правовых пробелов начнет занимать теневое регулирование.

Регулятивная функция проявляется в координационном значении юридической политики, то есть в обеспечении согласованности правовых

---

[1] Рыбаков О.Ю. Правовая политика как юридическая категория: понятия и признаки // Журнал российского права. – 2002. – № 3. – С.77.

[2] Теория государства и права: Курс лекций / под. ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М., 2000. – С.166.

[3] Там же.

[4] См., например: Сорокин В.В. Право и время: Правовая система и переходное время // Правоведение. – 2002. – № 1. – С.180-195.

элементов всех направлений государственной деятельности в целях связного правового регулирования общественно-политической жизни.

3. *Прогностическая:* юридическая политика, как и любая другая, имеет свойство определять тенденции общественного развития, заглядывать в будущее. Она создается на перспективу, направлена на преобразования и изменения, а следовательно, при разработке правовой политики необходимо прогнозировать и оценивать последствия ее осуществления и влияние на иные процессы, происходящие в государстве, вести их мониторинг. При этом «в структуре права и действующих правовых норм в каждой стране и в каждой отросли права мы можем обнаружить некоторые элементы прошлого, иногда весьма далекого, элементы настоящего и элементы или, во всяком случае, зародыши элементов будущего»[1].

«Совершенно очевидно, что формы, скорости и результаты в этой области определяются не механически и не стихийно. Коллективная активность граждан и политических деятелей, основанная на достоверном знании объективных процессов, на относительном вероятностном прогнозе возможных последствий принимаемых решений позволит избежать неверных шагов, ускорить позитивные процессы и тем самым несколько сократить время на реализацию назревших действий»[2].

4. *Оценочная:* юридическая политика включает в себя фрагменты идеального и реального. Идеальный элемент (правовая политика) устанавливает, что необходимо достичь в ходе проведения правовой реформы, выступая неким эталоном для результата. Реальный (фактический) отражает, что в действительности было достигнуто. Сопоставляя эти элементы, можно установить степень результативности, а следовательно, и успешности проводимых правовых преобразований. Так, например, одним из объективных показателей эффективности политического воздействия на социальную действительность посредствам правового инструментария является сформировавшийся в стране уровень законности и правопорядка.

5. *Воспитательная:* в зависимости от содержания и качества претворяемой в жизнь юридической политики формирует определённый тип правового мышления индивида (правосознание). Здесь мы сталкиваемся с такими смежными явлениями правовой жизни как *правовая культура* и *правовая идеология*. Юридическая политика проводится первоначально в условиях уже сформировавшейся в обществе правовой культуры и является отражением, воплощением, развитием этой культуры. Она адаптируется через сложные

[1] Матвеев Р. Указ. соч. - С.34.

[2] Там же.

механизмы социокультурного взаимодействия личности и власти с помощью правовой культуры как одного из главных факторов этого процесса.

Правовая идеология концентрированно отражает основные достижения в области права и фиксированные формы желаемого правового будущего как общества в целом, так и отдельных социальных групп. Проходя через сознание человека, идеология выражается в философских нравственных, религиозных, эстетических и иных взглядах, отражающих действительность в истинной или ложной форме. Она выступает как ценностно-фиксированная модель правовой жизни и основных тенденций ее развития. Концентрирующая юридические ценности, идеология служит в конечном итоге развитию институтов цивилизованной демократии. Юридическая политика государства – это своего рода и есть официальная правовая идеология, составная часть национальной идеи.

6. *Образовательная:* юридическая политика обуславливает просветительскую деятельность государства в области права как среди профессионалов, так и простых граждан. Поскольку юридическая политика государства – официальная идеология и деятельность в правовой области, то она должна быть донесена до общества и понятна ему. Политика не может осуществляться одними лишь административными методами, для её качественного воздействия на правовую сферу, легитимности правовой деятельности государства нужна гражданская поддержка, т.е. поддержка гражданского общества. А *гражданское общество* – это, прежде всего, просвещённое в юридической сфере общество, каждый индивид которого имеет свои политико-правовые взгляды, знает свои гражданские права и, главное, умеет их защищать. Поэтому на современной этапе обучения граждан РФ необходимо вводить в учебных заведениях, начиная с общеобразовательных школ, курс основ правовых знаний.

В заключении отметим, что только когда общество и государство начинают осознавать роль и влияние права и юридической политики на общественно-политические отношения, происходит качественно новый этап в жизни любого государства. Стабильные отношения, признание, гарантированность и защищённость прав и свобод граждан, обеспечение возможности реализовать свои способности – разве не это выступает главными критериями качества жизни человека и общества?

Битюков Андрей Геннадьевич
Курганский государственный университет

ИДЕОЛОГИЯ КАК ОБЪЕКТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Под «идеологией» (от греч. Idea – понятие, идея и logos – учение) понимается система политических, правовых, нравственных, философских, религиозных, художественных взглядов и идей.[1] Сходные трактовки идеологии можно найти и у современных ученых. Так, Р.В. Енгибарян отмечает, что «под идеологией обычно понимается система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов на социальную действительность, взаимоотношения личности, общества и государства, на перспективы общественного развития».[2] Таким образом, термин идеология представляет собой очень широкое понятие в политической и духовно-культурной сферах. В различных ракурсах она может быть государственной, партийной, научной, религиозной, правовой и др. Идеология является частью правосознания во всех его проявлениях, правового менталитета всего общества.

В современном конституционном праве вопрос об идеологии как объекте конституционного регулирования тесно связывают с идеологической функцией конституции. Между конституцией и идеологией существуют тесные функциональные связи. Конституция страны не может быть нейтральной к идеологии и поэтому взаимоотношения конституции и идеологии могут основываться на различных принципах. Как отмечает И.А. Кравец, практика конституционно-правового регулирования выработала два принципа: принцип «идеологического монизма» и принцип «идеологического плюрализма».[3]

Первый предполагает конституционное закрепление одной официальной и обязательной идеологии, что было характерно для советских конституций. В преамбуле Конституции СССР 1977 г. отмечалось, что народ принимает конституцию, «руководствуясь идеями научного коммунизма». Конституция закрепляла господство в различных сферах государственной, общественной и научной жизни марксистско-ленинской идеологии. В ст. 47 и 51 провозглашалось, что гражданам гарантируется свобода научного, технического и художественного творчества, предоставляется право объединяться в общественные организации только «в соответствии с целями коммунистического строитель-

[1] Краткий политический словарь / Абаренков В.П., Аверкин А.Г., Агешин Ю.А. и др. - М., 1983. - С. 109.
[2] Енгибарян Р.В. Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции. - М., 2007. - С. 181.
[3] Кравец И.А. Российский конституционализм: Проблемы становления, развития и осуществления. - СПб., 2004. - С. 182.

ства». Поддерживая «монолитный характер советского общества» конституция препятствовала духовно-культурному его развитию, идеология марксизма-ленинизма пронизывала всю систему советского образования.[1]

Статья 13 Конституции РФ устанавливает, что «в Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».[2] Эти положения относятся к основам конституционного строя и не могут быть изменены в рамках действующей конституции. Можно сделать вывод, что Конституция устанавливает только запрет на государственную идеологию, то есть признаваемую конституционно и культивируемую государством в качестве единственно верной.

Конституционное закрепление официальной государственной идеологии характерно для практики тоталитарных государств. Демократическое правовое государство предполагает отказ от идеологических запретов. Господство марксистско-ленинской идеологии в советский период сопровождалось насилием над личностью, преследованием политической оппозиции. Идеологическое многообразие означает право граждан и их объединений свободно иметь собственную систему взглядов, придерживаться различных идеологических концепций, не опасаясь преследований со стороны государства. Согласно Конституции РФ (ч.1 ст. 29) каждому гарантируется свобода мысли и слова, никто не может быть принужден к выражению своих мнений или убеждений или отказу от них (ч. 3 ст. 29), а ч. 5 ст. 29 запрещает цензуру.

Тем не менее, деидеологизированный характер Конституции РФ, является достаточно спорным. Явно идеологическую окраску имеет преамбула конституции, содержание которой, с некоторыми оговорками, можно считать конституционным закреплением общенациональной идеи, а многие ее статьи базируются на идеологии западного либерализма. В преамбуле говорится об «общей судьбе», «памяти предков», «любви и уважении к Отечеству», «вере в добро и справедливость», «благополучии и процветании России», «ответственности за свою Родину». Таким образом, преамбула Конституции РФ содержит философские, нравственные и правовые ценности. К сожалению, эти идеологические установки не нашли дальнейшего развития в тексте конституции. Идеологический характер имеет закрепление в конституции принципов демократического, правового, социального государства, принципа разделения властей, в противоречие с которым вступают многие нормы Основного закона.

---

[1] Кравец И.А. Указ. соч. - С. 183 - 184.

[2] Конституция Российской Федерации. Принята на референдуме 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 25 декабря.

Конституция РФ в главе первой (ч.5 ст.13) также закрепляет содержательные ограничения идеологического многообразия: «запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни». В ч. 2 ст. 29 Конституции РФ отмечается, что «не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства».

Кроме того, в связи с принятием Федерального закона от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» в научный оборот было введено понятие «идеологии экстремизма» (экстремистской деятельности). Понятие экстремистской деятельности очень объемное и охватывает разнообразные формы его проявления: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте "е" части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстре-

мистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения и др.[1]

Все эти действия, несомненно, базируются на определенной системе взглядов. Экстремистская деятельность влечет конституционную, уголовную, административную и дисциплинарную ответственность, в том числе поражение в избирательных правах.

Ряд аспектов, связанных с политической идеологией в России, регулирует Федеральный закон от 11.07.2001 «О политических партиях». Согласно ст. 9 данного закона «запрещаются создание и деятельность политических партий, цели или действия которых направлены на осуществление экстремистской деятельности», «включение в уставы и программы политических партий положений о защите идей социальной справедливости, равно как и деятельность политических партий, направленная на защиту социальной справедливости, не может рассматриваться как разжигание социальной розни». Со дня создания политическая партия вправе осуществлять информационно-пропагандистскую деятельность исходя из целей формирования общественного мнения, политического образования и воспитания граждан. Обязательным документом для каждой партии является программа, определяющая принципы деятельности политической партии, ее цели и задачи, а также методы реализации целей и решения задач.[2] Несомненно, программа партии должна отражать партийную идеологию, без которой ее деятельность на политической арене невозможна.

Однако в конституционном праве нет устоявшегося мнения о необходимости специального конституционного закрепления принципа идеологического многообразия. С помощью этого принципа, по мнению его критиков, российскому обществу навязывается «западная модель массовой культуры», созданы барьеры на пути конституционного закрепления на общегосударственном уровне общенациональной идеи или государственной идеологии.[3] Деидеологизация общественной жизни приводит к кризису общенациональных ценностей. Наличие четко сформулированной на научной основе государственной идеологии необходимо для обеспечения стабильности правовой системы, единообразной логики правотворчества, правоприменения и толкования права.[4]

---

[1] Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. от 29.04.2008) "О противодействии экстремистской деятельности" // СЗ РФ. - 29.07.2002. - №30. - Ст. 3031.

[2] Федеральный закон от 11.07.2001 N 95-ФЗ "О политических партиях" // СЗ РФ. - 16.07.2001. - № 29. - Ст. 2950.

[3] Лучин В.О. Конституционные нормы и правоотношения. - М., 1997. - С. 36 – 37.

[4] Куничкина Н.С. Идеологическое многообразие и запрет на государственную (обязательную) идеологию в нормах Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. - 2008. - № 14. -С. 21.

Деидеологизация как особый вид идеологии была тем инструментом, с помощью которого реформаторы начала 1990-х гг. стремились вытеснить из общественного сознания коммунистическую идеологию. Н.А. Боброва отмечает, что « деидеологизированное государство – такой же абсурд, как и деидеологизированная политика. Главный вопрос политики – вопрос о государственной власти, ее формировании, функционировании, взаимодействии с обществом. Государство без идеологии – все равно, что человек без мыслей».[1] Конституция, являясь главным источником национальной правовой системы, ее ядром, должна аккумулировать господствующие в данном обществе социальные, правовые, экономические и культурные и идеи, определять основные цели и задачи его развития.

Государственная идеология является необходимым атрибутом всякого государства. Известный правовед и философ русского зарубежья И.А. Ильин (1883 – 1954) использовал такую категорию, как «государственное правосознание». Он отмечал, что «государство унизительно, эфемерно и мертво без государственного образа мыслей». Оно должно иметь четкие политические цели, реализуемые посредством государственной власти и должно стремиться сделать их достоянием своих граждан. Государство предполагает, кроме всего прочего, и духовное единство людей, порождающее их гражданскую активность, патриотизм. Вне этого государству неизбежно предстоит разложение.[2]

Как отмечает И.В. Теляшин, идеология в государстве должна служить средством объединения всех социальных групп для решения общественно значимых, необходимых задач. "Она должна быть понятна всем слоям населения, учитывать менталитет народа, его национальные привычки, обычаи, характер отношения нации к правовым нововведениям, а также характерный приоритет коллективного, общественного интереса над личным...".[3]

Подводя итоговые выводы можно заметить, что запрет на официальную идеологию не означает возможности доминирования в общественной или политической практике какой-либо идеологии. Конституцию РФ нельзя считать полностью деидеологизированным документом, и при создании любой конституции нельзя обойти вопросы идеологии. Все исследователи согласны с тем, что Конституция РФ имеет мощный идеологический потенциал и направлена на формирование свободной личности в духе идей гуманизма, уважения к закону, толерантности. В Конституции РФ, других нормативных

---

[1] Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России. - М., 2003. - С. 113.

[2] Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. - М., 2006. - С. 316 – 321.

[3] Тепляшин И.В. Становление российской правовой государственности и правовая активность граждан // Журнал российского права. - 2002. - N 1. - С. 34.

источниках, правоприменительных актах и актах толкования права всегда очевидно наличие идеологических установок, пропагандируемых государством. Особенно идеологические установки сказываются при толковании правовых норм, формулировании принципов правового регулирования, как в конституционном праве, так и в других отраслях российского права. Запрет на официальную государственную идеологию, идеологический плюрализм, являются важнейшей гарантией от возврата к тоталитаризму, когда идеология становится для политического режима «универсальным средством всеобщего осчастливливания».[1]

Кокорин Сергей Николаевич
Курганский пограничный институт ФСБ России

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ САНКЦИЯХ

Ответственность за нарушение норм конституционного (государственного) права достаточно интенсивно исследуется в отечественной правовой науке с 70-х годов XX века. Вместе с тем, сегодня еще нельзя признать достаточной полноту разработанности этого сложного правового явления. Ученые не пришли к единому «знаменателю» по многим вопросам данного вида юридической ответственности, к числу которых относится вопрос о конституционно-правовых санкциях.

В юридической литературе имеются различные подходы к определению конституционно-правовых санкций. Так, по мнению М.П. Авдеенковой конституционно-правовые санкции есть предусмотренные федеральным законом меры государственного принуждения, влекущие наступление неблагоприятных последствий морального и материального характера для правонарушителя за совершение им конституционно-правового деликта[2]. В.О. Лучин понимает под конституционными санкциями установленные Конституцией Российской Федерации меры государственного принуждения, применяемые в случае конституционного правонарушения и содержащие его итоговую правовую оценку[3]. Н.М. Колосова определяет конституционные санкции как законодательно закрепленные неблагоприятные меры принудительного воздействия по отношению к субъектам права в случае их противоправного поведения (неисполнения конституционных обязанностей или злоупотребления

---

[1] Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. - М., 2004. - С.154 – 160.

[2] Авдеенкова М.П. Конституционно-правовые санкции и конституционно-правовая ответственность // Государство и право. - 2005. - № 7. - С. 85.

[3] Лучин В.О. Теоретические проблемы реализации конституционных норм: Автореф. дис. ... д-ра юр. наук / Московский юридический ин-т. - М., 1993. - С. 68.

конституционным правами)[1]. Очевидно, что, предлагая дефиниции конституционно-правовых санкций, указанные авторы пытались объединить присущие, по их мнению, конституционно-правовым санкциям признаки. Вместе с тем, вряд ли можно согласиться с тем, что: конституционно-правовые санкции могут содержаться только в федеральном законодательстве, поскольку они могут быть закреплены и в региональном законодательстве; в понятие конституционно-правовой санкции не включаются неблагоприятные последствия для правонарушителя, так как трудно разграничить конституционно-правовые санкции и иные меры принуждения; конституционно-правовые санкции могут применяться только в случае неисполнения конституционных обязанностей или злоупотребления конституционным правами, так как применяться они могут также и в случаях несоблюдения запретов, установленных в нормах конституционного права, неисполнения или ненадлежащего исполнения субъектами конституционных правоотношений предоставленных им полномочий.

Представляется, что понятие конституционно-правовой санкции должно основываться как на общих признаках, присущих санкциям всех видов юридической ответственности, так и на специфических признаках, отражающих их особую конституционно-правовую природу. С учетом имеющихся в теории права подходов, общими признаками санкций всех видов юридической ответственности, которые могут быть использованы также для характеристики конституционно-правовых санкций, следует признать их связь с государственным принуждением, с неблагоприятными последствиями для правонарушителя, с реализацией в случае нарушения нормы права[2]. Полагаем, что учет данных признаков позволяет признать определение конституционно-правовой санкции соответствующим в полной мере ее правовой природе.

Помимо общих признаков, которыми обладают санкции всех видов юридической ответственности, конституционно-правовым санкциям присущи также свои специфические признаки, к числу которых относятся следующие признаки.

Во-первых, конституционно-правовые санкции применяются только за совершенные конституционные деликты.

Во-вторых, конституционно-правовые санкции содержатся только в Конституции России и иных источниках конституционного права, что обусловлено их отраслевой принадлежностью. В то же время сам факт закрепле-

---

[1] Колосова Н.М. К вопросу о конституционных санкциях // Журнал российского права. - 2009. - № 3. - С. 13.

[2] Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. Очерк теории. - М.: Юрид. лит., 1976. - С. 130; Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. Теоретические проблемы. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. - С. 89.

ния санкции в том или ином источнике конституционного права не позволяет ее однозначно относить к конституционно-правовым санкциям. Критериями отнесения санкции к конституционно-правовой является наличие у нее характерных признаков, вытекающих из юридической природы конституционно-правовой ответственности. Например, ч. 2 ст. 20 Конституции России предусматривает, что «смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей»[1].

Очевидно, что смертная казнь относится к уголовным санкциям, несмотря на ее закрепление в Конституции России.

В-третьих, особенностью конституционно-правовых санкций следует признать возможность их применения не только широким кругом субъектов (глава государства, органы законодательной, исполнительной и судебной власти, квалификационные коллегии судей и др.), но достаточно специфичными субъектами. Уникальными в этом смысле являются граждане-избиратели, которые вправе отозвать какое-либо выборное должностное лицо. Справедливо отмечено В.В. Комаровой о том, что право отзыва является не только одним из средств контроля избирателей за осуществлением выборными должностными лицами возложенных на них полномочий, но и формой ответственности этих субъектов перед избирателями[2]. Возможность отзыва депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов России сегодня закреплена во многих регионах страны[3].

В-четвертых, конституционно-правовым санкциям присуще большое видовое разнообразие. К числу конституционно-правовых санкций относятся: отрешение от должности главы государства, досрочное прекращение полномочий высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, роспуск законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, отмена регистрации кандидата на должность Президента России, отзыв депутата органа местного самоуправления, роспуск органа местного самоуправления, отмена регистрации кандидата в депутаты, расформирование избирательной комиссии, ликвидация общественного объе-

---

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года): по состоянию на 21.01.2009 г. // Российская газета. - 2009. - 21 января.

[2] Комарова В.В. Механизм непосредственной демократии современной России (система и процедуры). - М.: Формула права, 2006. - С. 239.

[3] Кодекс Алтайского края о выборах, референдуме, отзыве депутатов от 6 июля 2003 г. № 35-ЗС: по состоянию на 02.07.2008 г. // Сборник законодательства Алтайского края. 2003. № 87. Ч. 1. Ст. 31; Алтайская правда. 2008. 12 июля ; Об отзыве депутата Тюменской областной Думы : закон Тюменской области от 23 апреля 2001 г. № 331 состоянию на 05.07.2001 г. // Вестник Тюменской областной Думы. Часть 1. 2001. № 5; Тюменские известия. - 2001. - 11 июля.

динения, досрочное прекращение полномочий депутата Государственной Думы, досрочное прекращение полномочий члена Совета Федерации, лишение статуса беженца, лишение слова депутата Государственной Думы, прекращение полномочий судьи и др.

В-пятых, конституционно-правовые санкции не могут использоваться в качестве мер иных видов юридической ответственности (административной, гражданско-правовой, уголовной и дисциплинарной). Например, штраф, может налагаться как за совершение административного правонарушения, так и в случае совершения преступления.

В-шестых, неблагоприятные последствия, испытываемые субъектами конституционных деликтов в результате применения к ним конституционно-правовых санкций, носят преимущественно организационный характер. Они направлены главным образом на изменение конституционно-правового статуса субъекта конституционного деликта.

И, наконец, в-седьмых, для конституционно-правовых санкций присущ достаточно разнообразный спектр юридических процедур применения. Так, процедура отрешения главы государства от занимаемой должности существенным образом отличается, например, от процедуры роспуска законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации или прекращения полномочий судьи.

С учетом изложенного, конституционно-правовую санкцию можно определить как предусмотренную нормами конституционного права меру принуждения, применяемую к субъекту конституционного деликта и влекущую для него неблагоприятные последствия.

Важно отметить, что основанием для отнесения той или иной меры принуждения к конституционно-правовым санкциям является наличие всех характерных для данного вида санкций признаков. В этой связи возникают многочисленные научные споры по поводу признания отдельных мер принуждения конституционно-правовыми санкциями. Так, в частности, отдельные авторы рассматривают признание неконституционным правового акта в качестве конституционно-правовой санкции[1], а другие исключают указанную меру из перечня рассматриваемых санкций[2].

Для разрешения обозначенной проблемы следует обратиться к разновидностям государственного принуждения, среди которых выделяют меры предупреждения, меры пресечения, меры защиты и меры юридической от-

---

[1] Кондрашев А.А. Конституционно-правовая ответственность в Российской Федерации: теория и практика. - М.: Юристъ, 2006. - С. 70.

[2] Авдеенкова М.П. Конституционно-правовая ответственность в России: проблемы становления и реализации: Дисс. … канд. юр. наук / Московский гуманитарный университет. - М., 2003. - С. 80-81.

ветственности. Меры предупреждения не связаны с совершением правонарушений и направлены на их предотвращение. Меры пресечения применяются в целях прекращения противоправных деяний и предотвращения их вредных последствий. Понятие меры защиты впервые было введено в научный оборот С.С. Алексеевым[1], который указал на необходимость разграничения мер юридической ответственности и мер защиты и подчеркнул, что «цель мер защиты - принудить обязанное лицо выполнить обязанности, налагаемые на него законом или договором... Применение же мер юридической ответственности налагает на правонарушителя новую, специальную, императивную обязанность претерпевать лишения, испытывать правоограничения»[2]. Сущность мер защиты заключается в том, что субъект принуждается к исполнению лежащей на нем обязанности, которую он должен был исполнить, но не исполнил, при этом дополнительных лишений (помимо исполнения лежащей ранее обязанности) субъект не испытывает. Сущность мер юридической ответственности состоит в том, что субъект принуждается к исполнению новой обязанности, не существовавшей у него ранее до совершения правонарушения. С учетом изложенного, следует поддержать тех авторов, которые не рассматривают признание неконституционным правового акта в качестве конституционно-правовой санкции. Данная мера не обладает всеми необходимыми для конституционно-правовой санкции признаками. Действительно, эта мера закреплена в конституционном законодательстве, применяется за нарушение норм конституционного права, связана с государственным принуждением, которое реализуется через деятельность уполномоченного органа государственной власти – Конституционного Суда Российской Федерации. Однако признание неконституционным правового акта влечет утрату его юридической силы, а орган власти или должностное лицо, принявшие такой акт, не претерпевают неблагоприятных последствий, связанных с возложением на них новой дополнительной обязанности. Признание неконституционным правового акта направлено на исполнение ранее имевшейся обязанности по принятию правового акта соответствующего Конституции России[3].

По причине отсутствия необходимых для конституционно-правовых санкций признаков также трудно согласиться с авторами, относящими к рассматриваемым санкциям предупреждение, выносимое органу государствен-

---

[1] Алексеев С.С. Общая теория социалистического права: Курс лекций: Учебное пособие: В 4-х вып. Вып. 2: Нормы права и правоотношения. Юр. институт. - Свердловск, 1964. - С. 57.

[2] Проблемы теории государства и права: Учебник / под ред. С.С. Алексеева. - М.: Юрид. лит., 1987. - С. 316.

[3] О Конституционном Суде Российской Федерации : федер. конституц. закон от 25 июля 1994 г. № 1-ФКЗ: по состоянию на 28.12.2010 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 13. - Ст. 1447; Российская газета. - 2010. - 30 декабря.

ной власти субъекта Российской Федерации[1]. Вынесение предупреждения не связано с возложением на указанный орган новой дополнительной юридической обязанности, то есть не предполагает для него неблагоприятных последствий, и, следовательно, не может расцениваться как конституционно-правовая санкция. Не случайно Конституционный Суд Российской Федерации определяет предупреждение как профилактическую меру[2], и разграничивает ее и досрочное прекращение полномочий органа власти субъекта Российской Федерации как меру конституционно - правовой ответственности[3].

В заключении отметим, что вопрос о конституционно-правовых санкциях требует дальнейшего научного решения, поскольку это позволит сформировать цельную теорию конституционно-правовой ответственности и эффективно использовать ее в практике принуждения в целях решения поставленных перед современной Россией задач государственного строительства.

Либанова Светлана Эдуардовна
Курганский государственный университет

ВЫСШАЯ КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ И РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ

«Правовое государство – это не только конституционная цель, поставленная в ст. 1 Конституции РФ, но и средство, практически уникальное, единственно эффективное для решения других конституционных задач – задач формирования демократического общества, общества эффективной рыночной экономики, общества с федеративным устройством государства, общества, в котором главной ценностью конституционно провозглашен человек, его

[1] Авдеенкова М.П. Конституционно-правовая ответственность в России: проблемы становления и реализации. - С. 72.

[2] По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и Совета Республики Государственного Совета - Хасэ Республики Адыгея : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2002 г. № 8-П // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - № 15. - Ст. 1497.

[3] По ходатайству полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе об официальном разъяснении определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия - Алания и Республики Татарстан : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2001 г. № 65-О // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2001. - № 20. - Ст. 2059.

свободы, права, а государство стало субъектом, обязанным реализовать и обеспечить эти высшие ценности».[1]

Сорок восемь статей Конституции РФ, закрепленных во второй главе, определяющих основы правового статуса личности в России, посвящены определению прав и свобод человека и гражданина, принципу их нерушимости и функциональным задачам государственных органов и должностных лиц, призванных обеспечить их защиту. В период финансово-экономического кризиса, военно-политических конфликтов, экологических и техногенных катастроф, значительной поляризации населения по уровню доходов, правового нигилизма, недоверия к судебной власти, игнорирования выборов органов представительной власти, криминализации гражданского законодательства и многих других процессов, несущих новые угрозы и риски для развития человека, общества и государства, требуется концепция конституционно - правового механизма обеспечения прав и свобод человека (далее КМО), позволяющего эффективно реализовать не только существующие меры правового регулирования и обеспечения законности институциональными системами общества, но и выработать новые. Сконституированый, рассматриваемый как конституционная модель, конституционный идеал существования гармоничных взаимоотношений государства, человека и общества, состоящий из пяти основных элементов КМО (1. объекты защиты – конституционные права и свободы человека и общества; 2. субъекты защиты: государственные органы, государственно-общественные органы, общественные правозащитные объединения и организации, в том числе институт адвокатуры; 2.3. человек; 3. основания защиты – международные нормы по правам человека и закрепленные в источниках отрасли конституционного права; 4. базовые принципы-гарантии Конституции РФ, 5.пути и методы обеспечения), определяется как система правовых способов, методов и средств воздействия на общественные отношения, основанная на базовых принципах-гарантиях Конституции РФ, обеспечивающих соблюдение конституционных прав всеми субъектами государства и общества, объединенными единой кросс-культурной[2] целью в понимании истины - признания высшей ценностью человека, его прав на основе верховенства права в правоприменительной деятельности. Неизбежность обеспечения гарантированных конституционных прав подразумевает эффективную деятельность по их охране, защите, а главное - восстановлению, путем кросс-культурного взаимодействия государственных органов, наделенных властными функциями контроля и институтов гражданского обще-

1 Яковлев В.Ф. Выступление на III сессии Европейско-Азиатского правового конгресса // РЮЖ. - № 4. - 2009. - С. 13

[2] Мацумото Д. Психология и культура. - СПб: Питер, 2002. - С.10

ства, обладающих особыми качествами, позволяющими эффективно реализовать демокурийную функцию[1]. Предлагаемый КМО является моделью опережающего развития, обеспечивающей эффективное реформирование на рубеже веков, предполагающее изменения право- и политико-институционального «контура», обеспечивающего высокий уровень легитимации среды, включая сразу три *глобальных объекта обеспечения*: конституционализма в России, прав гражданского общества, конституционных прав каждого человека[2]. Повышенную значимость и актуальность исследование КМО имеет как потенциальная возможность исключения самих нарушений конституционных прав со стороны органов системы публичной власти в силу экономической нецелесообразности и эффективной профессионально-правовой демокурии. *От парадигмы: «нарушенные конституционные права и свободы должны незамедлительно восстанавливаться» следует перейти к парадигме «нарушить конституционные права и свободы невозможно»*. Подробно остановимся на трех концептуальных моментах, обеспечивающих эффективность предлагаемого КМО:

1.предложении новой концептуальной категории «базовые принципы-гарантии Конституции РФ»; 2. обосновании отсутствия как такового общественного контроля и предложении эффективных путей реализации общественного надзора (демокурии); 3. определении института гражданского общества, способного эффективно реализовать конституционные функции обеспечения прав и свобод человека и гражданского общества.

1.Исследование КМО базируется на расширении конституционно-правового смысла существующего терминологического фонда путем введения в него новой категории *«базовые (базальные) принципы-гарантии Конституции РФ»*, отличающейся от ранее предложенных в науке категорий «принципы Конституции РФ», «принцип гарантированного осуществления прав и исполнения обязанностей», «гарантии-принципы». Под базовыми принципами-гарантиями Конституции РФ, закрепленными в ст.ст.2, 3 ч.2 ст.4, ч.2, ч.1 ст.15, 17,18, 32 .нами предлагается понимать гарантированные конституционные принципы, закрепленные в самой Конституции РФ, одновременно в качестве принципов и гарантий. Именно эти принципы и одно-

[1] Прим. автора: функция профессионально-правовой демокурии (от лат.kurij – надзор и democ-народ, народонадзор), обеспечивающая взаимодействие и взаимонадзор институциональных систем государства и гражданского общества.

[2] Прим.автора: Используемый далее термин «конституционные права» подразумевает конституционные права и свободы не только человека (гражданина, личности, индивида), но и права и свободы самого гражданского общества.

временно гарантии их реализации обладают базальной властью[1], являются базовыми, призванными неизбежно обеспечить действие КМО, соответствующими механизмам международно-правовой защиты прав человека. Неэффективность правоприменения конституционных принципов и гарантий, принципов и гарантий самой Конституции РФ[2], позволяет автору аргументировать необходимость введения принципиально новой понятийной категории «базовых принципов-гарантий Конституции РФ» *как организационно-правовых основ интегрирования институциональных систем государства и гражданского общества в сфере обеспечения неизбежности гарантирования конституционных прав*[3], полагая возможным расширение их перечня.

Вопрос о гарантиях в праве давний и небесспорный. Определим гарантии, как правовые средства и способы обеспечения реализации прав и исполнения обязанностей, используемые в деятельности институциональных систем общества в целом, соответствующие конституционным принципам, обусловленные закономерностями политического строя, состоянием экономической и правовой систем. Слово «принцип» заимствовано русским языком в XVII в. из французского и немецкого языков и восходит к латинскому («principium» – начало, основа).[4] Принципы имеют объективный характер, они обусловлены природой и обществом. И.Кант истолковывал принцип субъективно: он различал принципы институциональные (только для эмпирического употребления) и регулятивные (только для практического использования). В качестве высшего принципа всего миропорядка он рассматривал всеобщую этическую норму, призванную направлять волю и поведение каждого индивида как разумного существа (знаменитый нравственный категорический императив)[5].

Полагаем, что к базовым принципам-гарантиям Конституции РФ можно отнести: гарантированность защищенности государством человека как высшей ценности (ст.2,18), народовластие (ст.3, 32), осуществляемое непосредственно народом, через органы власти и местного самоуправления в интересах народа, т.е. каждого человека и развития гражданского общества, при верховенстве Конституции РФ на всей территории России (ч.2ст.4,ст.15). Три основополагающих, институционально-регулятивных

---

[1] См.: базальная власть от греч. Basis-основа. Большой энциклопедический словарь. - М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. - С.91

[2] Прим автора: нами различаются принципы и гарантии непосредственно закрепленные в Конституции РФ от иных.

[3]Прим.автора: Используемый далее термин «конституционные права» подразумевает конституционные права и свободы не только человека (гражданина, личности, индивида), но и права и свободы самого гражданского общества.

[4] Этимологический словарь русского языка. – М., 1994. - С.254.

[5] Кант И. Метафизические элементы учения о добродетели. - СПб.,1809. - С.133

базовых принципа-гарантии Конституции РФ, представляют нравственный категорический императив всего общества.

Объектом КМО являются права и свободы человека и общества, гарантированность которых должна стать неизбежной благодаря действию предлагаемого нами КМО. *Следовательно, гарантии обеспечения этих прав наитеснейшим образом должны сочетаться с принципами обеспечения прав человека на всех законодательных и правоприменительных уровнях:* (международное законодательство, конституционное, отраслевое, корпоративное; межгосударственные отношения, внутригосударственные, корпоративные). Субъектами конституционного гарантирования обеспечения прав, прямо закрепленными в Конституции РФ являются органы местного самоуправления (ст. 12)[1]; человек (ст. 17, 28, 29, 44, 46, 48); гражданин (особые гарантии от связи с государством ст. 19, 35, 37, 61 и государство - ст. 17, 28, 29, 44, 46, 48). Реализуя ст.2 Конституции РФ в жизнь, субъекты предлагаемого механизма, взаимодействуя, реально способны охранять, защищать, а главное, эффективно восстанавливать конституционные права, создавая условия неизбежности восстановления и *невозможности нарушения их в будущем из-за экономической нецелесообразности, нравственной непрестижности и неизбежности экономического, административного и уголовного наказания.* Акцент делается на взаимонадзор и даже взаимоконтроль субъектов КМО.

2.Для этого требуется решить проблему с отсутствием единого мнения в юридическом сообществе относительно понятий «контроля и надзора за обеспечением конституционных прав и свобод человека» и непосредственно «контроля и надзора». Значительная часть ученых-юристов считает указанные понятия тождественными[2], с чем не представляется возможным согласиться, основываясь на различном результате реализации полномочий субъектов. Полномочия и методы деятельности контролирующих и надзирающих органов различны независимо от сферы применения. В основу разделения

---

[1] Прим. автора: Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти (ст. 12 Конституции), они зависят от государственной власти, но самостоятельны в пределах полномочий, которыми она (власть) их наделила. Далее в исследовании исходим из того, что подчиненный вид публичной власти – муниципальная власть является продолжением на местах главенствующего в стране вида публичной власти – государственной власти

[2] См.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть /Ответственный ред. Б.А. Страшун. М.: БЕК, 1996. - С. 72; Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран. - М.: Юрист, 1997. - С. 43 – 48. Еременко Ю.П. Контроль за конституционностью законов в СССР // Труды Высшей следственной школы МВД СССР. - Волгоград, 1969. - Вып.1. - С.107; Коток В.Ф. Конституционная законность, конституционный надзор и контроль в СССР // Вопросы советского государственного (конституционного) права. Труды. Т. 82. Вып. 2. Ч. 2. - Иркутск, 1972; Шульженко Ю.Л. Правовая охрана Конституции. - М, 1991. - С. 6; Насырова Т.Я. Конституционный контроль. - Казань: Изд-во Казанского университета, 1992. - С. 16; Златопольский Д.Л. Контроль за соблюдением конституции и конституционный суд в странах Восточной Европы // Вестник Московского университета. - Сер. 11. Право. 1998. - № 2. - С. 39.

положен результат реализации полномочий: для контрольных - окончательность и обязательность указаний, обеспеченная силой государств; для надзорных – предварительность и рекомендательность, требующая для реализации наличия властных полномочий. Необходимо разграничивать понятие *«общественного надзора за обеспечением конституционных прав человека органами системы публичной власти»* с часто встречающимся в научной литературе термином *«общественный контроль»*, т.к. субъектами общественного контроля и надзора, являются правозащитные институты гражданского общества, не наделенные властными полномочиями. Институты общества, способные реализовать демокурийную функцию призваны обеспечить реализацию самих конституционных прав в правоприменительной деятельности всех чиновников в интересах человека, а не власти. Сравнение результатов их деятельности с конституционным контролем и надзором обосновано единой сферой применения. *Следовательно, общественного контроля за обеспечением реализации конституционных прав, исходя из результата деятельности, не существует, т.к. у институтов гражданского общества отсутствуют властные полномочия, а власти, основанной на знании права, при его нарушении не достаточно для восстановления самого права.* Конституционно-правовая природа общественного надзора проявляется в том, что при его осуществлении используются нормы права для разрешения конкретных юридических ситуаций в соответствии с конституционными правами, поэтому эффективный общественный надзор может быть осуществлен только знатоками права.

3. Важным элементом, обеспечивающим эффективную деятельности КМО может быть институциональная триедино-статусная российская адвокатура, *выполняющая конституционные функции* по защите прав и свобод неограниченного круга лиц: *демокурийную, просветительную, воспитательную, медиационную, интернатуры*. Она как конституционный институт, способна реализовать демокурйиную функцию за обеспечением повсеместной реализации базовых принципов-гарантий Конституции РФ органами всех ветвей власти, а не только судебной, одновременно являясь школой обязательной юридической интернатуры, прививающей практические навыки на базе полученной в процессе обучения теории, началом юридической карьеры не только для юристов, но и для госслужащих. Корпорация, основанная на профессионализме членов, требующая от них высокой нравственности, способна стать базой медиационных процедур, снижающей загруженность судов, способствующей досудебному урегулированию всех споров.

Конституционно-правовые основы деятельности адвокатуры и введение регулирования ее статуса в ткань конституционного законодательства явилось основой для признания Конституционным судом выполнения адво-

катурой публично-правовой функции и по содержанию и по целям. Защита прав возложена на адвокатуру, которая является одним из адресов и институтов Конституции, представляя своего рода конституционную ценность, т.к. оказывает всем субъектам права квалифицированную юридическую помощь в обеспечении конституционных ценностей.

Мари Наталья Сергеевна
Югорский государственный университет

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Анализируя современную российскую действительность можно утверждать, что в результате социальной трансформации в России сформировалась модель политической социализации, которая не является характерной для демократического режима. Процессы политической социализации молодежи должны были протекать самостоятельно, под воздействием формирующейся социальной среды, так как система политической социализации, сложившаяся в советский период, была утрачена без какой-либо замены новыми институтами[1]. Причиной этого деструктивного процесса стало устранение государства от целенаправленной политики в сфере политической социализации, что закономерно привело к увеличению политической отчужденности молодежи, негативному отношению к институтам власти, значительному снижению социально-политической активность, а так же росту протестных настроений[2].

Исследователи, занимающиеся данной проблемой, признают за государством ведущую роль в этом процессе, рассматривая государственную политику как фактор относительной социально контролируемой политической социализации, который создает специальные воспитательные организации (в нашем случае высшие учебные заведения) «добиваясь того, чтобы воспитание эффективно формировало человека, соответствующего социальному заказу, определяемым общественным и государственным строем…»[3]. Особая значимость государства определяется максимальным сосредоточением в его руках власти и ресурсов, позволяющих ему влиять на социальные изменения.

Говоря о политической социализации, мы представляем ее как процесс включения индивида в политическую систему общества в результате усвое-

---

[1] Головин Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. - СПб., 2004. - С.5

[2]См., например, данные различных исследовательских центров: http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/ single/12104.html?no_cache=1&cHash=e88fb1597b; http://bd.fom.ru/report/map/d082024

[3] Мудрик А.В. Социализация человека. - М., 2006. - С.92.

ния им определенных знаний, норм, ценностей, вследствие которого формируется активная личность, постоянно участвующая в политической жизни, влияющая на политические процессы, и умеющая отстаивать свои ценностные ориентации и права.

Цель предлагаемой статьи – анализ эффективности государственной политики, направленной на координацию функционирования процесса политическая социализация студентов в условиях высшего учебного заведения. Статья базируется на материалах эмпирического исследования[1], проведенного в сентябре – ноябре 2010 года.

Российское законодательство в сфере формирования процесса политической социализации основывается на тенденциях развития зарубежной практики в области гражданского образования. Ориентиром для начала ее развития послужили программные документы различных международных организаций – ООН, Юнеско, Европейский союз, Международное бюро по образованию и других организаций. Исходя из этого, можно сделать вывод, что именно поэтому все нормативно-правовые акты Российской Федерации содержат формулировки «гражданское воспитание», «гражданско-патриотическое воспитание», «гражданское образование», «гражданская социализация» и пр. При этом, на федеральном уровне нет ни одного официального документа, с формулировкой «политическое». Единственным документом, содержащим данную формулировку, является «Областная целевая программа развития политической и правовой культуры населения Пермской области на 2002–2006 годы», разработанная на региональном уровне.

Тем не менее, анализ официальных документов федерального уровня, содержащих положения, связанные с предметом нашего исследования показал, что на государственном уровне сформирован определенный опыт реализации данного положения, который находит свое выражение в:

1. Нормативно-правовых документах, содержащих цели и задачи гражданского образования не только в сфере образования, но и в сфере государственной молодежной политики[2];

---

[1] Исследование проводилось в Курганском государственном университете, Югорском государственном университете. Выборочная совокупность - 490 человек. Использован метод многоступенчатой выборки (территориальная, кластерная). Методы сбора информации: качественные методы (экспертный опрос с компетентными лицами в сфере организации образовательного процесса; анализ документальных источников); количественные методы (анкетный опрос студентов старших курсов высшего учебного заведения). Данные исследования обработаны с помощью пакета прикладных статистических программ SPSS.14.0. Количество ответов на некоторые вопросы не всегда равно объему выборочной совокупности, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

[2] См., например, Закон Российской Федерации "Об образовании"; Федеральный закон "О высшем и послевузовском профессиональном образовании"; Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 года; “Концепция федеральной целевой программы развития образования на 2006–2010 годы” (N 1340-р от 3.09.05 г.); “Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года”; Концепция долго-

2. Развитие концептуальных подходов гражданского образования и патриотического воспитания[1];

3. Реализации моделей гражданского образования в различных всероссийских конкурсах и акциях[2];

4. Развитие государственных и неправительственных организаций, содействующих реализации гражданского образования, в том числе в системе повышения квалификации работников образования[3];

5. Опыт сотрудничества с международными организациями[4];

Таким образом, необходимо признать, что в России в настоящее время активно разрабатываются нормативно-правовые акты, концепции, программы гражданского образования, в которых перед образованием ставится цель - «воспитание патриотов России, граждан правового, демократического, социального государства, уважающих права и свободы личности и обладающих высокой нравственностью»[5]. Однако, несмотря на некоторые достижения в области государственно-правового регулирования данного процесса, существуют «много нерешенных проблем, которые тормозят развитие гражданского образования, снижают его эффективность. Отмечается недостаточный уровень политической и правовой культуры населения, обеспечения прав человека и основных свобод. Не определены концепция, стандарты, отсутствует единство в отношении ценностных оснований гражданского образования. В стране отсутствует система непрерывного гражданского образования взрослых, не разработаны механизмы реализации деклараций государственной образовательной политики в массовую практику образовательных учреждений и социальных институтов»[6].

срочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (3.3. Развитие образования); Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2016 года.

1 См., например, Государственные программы «Гражданское образование населения РФ на 2006–2010 гг.»; «Гражданское образование населения РФ 2005-2008 г.г.»; Государственные программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» и «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2006–2010 годы».

[2] Всероссийская олимпиада учащихся, Конкурс социальных проектов учащихся «Я – гражданин России», Межрегиональная школа гражданского образования и др.

[3] Межрегиональная ассоциация «За гражданское образование», Академия повышения квалификации и переподготовки работников образования, Российский центр гражданского образования, Российский фонд правовых реформ, Молодёжный центр по правам человека, Фонд Парламентаризма, Общество «Знание», Московская школа прав человека, Институт проблем гражданского общества, Ассоциация демократических школ, Движение общественно активных школ и др.

[4] Европейский союз, Международное бюро по образованию ООН, ЮНЕСКО, Совет Европы, Британский Совет, Сивитас, DEEP, КультурКонтакт, Citizenship Foundation, Matra, SLO и др.

[5] Национальная доктрина образования в Российской Федерации [Электронный ресурс]: http: // www. dvgu.ru /umu/ZakRF/doktrin1.htm.

[6] Болотина Т. Год смотра и год действий. / [Электронный ресурс]: http:// www. ug.ru /issues/ ?action = topic&toid=704.

Проведенный экспертный опрос руководителей высших учебных заведений подтвердил наш вывод об отсутствии целостной политики по развитию процесса политической социализации на федеральном уровне. Эксперты, говоря о государственной политике в области политического образования студентов, называют закон о молодежи, закон о политических партиях, законодательство о выборах. Однако, 66,7% экспертов либо затрудняются назвать какие-либо нормативно-правовые акты, программные положения в этом направлении, либо говорят, что государство не ставит перед собой никаких целей относительно политического просвещения студентов и никаких программных документов в этой области, обязательных для исполнения нет. Эти данные свидетельствуют об отсутствии каких-либо представлений о государственной политике в области развития политического образования на уровне руководителей образовательных учреждений.

Аналогичную картину представляют данные, полученные в результате анкетного опроса студентов. Только 11,8% студентов ответили, что на государственном уровне проводится политика по формированию политических представлений студентов; 0,7% опрошенных полагают, что такая политика проводится на уровне региона и 0,2% города. Основной же массив опрошенных (38%) утверждают, что такая политика проводится только формально. При ответе на вопрос, в чем конкретно она выражается, студенты, ответившие на вопрос, высказывают самые разные предположения, при этом, 83,7% респондентов оставили данный вопрос без ответа (таблица 1).

Таблица 1. Как Вы считаете, в чем выражается государственная политика по формированию политических представлений студентов?

	Студенты, в % от ответивших
Не знаю	25,8
Ни в чем	19,7
Формальные, показные акции	10,6
Организация молодежного правительства, «круглых столов»	9,1
Организация конференций, соответствующих мероприятий	9,1
Встреча с депутатами накануне выборов	7,6
В нежелании что-то делать, в безразличии	6,1
Улучшение жилищных условий, повышение стипендий	4,5
Политические дисциплины в учебном заведении	4,5
Предоставляют материалы, связанные с политической деятельностью	1,5
В создании молодежных политических партий	1,5
Итого	100,0
Нет ответа	83,7

Все вышесказанное свидетельствует о том, что меры, принимаемые на государственном уровне, как правило, не имеют эффективных результатов.

Кроме того, на государственном уровне существуют определенные разногласия в отношении политической социализации, которые проявляются в следующем моменте: с одной стороны, вопросы организации гражданского образования зафиксированы в ряде официальных документов и информационно-методических материалов, направленных на стимулирование деятельности в области политической социализации. С другой стороны, эти документы на местах исполняются формально, что не несет в себе реализации государственной политики в практику образовательных учреждений. Второе противоречие связано с тем, что, с одной стороны, государство видит необходимость привлекать молодежь к участию в разнообразной политической деятельности: от участия молодых людей в международных проектах и управлении общественной жизнью до привлечения молодежи к участию в выборах. С другой стороны, речь идет только лишь об «увеличении числа молодых людей, участвующих в выборах органов власти всех уровней», при этом не рассматриваются пути реализации этого проекта[1]. Это противоречие выражается в неэффективности процесса политической социализации студентов, что находит свое выражение в низком уровне политической культуре молодежи, политической пассивности и, как следствие, нежелание участвовать в политических процессах страны.

Выделяя систему высшего учебного заведения, мы не претендуем на то, что, выявив причины неэффективности государственной политики в данной сфере и усовершенствовав ее, студент станет политически активнее и образованнее. Напротив, здесь необходимо учитывать и совокупность различных факторов, и влияние всех институтов политической социализации на молодежь. Однако, мы считаем, что в современных условиях, контролировать и направлять процесс политической социализации возможно только через государственное регулирование системы образования, которая является наиболее эффективным институтом решения данной проблемы.

[1] Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2016 года.

Неверов Алексей Яковлевич
Курганский пограничный институт ФСБ России

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ НАУЧНОГО И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПОДХОДОВ К ПОНЯТИЮ «НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»

28 декабря 2010 года Президент России подписал Федеральный закон «О безопасности», который пришел на смену Закону Российской Федерации «О безопасности» 1992 года, регулировавшему правоотношения в области безопасности почти восемнадцать лет.

За данный период развития российской государственности был принят целый комплекс нормативных правовых актов, регламентирующих правоотношения в сфере обеспечения безопасности Российской Федерации. Это федеральные законы «О Федеральной службе безопасности», «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», «О безопасности дорожного движения», «О транспортной безопасности», «О безопасности гидротехнических сооружений», «О пожарной безопасности», «О качестве и безопасности пищевых продуктов», «О радиационной безопасности населения» и др.

На уровне подзаконных актов в этот список можно и нужно включить Указы Президента Российской Федерации: «Об утверждении Положений о Совете Безопасности Российской Федерации и аппарате Совета Безопасности Российской Федерации», «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации», «О государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях)», а так же целый комплекс постановлений Правительства Российской Федерации.

При этом важно отметить, что в этот же период была принята Концепция национальной безопасности Российской Федерации, которая, выполнив свою историческую задачу, уступила место Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года[1].

Таким образом, можно констатировать, что за последние годы в Российской Федерации усиленно формировалось правовое поле в такой важнейшей сфере правового регулирования, как обеспечение безопасности. Не осталась в стороне от этого процесса и юридическая наука[2].

---

[1] Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 / Собрание законодательства РФ. - 2009. - № 20, ст. 2444.

[2] Общая теория национальной безопасности: Учебник / Под общ. ред. А.А. Прохожева. - М.: РАГС, 2005; Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / Под ред. А.В. Опалева. - М., 2004.; Правовое обеспечение безопасности Российской Федерации: Научно-

С начала 90-х годов в России осуществлялась активная разработка новой концепции безопасности, которая была призвана интегрировать все современные достижения в этой области, результаты которой были закреплены в Законе Российской Федерации «О безопасности». Заложенное в нем понятие безопасности в дальнейшем явилось основой всех научных исследований.

Однако, как показывают многочисленные исследования, развитие юридической мысли в области проблем обеспечения безопасности современной России оказалось замкнуто в рамках подходов, определенных в законодательстве. Научные исследования в своей основе были сориентированы в направлении, которое было заложено о Законом О безопасности. Детализировались лишь отдельные аспекты ставшей уже «традиционной» теории безопасности[1]. Как справедливо подчеркивает С.С. Карнаухов «закрепление в отечественном праве теории безопасности, основанной на концепции национальных интересов, происходило синхронно с практически полным вымыванием из общественной жизни страны ценностей и их подменой различными идеями и смыслами, в своей основе являвшимися потребностями людей, вызванными новым временем и положением, в котором оказалась основная часть населения России»[2].

Исследования в области обеспечения безопасности проводились буквально во всех социально-гуманитарных науках. За это время было предложено немало концепций, подходов, точек зрения. Они несли с собой изобретательность, системную проработанность, а зачастую и утонченность. Однако по-прежнему в этой области знаний и практической деятельности обнаруживается большое число нерешенных научных и прикладных проблем. Более того, в связи с утверждением Концепции национальной безопасности, в научной среде практически сразу появились мнения о необходимости принятия Федерального закона «О национальной безопасности Российской Федерации».

Не поднимая «больной» вопрос об этимологии понятия «национальная безопасность», рассмотрим вопрос соотношения понятия «безопасность», имеющего нормативное закрепление с научными взглядами на это состояние.

практическое пособие / Под ред. В.Г. Вишнякова. - М., 2005; Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. - М.: Норма,1996; Стахов А. Концепция национальной безопасности России: административно-правовой аспект // Российская юстиция. - 2003. - № 3; Алехнович С.О. Основные направления формирования системы правового обеспечения региональной безопасности Российской Федерации // Законодательство и экономика. - 2002; Вишняков В.Г., Андриченко Л.В. и др. Национальная безопасность Российской Федерации: проблемы укрепления государственно-правовых основ // Журнал российского права. - 2005. - № 2; Мамонов В.В. Понятие и место национальной безопасности в системе конституционного строя России // Журнал российского права. - 2003; Шуберт Т.Э. Национальная безопасность России: конституционно-правовые аспекты: Сравнительно-правовое исследование. - М.: Право и закон, 2001 и др.

[1] Карнаухов С.С. «Интересы или ценности»: основная проблема исследований безопасности как государственно-правового феномена / История государства и права. - 2009. - № 7.

[2] Там же.

Институт безопасности в государстве является комплексным правовым институтом, характеризующим организацию защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. При этом следует отметить, что «безопасность» связана с объектом – ее носителем. В связи с этим различают личную, общественную и государственную безопасность, которые в комплексе составляют такую категорию, как национальная безопасность[1].

Обеспечение безопасности неразрывно связано с деятельностью государства. Только оно может, опираясь на свой аппарат, властные органы, деятельность которых поставлена в жесткие рамки и подкрепляется соответствующими правовыми актами, обеспечить покой граждан, создать благоприятные условия для их жизни и деятельности[2]. Никакие другие социальные силы не смогут выполнить этой задачи.

В Российской Федерации действует единая государственная система обеспечения безопасности для всех ее субъектов на основе единой государственной политики в области обеспечения безопасности, что достигается системным использованием экономических, политических, организационных и иных мер, адекватных угрозам жизненно важным интересам личности, общества и государства.

Исследование законодательства в области обеспечения безопасности с неизбежностью вовлекает в орбиту сравнительно-правового анализа и иные, тесно связанные с ним правовые явления. Это основные концепции и научные понятия, терминология и источники права, правовые институты и законодательная техника, правоприменение и судебная практика. В юридической прессе все чаще рассматривается точка зрения о необходимости четкого закрепления в специальном федеральном законе механизмов обеспечения национальной безопасности, которая является не только важнейшей гарантией незыблемости конституционного строя, но и его составляющей. По мнению современных исследователей, «с учетом возросшей в настоящее время роли национальной безопасности для укрепления российской государственности, создания предпосылок для построения гражданского общества, защиты прав личности, возможно, было бы усилить законодательную базу данного института»[3].

Изучение позиций ученых относительно понятия «безопасность» позволяет сформулировать ее определение. Безопасность – это состояние за-

---

[1] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.

[2] Правовое обеспечение безопасности Российской Федерации / под ред. В.Г. Вишнякова. - М., 2005. - С. 24.

[3] Чеканов В.Е. Некоторые проблемы законодательного обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в современных условиях // ФСБ России. Правовое регулирование деятельности федеральной службы безопасности по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации: научно-практический комментарий / под ред. В.Н. Ушакова, И.Л. Трунова. - М., 2006. - С. 218.

щищенности человеческих потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства, от внутренних и внешних угроз. Необходимо согласиться с точкой зрения ученых, считающих, что общее понятие безопасности следует рассматривать как защищенность всего материального мира и человеческого общества от негативных воздействий различного характера, т.е. объектами безопасности являются природа и общество[1].

Законодательно понятие «безопасность» в нашей стране было закреплено в 1992 г. Законом Российской Федерации «О безопасности», а понятие «национальная безопасность» стало употребляться с 1993 г. как «категория политической науки, которая характеризует состояние социальных институтов, обеспечивающее их эффективную деятельность по поддержанию оптимальных условий существования и развития личности и общества»[2]. В 1996 г. в Послании Президента России национальная безопасность определена как «состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее прогрессивное развитие личности, общества и государства[3]».

Для российской науки проблема национальной безопасности была представлена в 2002 г. в Основах политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу как «поддержание необходимого уровня обороны и безопасности личности, общества и государства»[4]. В Концепции национальной безопасности Российской Федерации она была определена как «безопасность... многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации»[5].

На сегодняшний день основополагающим, концептуальным нормативным правовым актом, определяющим основные принципы и содержание деятельности по обеспечению всех видов безопасности является Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 года, принятый на смену одноименному Закону Российской Федерации «О безопасности»[6].

---

[1] Возжеников А.В., Прохожев А.А. Безопасность России: современное понимание, обеспечение. - М., 1998. - С. 9; Общая теория национальной безопасности: Учебник / Под общ. ред. А.А. Прохожева. - М.:РАГС, 2005. - С. 21- 23.

[2] Политология: Энциклопедический словарь. - М., 1993. - С. 197.

[3] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию «О национальной безопасности». - М., 1996. - С. 3 - 4.

[4] Кузнецов В.Н. Российская идеология XXI в.: опыт социологического исследования формирования российской идеологии. - М.: ИСПИ РАН, 2004. - С. 10.

[5] Концепция национальной безопасности Российской Федерации. - М., 2000.

[6] О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 №390-ФЗ//Собрание законодательства РФ. - 2011. - № 1. - Ст. 2.

Закрепляя полномочия Президента Российской Федерации в области обеспечения безопасности Закон (ст. 8) устанавливает, что глава государства, в том числе и «утверждает стратегию национальной безопасности Российской Федерации». Таким образом, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, как «официально признанная система стратегических приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики, определяющих состояние национальной безопасности и уровень устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу», является на сегодняшний день и законодательно закрепленным «базовым документом по планированию развития системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации»[1].

В научной литературе высказываются различные мнения о допустимости в условиях России понимания безопасности как «национальной». В преамбуле Конституции Российской Федерации говорится: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации…». По мнению В.А. Кикотя, здесь «речь идет о совокупности всех граждан, всех этносов («наций») и всех народов субъектов России и других этнических и территориальных общностей»[2]. В свою очередь Л.С. Мамут считает, что «слова «многонациональный народ» означают, во-первых, совокупность граждан России, во-вторых, всех населяющих Российскую Федерацию народов (этносов), других этнических общностей»[3].

А.В. Опалев выделяет в определении национальной безопасности сразу два аспекта. По его мнению, во-первых, еще при подготовке Концепции национальной безопасности «разработчики сделали попытку связать национальную безопасность с национальными отношениями («многонациональный народ»), а с другой – фактически придать категории «национальная безопасность» вненациональный характер». Во-вторых, по мнению ученого, «указание на народ как на носителя суверенитета и единственного источника власти однозначно связывает национальную безопасность с государством как политическим институтом»[4].

Академик В.Е. Чеканов, анализируя многочисленные подходы к исследуемому явлению, предлагает следующее определение «национальной безопасности Российской Федерации (безопасности нации)»: «Это состояние за-

---

[1] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.

[2] Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Ю.В. Кудрявцева. - М., 1996. - С.13.

[3] Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий / под ред. Б.Н. Топорнина. - М., 1997. - С. 89.

[4] Опалев А.В. О некоторых правовых категориях Закона Российской Федерации «О безопасности» и Концепции национальной безопасности Российской Федерации// ФСБ России. Правовое регулирование деятельности федеральной службы безопасности по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации: науч.-практ. комментарий / под ред. В.Н. Ушакова, И.Л. Трунова. - М., 2006. - С. 206.

щищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, достигаемое совокупностью действий органов государственной власти, местного самоуправления, общественных организаций и человека на основе нормативных правовых актов в целях обеспечения суверенитета и территориальной целостности государства, его устойчивого и поступательного развития»[1].

Стратегия национальной безопасности, утвержденная Указом Президента Российской Федерации 12 мая 2009 года, как бы подводя черту под научными спорами и соблюдая преемственность предыдущего нормативного закрепления понятия «безопасность», устанавливает, что «национальная безопасность – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства»[2].

С учетом исторических и культурных традиций России, а также того, что она является федеративным государством, в котором многие субъекты образованы по национально-государственному (республики) и национально-территориальному (автономная область, автономные округа) принципам, можно говорить о безопасности не как о категории национальной, а федеральной. Следовательно возможно также использовать термин «безопасность Российской Федерации».

Данные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что вопросы правового регулирования обеспечения национальной безопасности Российской Федерации до настоящего времени остаются первостепенными для нашего государства. При этом юридическая наука в свою очередь должна сказать свое веское слово в формировании как общей теории национальной безопасности, в том числе и понятийного аппарата, так и при разработке нормативной базы в данной сфере правового регулирования.

---

[1] Чеканов В.Е. Некоторые проблемы законодательного обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в современных условиях // ФСБ России. Правовое регулирование деятельности федеральной службы безопасности по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации: науч.-практ. комментарий / под ред. В.Н. Ушакова, И.Л. Трунова. - М., 2006. - С. 213.

[2] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.

Федотов Игорь Анатольевич
Курганский государственный университет

СОЦИАЛЬНЫЕ НАЛОГОВЫЕ ВЫЧЕТЫ КАК ЭЛЕМЕНТ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ

Социальные налоговые вычеты относятся к элементам налоговой политики которая направлена на реализацию социальной программы государства. Простыми словами социальные налоговые вычеты - это законная возможность немного снизить налоговые отчисления.

В соответствии со статьей 219 Налогового Кодекса Российской Федерации предусмотрены четыре вида социальных вычетов: в виде сумм, потраченных на благотворительность, обучение, лечение и уплаченных в качестве взносов по договорам негосударственного пенсионного обеспечения и уплаченных самим налогоплательщиком страховых взносов на накопительную часть трудовой пенсии.

Все виды социальных вычетов предоставляются в размере фактически произведенных и документально подтвержденных расходов.

Если оплата обучения (лечения, взносы в Пенсионный фонд РФ и т.д.) осуществлялась не налогоплательщиком, а, например, работодателем, то поставить перечисленные суммы к вычету можно только в том случае, если налогоплательщик возместит уплаченные суммы своему работодателю. В противном случае вычеты не применяются.

К "вычитаемым" из налогооблагаемого дохода суммам относятся средства, перечисленные на благотворительные цели организациям науки, культуры, образования, здравоохранения и соцобеспечения, частично или полностью финансируемым бюджетом, на физическое воспитание и содержание спортивных команд в образовательных и дошкольных учреждениях, физкультурно-спортивным организациям. В зачет пойдут также суммы пожертвований религиозным организациям на осуществление ими уставной деятельности. Норматив вычета - 25% от полученного в течение года дохода.

Для того чтобы реализовать свое право на вычет за благотворительность, к налоговой декларации, подаваемой в налоговую инспекцию, необходимо приложить справку из учреждения, которому были перечислены средства, копию платежного документа (банковскую квитанцию, квитанцию к приходному кассовому ордеру и т.п.) и заявление о предоставлении вычета.

У учебного вычета два "подвида" - в размере средств, потраченных на собственное образование и на образование детей до 24 лет. Раньше максимальный размер вычета в обоих случаях был одинаковым: до 1 января 2007 г.

- 38 тыс. руб., в 2007 г. - 50 тыс. руб. 2010 году вычет остался на прежнем уровне (50 тыс. руб.).

Вычет можно получить только в том случае, если образовательное учреждение, с которым заключен договор, имеет соответствующую лицензию или иной документ, подтверждающий статус учебного заведения (на случай зарубежного образования).

Во-вторых, подтвердить сумму расходов на образование можно только при наличии платежных документов.

В-третьих, налоговый вычет предоставляется за весь период обучения, включая академический отпуск.

В-четвертых, неиспользованные суммы вычета не переносятся на следующие налоговые периоды. Уменьшить облагаемый доход можно лишь за период, в котором перечислялись деньги.

Воспользоваться им могут родители ребенка, обучающегося по очной форме обучения, до достижения им 24-летнего возраста. Вычет предоставляется тому родителю, который указан в платежном документе.

Однако часто бывает так, что один из родителей зарабатывает деньги, а неработающий родитель указан в квитанции. Чтобы избежать проблем с налоговым органом, лучше чтобы в платежных документах было указано лицо, претендующее на вычет.

Что касается курсов подготовки, то оплата за них включаться в сумму вычета не может, так как учеба проходит по заочной форме. А одним из условий предоставления вычета является очная форма обучения.

«Лечебный» вычет предоставляется, если налогоплательщик в течение года оплачивал собственное лечение или лечение своих близких (детей до 18 лет, супруга(и), родителей). Из чего "складываются" затраты на лечение? Во-первых, из сумм, уплаченных за услуги медучреждений РФ (в соответствии с Перечнем медицинских услуг, утверждаемым Правительством РФ). Во-вторых, из стоимости медикаментов, выписанных лечащим врачом и приобретенных налогоплательщиком за счет собственных средств (если они включены в Перечень лекарственных средств, утвержденный Правительством РФ). И, в-третьих, из суммы страховки, перечисленной налогоплательщиком по договору добровольного личного страхования, предусматривающему исключительно оплату услуг по лечению (эти расходы учитываются с 1 января 2007 г.). Однако, затраты на медицинские услуги и лекарства можно включить в сумму вычета, только если эти услуги и препараты включены в Перечни медицинских услуг, лекарственных средств и дорогостоящих видов лечения, стоимость которых учитывается при предоставлении вычета, утвержденный Постановлением Правительства РФ от 19 марта 2001 г. N 201.

Понятно, что медицинское учреждение, взимающее плату за свои услуги, должно иметь соответствующую лицензию. А расходы на лечение должны быть документально подтверждены. Поэтому тем, кто планирует воспользоваться этим вычетом, нужно знать следующее. Обычного рецепта и кассового чека недостаточно, чтобы налоговые органы разрешили применить вычет. Минздрав и МНС издали совместный Приказ от 25 июля 2001 г. N 289/БГ-3-04/256, которым утвердили форму справки об оплате медицинских услуг и рецептурный бланк учетной формы N 107-1/у для представления в налоговые органы, а также порядок выписки лекарственных средств, стоимость которых учитывается при определении суммы социального налогового вычета. Эту справку или рецептурный бланк (или и то и другое) необходимо приложить к остальным документам (договор на медобслуживание, платежные документы...) при подаче декларации.

Эту сумму тоже, безусловно, можно исключить из налогооблагаемого дохода. Но здесь есть одно "но"! Заявить такой вычет можно только после получения "полного комплекта" услуг, то есть через год, когда закончится действие договора. Именно тогда медучреждение имеет право оформить вам специальную справку об оказании медицинских услуг, которую вы приложите к декларации. Причем декларация эта должна быть за год, в котором вы оплачивали данный договор.

Например, в июле 2008 г. вы заключили и оплатили договор с медучреждением на год, то есть до июля 2009 г. Когда договор закончится, попросите оформить справку и подавайте декларацию за 2008 г., в которой и заявите социальный вычет в связи с лечением. Ждать декларационную кампанию 2009 г. не нужно. Декларацию с целью получить вычет можно подавать в любое время.

"Пенсионный негосударственный" вычет, позволяющий уменьшить налогооблагаемый доход тех налогоплательщиков, которые перечисляют пенсионные взносы по договорам негосударственного пенсионного обеспечения (или добровольного пенсионного страхования), заключенным с негосударственным пенсионным фондом (или со страховой организацией) в свою пользу и (или) в пользу супруга (в том числе в пользу вдовы, вдовца), родителей (в том числе усыновителей), детей-инвалидов (в том числе усыновленных, находящихся под опекой (попечительством)).

Указанный вычет дается при представлении налогоплательщиком документов, подтверждающих его фактические расходы по негосударственному пенсионному обеспечению и (или) добровольному пенсионному страхованию. Такими документами, в частности, являются договор, по которому перечисляются средства, платежные документы, выписка о состоянии пенси-

онного счета вкладчика/участника НПФ за истекший налоговый период, заверенная печатью и подписью НПФ, а также документы, подтверждающие родство с лицами, в пользу которых заключен договор, копия лицензии негосударственного пенсионного фонда (страховой организации). Если в договоре есть реквизиты лицензии, то копию предоставлять не нужно.

Величина вычета определяется фактическими расходами на уплату взносов, но не может превышать максимального размера в 100 000 руб. (с нового года - 120 000 руб.).

«Пенсионный накопительный" вычет предоставляется тем налогоплательщикам, которые в течение года самостоятельно (или через налогового агента) в соответствии с Федеральным законом от 30 апреля 2008 г. N 56-ФЗ "О дополнительных страховых взносах на накопительную часть трудовой пенсии и государственной поддержке формирования пенсионных накоплений" будут перечислять дополнительные страховые взносы на накопительную часть трудовой пенсии.

Указанный социальный налоговый вычет будет предоставляется при предъявлении документов, подтверждающих фактические расходы по уплате дополнительных страховых взносов. Такими документами могут быть платежные документы (например, квитанции) или справки налогового агента об уплаченных им суммах дополнительных страховых взносов на накопительную часть трудовой пенсии, удержанных и перечисленных налоговым агентом по поручению налогоплательщика. Форму справки должна утвердить налоговая служба России, согласовав ее с Минфином России.

Норматив данного вычета, так же как и предыдущих, - 120 тыс. руб.

В завершении хотелось бы отметить, что в настоящий период времени социальные налоговые вычеты, к сожалению, не выполняют в полной мере свои функции. Они являются лишь одним из способов стимулирования тех направлений экономического развития, которые необходимы государству.

Повышение благосостояния населения - важнейшая задача государства, стоящая на пути решения социальной и демографической проблемы.

Федотова Юлия Григорьевна
Курганский государственный университет

ПАРЛАМЕНТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ КАК ОБЩЕПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ

Ученые сходятся во мнении о том, что главной, одной из важнейших, составляющих основу правового статуса парламента, выступает законодательная функция, которая при этом не является единственной функцией за-

конодательного органа.[1] Понятие представительной функции рассматривается как более широкое по отношению к понятию законодательной функции, так как включает в себя понятия «законодательный орган государственной власти», «представительный орган муниципального образования».[2] Наряду с законодательными парламенты осуществляют контрольные функции. Минимальный парламентский контроль – бюджетный и финансовый. Третья функция – кадровая (органообразующая). Объем кадровых полномочий парламента зависит от формы правления и наиболее широк в парламентских странах.[3] Как указывает Е.В. Коврякова, формы парламентского контроля как способы его существования и выражения носят информативный (консультативный), санкционирующий (резолютивный или решающий) и бюджетно-финансовый характер. На основании этого данным автором выделены соответствующие виды контроля.[4]

По мнению большинства конституционалистов, контрольная функция является обязательной для парламента, что вытекает из сущности законодательного и представительного органа, институт парламентского контроля в большей или меньшей степени присутствует в любой стране, где имеется парламент.[5] При этом парламентские расследования – важный аспект контрольной деятельности парламента, действенный институт, с помощью которого законодательная власть может реализовать контрольные полномочия. Анализ отечественной и зарубежной литературы позволяет заключить, что контрольная функция парламента Великобритании исторически послужила

---

[1] Любимов Н.А. Качество российского конституционного законодательства: некоторые проблемы и решения // Конституционное и муниципальное право. – 2008. - № 7. – С. 18-21.

[2] Калугина Т.В. О конституционно-правовой формуле наименования законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа // Конституционное и муниципальное право. – 2010. - № 6. – С. 55-60.

[3] Овсепян Ж.И. Парламент как основа демократического конституционного строя (проблемы и перспективы развития в Российской Федерации) // Сравнительное конституционное обозрение. – 2007. - № 2. – С. 9-17.

[4] Коврякова Е.В. Парламентский контроль: зарубежный опыт и российская практика. – М.: ОАО «Издательский дом «Городец», 2005. – С. 12.

[5] Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2-х т. - М.: Юристъ, 2007. - Т.2. – С. 385-386; Парламентское право России: курс лекций / О.Н. Булаков, И.Н. Рязанцев; под общ. ред. О.Н. Булакова. - М.: Юстицинформ, 2007. - 296 с.; Демидов М.В. Парламентский контроль в Российской Федерации: современное состояние и проблемы реализации // Государство и право. – 2009. - № 4. – С. 87; Исаков В.Б. Федеральное Собрание Российской Федерации // Конституционное право России: учебник / отв. ред. А.Н. Кокотов и М.И. Кукушкин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007. – С. 358-359; Макоев А.В., Хамуков А.В. Институт парламентского контроля над исполнительной властью в субъектах Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. – 2005. - № 5. – С. 7-8; Никитенко М.Г. Депутатские слушания в контексте функционального аспекта деятельности представительных органов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2006. – №7. – С. 7-9; Окулич И.П., Усатов Д.Н. Конституционно-правовые основы деятельности государственных контрольно-счетных органов в Российской Федерации. – Челябинск: РЕКПОЛ, 2008. – С. 48-52, 60-61; Шерин А.Н. Парламентский контроль: зарубежный, советский и российский опыт // Государственная власть и местное самоуправление. – 2009. – № 11. – С. 6-10.

основой возникновения законодательной функции.[1] Право высших органов законодательной власти США проводить расследования не зафиксировано в Конституции страны, поэтому в течение многих десятилетий велись дебаты и судебные слушания о границах подобных расследований и правилах их проведения. В результате, в 1957 г. Верховный Суд США постановил, что право Конгресса США проводить расследования является естественным и необходимым для осуществления законодательных функций.[2]

Парламентские расследования именуют анкетами, а право расследования – анкетным правом.[3] Полномочия на создание комиссий по расследованию рассматривают как одно из классических средств информативного контроля палат парламента по отношению к правительству.[4] Образование комиссий для расследования дел, представляющих публичный интерес, относят к судебным полномочиям парламента,[5] так как в ряде зарубежных стран по результатам расследования парламент вправе применить меры принуждения к субъектам правонарушения. К этой же форме контроля Конгресса США В.И. Лафитский относит импичмент. Субъектами ответственности являются Президент, Вице-президент, судьи, должностные лица исполнительных органов. Основания импичмента: измена, взяточничество, иное тяжкое преступление. Право возбуждения принадлежит Палате представителей, осуществляет суд Сенат. Как указывает В.И. Лафитский, в последние годы проявилась тенденция к более частому его применению. В порядке импичмента в 1986 г. Сенат отстранил от должности окружного судью Г. Клейборна за неуплату налогов, в 1989 г. – окружных судей У. Никсона и Э. Гастингса, соответственно, за лжеприсягу перед большим жюри и уголовное преступление.[6]

Институт парламентского расследования применяется в большинстве стран в случаях массовых нарушений прав человека, в ситуациях, когда на

---

[1] Александрова С.П. Великая Ремонстрация и требования английского парламента о контроле над исполнительной властью // История государства и права. – 2009. - № 12. – С. 32-36; Ковалев И.Г. Законодательное регулирование судебных полномочий британской Палаты лордов в конце XIX-XX в. // История государства и права. – 2008. - № 23. – С. 26-28; Чуксина В.В. Несудебная защита прав человека в системе национальной правозащитной деятельности Российской Федерации и зарубежных государств // Конституционное и муниципальное право. – 2006. - № 6. – С. 29-33; Mackenzie K. Parliament. – London: W.E.S. Mackay E Co ltd, Chatham, 1962. – 103 p.

[2] John T. Watkins, Petitioner, v. United States of America. No. 261. Argued March 7, 1957. Decided June 17, 1957. 354 U.S. 178. 77 S.Ct. 1173. 1 L.Ed.2d 1273. // http://openjurist.org/354/us/178.

[3] Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник: в 4 т. / отв. ред. Б.А. Страшун – 3-е изд., обновл. и дораб. – М.: Изд-во БЕК, 2000. - Тома 1-2. Часть общая. - С. 568-570.

[4] Паргачева И.П. Особенности взаимодействия второй палаты парламента с исполнительными органами власти: мировая практика // Государственная власть и местное самоуправление. - 2008. - № 12. - С. 3-10.

[5] Алебастрова И.А. Конституционное право зарубежных стран: учебное пособие. – М.: Юрайт-М, 2001. – С. 206; Пронкин С.В., Петрунина О.Е. Государственное управление зарубежных стран: учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 416 с.

[6] Лафитский В.И. Основы конституционного строя США. – М.: Изд-во НОРМА. – 1998. - С. 182.

права человека посягают высшие должностные лица, в других сложных обстоятельствах. Поэтому исследователи говорят о том, что институт является общеправовым элементом, необходимым любому государству. Парламентское расследование позволяет с большей эффективностью решить не только отдельные ситуации, связанные с посягательством на права человека, но и проблемы, с которыми не могут справиться иные органы государственной власти.[1] В Великобритании в связи с фактами нарушения кодекса поведения и утечки информации в государственных органах парламентское расследование стало единственным инструментом решения проблем национальной безопасности, с которыми не могли справиться полицейские органы.[2]

А.Н. Шерин, анализируя выделяемые английскими учеными классификации функций законодательных органов, приходит к выводу о том, что институт парламентских расследований, как правило, прямо не относят к институту парламентского контроля, но упоминают в числе важных функций парламентов. Так, Е. Уэйд, Г. Филипс главной функцией парламента считают парламентский контроль, следующей по значимости – законодательную функцию, на третьем месте «разные функции» (судебные функции, принятие петиций, учреждение следственного комитета для расследования любого дела, имеющего государственное значение). Д. Кумбс на первое место ставит воздействие на правительство (вотум недоверия, министерская ответственность, импичмент и т.д.), иные, не менее важные полномочия: издание законов, утверждение бюджета, контроль за администрацией (депутатский запрос, следственные комиссии по расследованию деятельности тех или иных органов и т.д.), организация работы самого парламента.[3]

Тем не менее парламентское расследование является формой парламентского контроля, имеющей определенную специфику, отличающую его от других форм реализации контрольной функции законодательного органа. Проведение парламентского расследования направлено не только на реализацию контрольных полномочий парламента по отдельному факту или обстоятельству, но и на решение проблем правового регулирования конкретных общественных отношений. Правовые последствия проведения парламентского расследования могут быть связаны с выявлением и устранением имеющихся нарушений в деятельности подконтрольных субъектов, а также с устранением причин и последствий данных правонарушений.

---

[1] Зрелов А.П., Краснов М.В. О введении института парламентского расследования в РФ // Право и политика. - № 10. - 2003. - С. 40-42.

[2] Home Affairs Committee. Committee says new protocols required after arrest of MP. 16 April 2009 // http://www.news.parliament.uk/2009/04/committee-says-new-protocols-required-after-arrest-of-mp/.

[3] Шерин А.Н. Указ. соч. - С. 6-10.

Такая особенность института парламентского расследования связана с его комплексным общеправовым характером. Комплексными общеправовыми институтами в литературе принято называть те, которые содержат в себе нормы не одной, а нескольких отраслей права.[1] Институт парламентского расследования сочетает в себе процессуальные и материальные нормы, которые взаимно обуславливают установление фактов, подлежащих парламентскому расследованию, процедуру реализации полномочий парламентской комиссии, правовые последствия расследования. Особенностью института является также сочетание императивного и диспозитивного методов правового регулирования, в правовом регулировании института преобладают межотраслевые принципы.

При определении возможности проведения парламентского расследования, в частности, подлежит установлению наличие фактов грубого или массового нарушения гарантированных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина (ст. 7 Федерального закона № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации»).[2] Нарушения прав человека и гражданина, в том числе личных, политических, социальных, могут возникнуть в связи с проблемами правового регулирования и практики реализации административных, муниципальных, финансовых, иных правоотношений. По итогам проведения парламентского расследования могут быть применены меры, затрагивающие в той или иной степени правовое регулирование общественных отношений различных отраслей права.

Должностные лица и граждане, привлеченные к участию в парламентском расследовании, с одной стороны, несут обязанности перед парламентской комиссией по проведению парламентского расследования. Законодательством предусмотрены меры уголовной и административной ответственности, налагаемые в случае неисполнения требований по предоставлению сведений. С другой стороны, привлекаемые к участию в парламентском расследовании субъекты являются носителями субъективных прав и юридических обязанностей. Исполнительные органы государственной власти, государственные органы, не являющиеся органами государственной власти, органы местного самоуправления, не только выступают подконтрольными субъектами, но и выполняют властные функции, в связи с чем парламентской комиссией должны соблюдаться определенные ограничения и процессуальный порядок получения сведений. При проведении парламентского рассле-

---

[1] Чудиновская Н.А. Установление юридических фактов в гражданском и арбитражном процессе / под ред. В.В. Яркова. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 192 с.

[2] О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон от 27.12.2005 № 196-ФЗ // СЗ РФ. - 02.01.2006. - № 1. - С. 7.

дования недопустимо разглашение государственной и иной охраняемой законом тайны, при обнародовании итогов парламентского расследования не должны быть нарушены право на неприкосновенность частной жизни, иные личные права. В настоящее время законодательное регулирование института парламентского расследования не является совершенным, что не дает возможности эффективной реализации всей системы норм, предметом правового регулирования которых выступает институт парламентского расследования. Правовым актом, выступающим «слабым звеном» в действующем российском законодательстве, является Федеральный закон «О парламентском расследовании Федерального Собрания РФ».

В теоретическом плане для отрасли конституционного права России институт парламентского расследования является относительно новым. Констатируя расширение предмета и объекта отрасли конституционного права России, С.А. Авакьян указывает на то, что «мы не только признали необходимость парламентского контроля – постепенное завоевание новых позиций в парламентском контроле повело к дополнению традиционных средств в этой сфере (например, доверие и недоверие правительству, запросы парламентариев) к таким новым возможностям, как… парламентско-следственный контроль, что выражается в создании парламентских и следственных комиссий, а также принятии санкций к определенному кругу лиц в виде их отрешения от должности».[1] А.А. Спиридонов рассматривает парламентское расследование как институт парламентского права.[2] Таким образом, парламентское расследование является особой формой парламентского контроля, позволяющей законодательному органу реагировать на наиболее острые проблемы. Именно поэтому исследование и определение направлений совершенствования института парламентского расследования в России является необходимым в целях повышения эффективности осуществления всех функций парламента и становления действенного механизма защиты прав и свобод человека, что способствует укреплению основ конституционного строя Российской Федерации.

---

[1] Авакьян С.А. Тенденции развития конституционно-правового регулирования общественных отношений в современной России // Конституция Российской Федерации: политико-экономические приоритеты: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 16 ноября 2009 г.). – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. - С. 15-16.

[2] Спиридонов А.А. Институт парламентских расследований в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореферат дис. канд. юрид. наук. – М., 2008. - С. 15.

Франц Ольга Бенционовна
Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук

МОНИТОРИНГ ПРАВА КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СУБЪЕКТАХ РФ

Одним из инструментов оценки результативности правотворческой деятельности в публичной сфере и, соответственно, качества институциональной среды является мониторинг права. В значительной части субъектов РФ ежегодно формируются доклады о состоянии законодательства, основной идеологией которых является анализ взаимосвязи «качество закона – качество власти – качество жизни». Теоретическая и методологическая основа мониторинга на протяжении нескольких лет развивается Центром мониторинга законодательства и правоприменительной практики (Центром мониторинга права) при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации[1].

Место и роль доклада о состоянии законодательства в обеспечении качества институциональной среды, его содержание и структура определяются теми функциями, которые он может выполнять в системе управления социально-экономическими процессами. Правотворческой деятельностью занимается множество органов власти различных ветвей и уровней, а потребителями результатов этой деятельности являются типичные субъекты (социальные, профессиональные и иные группы населения) в конкретных публичных образованиях (муниципалитетах, регионах, стране). Очевидно, что в интересах конечного потребителя необходимы публичная фиксация состояния институциональной среды, анализ изменений ее качества, оценка соответствия этих изменений объективным потребностям развития публичных образований и населения. Именно эту задачу способен решать доклад о состоянии законодательства, выполняя следующие утилитарные функции:

[1] Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2009 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации» / Под общ. ред. С.М. Миронова, Г.Э. Бурбулиса – М.: Совет Федерации, 2010. – 508 с.; Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2008 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации» / Под общ. ред. С.М. Миронова, Г.Э. Бурбулиса – М.: Совет Федерации, 2009. – 512 с.; Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2007 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации» / Под общ. ред. С.М. Миронова, Г.Э. Бурбулиса – М.: Совет Федерации, 2008. – 672 с.; Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2006 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации» / Под общ. ред. С.М. Миронова, Г.Э. Бурбулиса – М.: Совет Федерации, 2007. – 416 с.; Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2005 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации» / Под общ. ред. С.М. Миронова, Г.Э. Бурбулиса – М.: Совет Федерации, 2006. – 256 с.; Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2004 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации» / Под общ. ред. С.М. Миронова, Г.Э. Бурбулиса – М.: Совет Федерации, 2005. – 176 с.

1) обеспечение межведомственного взаимодействия «по вертикали» – через актуализацию общих целей, приоритетов, задач в деятельности законодательной (представительной) ветви власти, которая в отличие от исполнительной власти не имеет административной вертикали управления;

2) обеспечение межведомственного взаимодействия «по горизонтали» – через трансформацию отраслевых проблем и результатов деятельности различных органов в их правотворческую компетенцию и законодательство публичного образования;

3) компенсацию отдельных ведомственных ограничений законодательной ветви власти, обусловленных основаниями и порядком ее формирования (формирование законодательных (представительных) органов является результатом реализации избирательного права, не содержащего фильтры профессиональной компетентности);

4) организацию обратной связи (оценку результативности) – между результатом правотворческой деятельности (принятием правовых актов) и социально-экономическими последствиями изменения институциональной среды (изменением социально-экономической ситуации в публичном образовании).

Последняя функция является наиболее проблематичной с точки зрения наполнения докладов о состоянии законодательства соответствующим содержанием, особенно на региональном уровне. Имеются, как минимум, две существенные трудности:

1) проблема выхода за пределы внутренней логики развития публичного права (правовой необходимости). В последние годы значительная часть региональных правовых актов принимается исходя именно из правовой необходимости – «в целях приведения регионального законодательства в соответствие с федеральным законодательством» или «в целях реализации установленного федеральным законодательством полномочия субъекта Российской Федерации». В этом случае региональные правовые акты,

- во-первых, лишь отчасти могут учитывать объективные потребности и особенности развития региона (в пределах установленной компетенции);

- во-вторых, не имеют внешних (внеправовых, социально-экономических) критериев оценки их результативности, поскольку результативность – это соотношение целей и результатов. Более того, искажение, ограниченность или отсутствие нормативно установленных целей в правовом акте, как правило, деформирует прочие элементы (критерии, принципы, задачи, механизмы) публичной управленческой модели, реализуемой в этом правовом акте, – и снижает ее эффективность.

Если региональный закон принимается «в целях приведения в соответствие» или «в целях реализации полномочия», то его результативность воз-

никает непосредственно в момент принятия закона … и этим исчерпывается. Поэтому такие правовые акты, реально изменяя качество институциональной среды, формально не ориентированы на решение социально-экономических проблем и учет объективных потребностей развития региона. Соответственно, оценка их регулирующего воздействия может производиться в докладе о состоянии законодательства лишь факультативно;

2) несоответствие правовой и управленческой моделей регулирующего воздействия на социально-экономические процессы в регионе – противоречие между правовыми возможностями и управленческой необходимостью. В соответствии с установленным разделением предметов ведения и полномочий между уровнями власти, правовая модель содержит существенные изъятия полномочий в пользу федеральных органов власти и органов местного самоуправления, которые могут отчасти компенсироваться за счет

- технологического взаимодействия «по вертикали» и участия в федеральном институциональном процессе;

- использования регулирующего потенциала межбюджетных отношений и отдельных установленных (переданных) федеральным законодательством правовых возможностей регулирующего воздействия на местное самоуправление;

- поиска собственной компетенции в рамках полномочий по предметам совместного и собственного ведения субъектов РФ.

Оценка результативности деятельности региональных органов государственной власти по развитию правовой модели регулирующего воздействия может осуществляться в докладах о состоянии законодательства только на основе сравнения контуров реальной правовой модели и оптимальной (потенциальной) управленческой модели. Но для проведения такого сравнительного анализа, представление о этих моделях необходимо иметь.

Представляется, что вышеуказанные проблемы наполнения мониторинга законодательства содержанием, обеспечивающим анализ результативности обратной связи и качества институциональной среды, являются не единственными, но, определяющими. Некоторые алгоритмы преодоления этих трудностей апробированы автором при разработке концепции доклада об итогах работы одного из уральских региональных парламентов за 2005-2009 годы, трансформации результатов работы регионального уполномоченного по правам человека в законодательные предложения для региональных и федеральных органов государственной власти, моделировании правовых контуров управления качеством жизни на региональном уровне[1], проектиро-

[1] см. Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2008 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации» / Под общ. ред. С.М. Миронова, Г.Э. Бурбулиса – М.: Совет Федерации, 2009. – С.387-395.

вании механизмов социально-экономического мониторинга правотворчества.

Основополагающим правовым источником социально-экономической оценки результативности регионального законодательства является Федеральный закон от 06.10.1999 г. №184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», согласно которому «законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации и высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации взаимодействуют в установленных настоящим Федеральным законом и законом субъекта Российской Федерации формах в целях эффективного управления процессами экономического и социального развития субъекта Российской Федерации и в интересах его населения» (статья 23, часть вторая).

Одной из основных форм взаимодействия является правотворческая деятельность органов государственной власти субъекта РФ, формирующая региональное законодательство и (или) позволяющая включиться в федеральный законодательный процесс в рамках своей компетенции. В этом контексте целью взаимодействия является создание правовых условий для эффективного управления социально-экономическими процессами развития субъекта РФ и учета интересов его населения.

Содержание этой деятельности – трансформация социально-экономической необходимости в новые (дополнительные) возможности за счет 1) развития правового обеспечения системы управления (структуры и полномочий органов власти, государственной службы, инструментов и механизмов управления); 2) создания правовых условий для повышения качества жизни населения (отдельных социальных групп), условий для развития различных сфер общественных отношений. Для того чтобы оценить эффективность такой деятельности (деятельности по созданию правовых условий для эффективного управления социально-экономическими процессами развития субъекта РФ и учета интересов его населения), необходимо ответить на ряд вопросов:

1) как выявлять социально-экономическую необходимость (статистические и социологические методы, государственный заказ на научно-исследовательские работы, технологии – контроль соблюдения и исполнения законодательства, мониторинг социально-экономических процессов, экспертиза качества институциональной среды, мониторинг обращений граждан) и где фиксируются соответствующие приоритеты (концепции и стратегии, доклады и программы, послания и прогнозы);

2) отражены ли в законодательстве критерии (параметры, индикаторы, показатели), характеризующие состояние отдельных сфер регулирования

(параметры оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти, показатели качества жизни населения, индикаторы состояния отдельных сфер деятельности);

3) насколько система управления «настроена» на выявление этой необходимости в целом и в различных сферах отношений (наличие в законодательстве соответствующих полномочий, целей, задач, функций региональных органов государственной власти);

4) насколько система управления «настроена» на трансформацию выявленной социально-экономической необходимости в создание правовых возможностей (государственные функции в сфере правотворчества, планы законопроектных работ, предложения и законодательные инициативы по изменению регионального законодательства, обращения в федеральные органы государственной власти);

5) соответствуют ли результаты правотворческой деятельности выявленной необходимости и установленным приоритетам.

Попытка найти ответы на эти вопросы позволяет включить в содержание докладов о состоянии законодательства социально-экономическую оценку результативности правотворческой деятельности и структурировать принятые за определенный период региональные правовые акты по следующим основаниям:

1) правовой акт совершенствует (обеспечивает, уточняет) основания и источники определения социально-экономической необходимости правового регулирования;

2) правовой устанавливает (формирует, дополняет) параметры оценки социально-экономических результатов правового регулирования;

3) правовой акт совершенствует (обеспечивает, уточняет) процедуры выявления социально-экономической необходимости правового регулирования;

4) правовой акт совершенствует (обеспечивает, уточняет) методы и механизмы правотворческой деятельности органов государственной власти в соответствии с социально-экономическими потребностями развития региона;

5) правовой акт создает условия для реализации установленных ранее приоритетов и выявленных социально-экономических потребностей развития региона.

При этом группировка и оценка правовых актов по указанным основаниям позволяет не только целенаправленно формировать механизм социально-экономического мониторинга права, но и одновременно оценивать отдельные факторы эффективности системы государственного управления социально-экономическими процессами на региональном уровне.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Блохина Ирина Владимировна
Курганский государственный университет

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗМЕНЕНИЯ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Первоначальная неподвижность римского обязательства соответствовала замкнутому характеру хозяйства, еще не успевшего выйти на простор средиземноморской торговли. «Non solet stipulatio semel cui quaesita ad alium transire nisi ad heredem - возникшее однажды для кого-нибудь право требования обычно не переходит к другому, за исключением перехода к наследнику».

Во времена Гая (II в. н.э.) положение дел, создавшееся как следствие ограниченной подвижности обязательства, оставалось без значительных изменений: «Если я хочу, чтобы то, что мне должен кто-то, он стал должным тебе, то нужно, чтобы ты по распоряжению моему принял бы от него обещание; в результате этого он освободится от меня и начнет быть должным тебе: произойдет то, что называется новацией обязательства». Без новации новому кредитору нельзя было действовать от своего имени, так как цессия как таковая еще не была признана.

В дальнейшем допустимость правом перемены лиц стала обосновываться, в первую очередь, имущественной ценностью обязательства, которая делала его самостоятельным предметом хозяйственного оборота. «Обязательство связывает не волю должника, а только обязывает его имущество. Долг есть только уменьшение его имущества, а не его свободы», - отмечал Зом.

В соответствии с этим перемена лиц в обязательстве и, прежде всего, передача обязательственных прав (цессия) находила обоснование у большинства юристов «в учении о праве требования, как об имуществе, подлежащем передаче наравне с другими видами движимого имущества».

Одновременно рядом ученых предпринимались попытки объяснения правовой природы и сущности перемены лиц в обязательстве через институт правопреемства. Так, по мнению Ю.С. Гамбарова, «изменения в субъектах права составляют преемство». В связи с этим «цессию обязательственных прав» и «принятие чужого долга» на основании сделок, а также переход прав и обязанностей при наследовании Ю.С. Гамбаров относил к случаям преемства в праве (successio). «Сущность преемства, - отмечал Ю.С. Гамбаров, - состоит в том, что преемник вступает в права и обязанности своего предшественника, которыми и определяется его юридическое положение». Он разграничивал универсальное преемство – «переход всех прав и обязанностей от

одного лица на другое» и сингулярное – «переход единичных прав и обязанностей».

А.М. Гуляев также связывал перемену субъектов в обязательственном правоотношении с «переходом обязательств» в порядке наследственного преемства, когда «обязательственное отношение, возникшее первоначально между определенными лицами, усвояется их правопреемниками», и сингулярного преемства, в котором «следует различать переход права требования и переход обязанности».

В.И. Синайский отмечал, что на активной стороне обязательства возможна перемена кредитора путем цессии и суброгации, на пассивной стороне – перемена должника путем делегации.

В современном гражданском праве находит отражение как «имущественная» концепция изменения субъектного состава обязательства (например, имущественное требование может выступать объектом дарения, продажи), так и теория правопреемства (в частности, в наследственных правоотношениях и при реорганизации юридических лиц).

В то же время в законодательстве существуют запреты на переход некоторых прав третьим лицам. Эти права объединяет общий признак - их неразрывная связь с личностью кредитора. Поэтому такое «личное» обязательство следует признать не способным к изменению, во всяком случае, на стороне кредитора, и в случае выбытия последнего обязательство прекращается. Например, не может быть заменен кредитор в обязательстве, содержанием которого является требование возместить вред, причиненный жизни и здоровью.

С другой стороны, законодатель не говорит о невозможности замены в таком обязательстве должника. Логично предположить, что такая замена не только не противоречит положениям закона, но, напротив, соответствует его духу и смыслу. В действующем российском законодательстве существует пример, подтверждающий справедливость таких выводов. Согласно п. 3 ст. 135 Федерального закона от 26 октября 2002г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» с согласия гражданина его право требования к должнику, основанное на причинении вреда жизни или здоровью, в сумме капитализированных повременных платежей переходит к Российской Федерации. В этом случае обязательства должника перед гражданином по выплате капитализированных повременных платежей переходят к Российской Федерации и исполняются Российской Федерацией в соответствии с федеральным законом в порядке, определенном Правительством Российской Федерации. В частности, как разъясняет Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ, от имени Российской Федерации предъявить должнику данное требование в виде капитализированных платежей вправе Федеральная налоговая служба как орган,

уполномоченный представлять требования Российской Федерации по обязательным платежам и денежным обязательствам в делах о банкротстве. При этом обязанности, перешедшие к Российской Федерации, исполняются за счет казны Российской Федерации, а после определения Правительством Российской Федерации государственного органа, уполномоченного производить соответствующие выплаты, - указанным органом.

Таким образом, Российская Федерация, становясь кредитором несостоятельного должника, одновременно становится должником граждан по требованиям, основанным на причинении вреда жизни и здоровью. Данный пример не только иллюстрирует возможность изменения должника в «личном» обязательстве, но и является исключением из общего правила о невозможности перехода прав кредитора в таком обязательстве.

Правомерность замены должника в обязательстве, в котором требование неразрывно связано с личностью кредитора, можно обосновать тем, что исполнение такого обязательства всегда осуществляется за счет имущества должника и неизбежно ведет к уменьшению этого имущества. Поэтому личностный аспект в данном случае не играет существенной роли. Тем более, противоположный вывод привел бы к возможности неисполнения обязательства вообще, что никак не защищает права кредитора.

От перемены лиц в обязательстве следует отличать случаи, когда от одного лица к другому переходит не участие в обязательстве, а когда другое лицо получает только материальную выгоду, соединяющуюся с обязательством. С юридической точки зрения это не одно и то же, потому что если участник обязательства предоставляет только выгоды его стороннему лицу, то все-таки сам он остается участником обязательства, а это лицо участником не делается. О перемене участника обязательства можно говорить только тогда, когда обязательство остается то же самое, но на место прежнего участника (хотя бы и отчасти только) становится другое лицо.

В качестве примера получения выгоды без замены стороны в обязательстве можно привести договор об исполнении третьему лицу (например, при отгрузке поставляемой продукции не покупателю, а названным в его разнарядке получателям), когда это третье лицо может принять исполнение, но не вправе предъявлять к должнику требования об исполнении договора в свою пользу.

Изменение субъектного состава обязательств может происходить не только в форме перемены лиц (замены должника или кредитора), но также путем изменения (увеличения или уменьшения) количества участников обязательства.

В обязательствах с активной или пассивной множественностью, каков бы ни был количественный состав субъектов правоотношения, кредиторы и должники противостоят друг другу. Последствием выбытия из такого обязательства содолжника или сокредитора может стать прекращение солидарного или долевого характера правоотношения, в случае если на соответствующей стороне обязательства остается единственный участник. Если же наоборот, например, в результате наследственного правопреемства или реорганизации, на место одного должника или кредитора становится несколько субъектов, обязательство обретает множественность на соответствующей стороне.

Существуют, однако, обязательства, в которых все участники одновременно являются управомоченными и обязанными. Речь идет, в первую очередь, о многосторонних договорах, например, о совместной деятельности, где невозможно выделить активную и пассивную стороны, поскольку все участники обязательства имеют целый комплекс прав и обязанностей по отношению друг к другу.

Так, в договоре простого товарищества каждый из партнеров вправе требовать от остальных товарищей надлежащего исполнения обязательств, одновременно выступая при этом в роли должника по отношению к ним. Таково своеобразное проявление взаимности в данном договоре. Поэтому не случайно партнеров по договору простого товарищества именуют одинаково - участники или товарищи.

Последствием изменения количественного состава субъектов такого правоотношения может стать прекращение обязательства, изменение долей участия, прав и обязанностей остальных субъектов обязательства.

Однако не всегда появление новых лиц следует расценивать как изменение субъектного состава обязательственного правоотношения. В частности, согласно ст. 680 Гражданского кодекса РФ наниматель и граждане, постоянно с ним проживающие, по общему согласию и с предварительным уведомлением наймодателя вправе разрешить безвозмездное проживание в жилом помещении временным жильцам (пользователям). Но так как временные жильцы не обладают самостоятельным правом пользования жилым помещением, ответственность за их действия перед наймодателем будет нести наниматель. Таким образом, временные жильцы не становятся субъектами обязательства по найму жилого помещения, и, следовательно, изменения обязательства в субъектном составе не происходит. Зато в соответствии с п. 2 ст. 686 Гражданского кодекса РФ в случае смерти нанимателя или его выбытия из жилого помещения договор найма жилого помещения продолжает действовать на тех же условиях, а нанимателем становится один из граждан, постоянно проживающих с прежним нанимателем, по общему согласию ме-

жду ними. Если такое согласие не достигнуто, все граждане, постоянно проживающие в жилом помещении, становятся сонанимателями. Здесь налицо изменение субъектного состава обязательственного правоотношения с возможным образованием множественности лиц на стороне нанимателя.

Довольно интересная с точки зрения изменения обязательств ситуация возникает при смене гражданином имени или юридическим лицом наименования. В этом случае в отношении физического лица Гражданский кодекс РФ (п. 2 ст. 19 ГК РФ) прямо указывает, что перемена имени не является основанием для прекращения или изменения его прав и обязанностей, приобретенных под прежним именем.

С юридическими лицами ситуация обстоит сложнее. В гражданском законодательстве отсутствует подобное его ст. 19 правило, что порождает немалые трудности на практике, особенно когда речь идет об исполнении судебного акта. Недобросовестные должники пытаются таким образом затянуть или добиться невозможности исполнения решения суда, что существенно нарушает права кредитора. Несмотря на то, что фактически субъектный состав правоотношение в описываемой ситуации не изменяется, юридические основания взыскания долга в принудительном порядке отсутствуют.

Проблема состоит в том, что и процессуальное законодательство не содержит механизма изменения наименования юридического лица, указанного в судебном решении. Поэтому существует необходимость дополнения ст. 54 ГК РФ, а также положений процессуальных кодексов России соответствующими нормами, позволяющими с точки зрения материального права легально идентифицировать лицо, изменившее наименование, а с процессуальной – произвести изменения в исполнительных документах.

Подобные ситуации могут возникать не только при смене имени или наименования субъекта обязательства, но и при смене пола, в случае защиты свидетелей, когда меняются практически все сведения, позволяющие идентифицировать гражданина. Правовые последствия данных изменений никак не отражаются в законодательстве, очевидно в силу того, что проблема пока не стоит остро, однако для юридической науки эти ситуации остаются поводом к размышлениям и поискам путей разрешения.

Подытоживая сказанное, необходимо подчеркнуть, что изменения в субъектном составе могут происходить как на стороне должника, так и на стороне кредитора. При этом модификации могут касаться не изменяющих обязательство характеристик субъектов (имя, возраст и т.п.), происходить в формах замены субъекта (цессия, перевод долга), а также количественных изменений субъектного состава обязательства (появление или исчезновение субъекта правоотношения без замены на иное лицо).

Вагина Ольга Сергеевна
Пермский государственный университет

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПЛЕКСНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ УЧАСТИЯ В ДОЛЕВОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Гражданское право Российской Федерации регулирует множество общественных отношений. Среди них можно выделить две основные группы отношений: имущественные и личные неимущественные[1]. Как широко распространенные в гражданском обороте, имущественные отношения отражают принадлежность имущества (вещного права на него) определённому лицу (например, правоотношения собственности, правоотношения по поводу ограниченных вещных прав), а также переход имущества от одного лица к другому (например, по договору или в одностороннем порядке (в частности, в порядке наследования)). В связи с этим, мы предлагаем проанализировать указанные отношения в качестве одного из блоков российского законодательства. При этом обозначим особенности законодательного регулирования отношений в сфере участия в долевом строительстве, отметим некоторые особенности комплексного регулирования данного блока правоотношений.

Поясним, что понятие «блоковая система законодательства» упоминается впервые в статье Мозолина В.П. «Роль гражданского законодательства в регулировании комплексных имущественных отношений»[2]. В данной статье, Виктор Павлович, отмечая особенности англо-американского права, по аналогии с российским законодательством, отмечает: «Комплексное регулирование в США, Англии и других странах, применяющих англо-американскую систему права, осуществляется по отдельным сферам правового регулирования, например в области недвижимости, договорного права, права о корпорациях и компаниях, банкротства и т.д. В рамках так называемой блоковой системы законодательства производится правовое регулирование всех видов отношений в сфере экономики или какой-либо другой области жизнедеятельности общества с применением норм, называемых в Европе нормами публичного и частного права (гражданского, торгового, административного, налогового и т.п.). По этой модели в 1952 г. был принят эффективно действующий и поныне Единообразный торговый кодекс США, объединяющий в

[1] Гражданский кодекс РФ, часть первая, от 30.11.1994 № 51-ФЗ (принят ГД ФС РФ 21.10.1994) (ред. от 27.07.2010) // Российская газета, № 238-239, 08.12.1994. Ст. 2.

[2] Мозолин В.П. Роль гражданского законодательства в регулировании комплексных имущественных отношений//Журнал Российского права. - 2010. №1. - С. 26.

себе нормы различных видов законодательства, связанных с договором купли-продажи товаров»[1].

В связи с изложенным, сформулируем понятие «блок» применительно к комплексности законодательства. На наш взгляд, блок – это отдельная систематизированная сфера правового регулирования конкретного вида отношений экономической или иной области жизнедеятельности общества с применением норм комплексного законодательства.

Что касается понятия «комплексности», то на наш взгляд, в понимании российского права, комплексность законодательства можно определить как объединение правовых норм в законы, одновременно содержащие в себе нормы и частного, и публичного права, регулирующие конкретную сферу правоотношений.

Таким образом, считаем возможным применить понятие «блок» для законодательства Российской Федерации, и в частности, для имущественных отношений в рамках гражданского права. В качестве примера рассмотрим некоторые особенности комплексного регулирования в сфере участия в долевом строительстве.

Первоначально, отношения, связанные с привлечением денежных средств граждан и юридических лиц для долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, не были законодательно урегулированы. До принятия Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о долевом строительстве, Закон[2]) данные отношения закреплялись лишь в форме договора, который не имел однозначного названия ввиду невозможности его надлежащей правовой квалификации. Нормативно-правовыми актами, которые регулировали рассматриваемые отношения, были: Гражданский Кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ); Федеральный закон «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»[3], Закон РСФСР «Об инвестиционной деятельности в РСФСР»[1],

---

[1] Мозолин В.П. Роль гражданского законодательства в регулировании комплексных имущественных отношений//Журнал Российского права. - 2010. - №1. - С. 26.

[2] Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ (принят ГД ФС РФ 22.12.2004) (ред. от 01.01.2007) // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005. № 1 (часть 1). Ст. 40.

[3] Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений: Федеральный закон от 25.02.1999 N 39-ФЗ (ред. от 23.07.2010) (принят ГД ФС РФ 15.07.1998) // Российская газета, N 41-42, 04.03.1999.

который действовал в части норм, не противоречащих упомянутому предыдущему закону. Однако ГК РФ, в частности, не содержал и не содержит до сих пор положений, которые отражали бы особенности именно договора участия в долевом строительстве, т.е. договор участия в долевом строительстве (далее по тексту также – Договор) в Гражданском Кодексе РФ на сегодняшний день не поименован. Заметим, что Градостроительный Кодекс Российской Федерации, регулирующий градостроительные отношения[2], был принят почти одновременно с Законом о долевом строительстве, в декабре 2004 года. Отметим также, что на необходимость введения в российское гражданское законодательство специальных правил о договорах, в рамках которых граждане и юридические лица вкладывают свои денежные средства в строительство в целях получения в свою собственность квартир и нежилых помещений в построенных зданиях, указывалось и в Концепции развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе[3].

Таким образом, рассматриваемые нами отношения, изначально сформировавшиеся только в рамках непоименованного договора, постепенно стали регулироваться специальным законодательством. В данном случае под законодательным регулированием мы понимаем принятие специального Федерального закона, регулирующего непосредственно отношения по долевому участию в строительстве. Во многом это произошло из-за того, что договор участия в долевом строительстве был востребован, граждан привлекала возможность поэтапного вложения денежных средств в строительство, особенно, при отсутствии возможности единовременной оплаты приобретаемого жилого помещения. Однако в то же время отношения по данному договору остро нуждались в установлении надлежащей правовой квалификации и законодательных санкций в случае неисполнения (ненадлежащего исполнения) обязательств. В связи с чем, возникали разночтения в части определения правовой природы рассматриваемых отношений. Судебная практика была неоднозначной. С принятием Закона о долевом строительстве, отношения в сфере участия в долевом строительстве получили законодательное закрепление, но среди гражданско-правовых договоров, которые указаны в тексте ГК РФ, договор участия в долевом строительстве до сих пор не назван.

В связи с указанными особенностями, отметим, что регулирование данных отношений первоначально в рамках договора и последующее их спе-

---

[1] Об инвестиционной деятельности в РСФСР: Закон РСФСР от 26.06.1991 N 1488-1 (ред. от 30.12.2008) // Бюллетень нормативных актов, N 2-3, 1992. Документ утратил силу в части норм, противоречащих Федеральному закону от 25.02.1999 N 39-ФЗ.

[2] Градостроительный Кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ (принят ГД ФС РФ 22.12.2004) (ред. от 29.11.2010) // Российская газета", N 290, 30.12.2004. П. 1 ст. 4.

[3] Концепция развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе. – М.: Статут, 2004.

циальное законодательное регулирование является, на наш взгляд, основанием для вывода о комплексном характере регулирования упомянутых правоотношений.

Непосредственно комплексное регулирование отношений в сфере участия в долевом строительстве мы понимаем как объединение правовых норм в Закон, одновременно содержащий в себе нормы и частного, и публичного права, регулирующий конкретную сферу правоотношений. Комплексность проявляется в сочетании частноправового и публично-правового регулирования указанных отношений. В конкретном блоке отношений происходит регулирование как с помощью договора (частноправовой характер взаимосвязей), так и с помощью Закона о долевом строительстве. Внутри законодательного и договорного регулирования можно проследить взаимодействие субъектов данных отношений.

Договор участия в долевом строительстве заключается между двумя поименованными в Законе субъектами. Среди них: участник долевого строительства, застройщик. Их статус определён в Законе.

Однако, помимо этих двух субъектов, мы бы предложили включить в состав субъектов правоотношений в сфере участия в долевом строительстве публично-правовые образования (в лице уполномоченных государственных органов).

С одной стороны, в Законе о долевом строительстве регламентированы случаи взаимодействия сторон по договору участия в долевом строительстве с органами государственной власти. Такое взаимодействие осуществляется при получении застройщиком в установленном порядке разрешения на строительство; при получении застройщиком разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости и в других случаях.

С другой стороны, на практике часто возникают ситуации, когда уполномоченные государственные органы становятся участниками этих отношений, но формы такого участия напрямую в Законе о долевом строительстве не прописаны. В то же время на практике органы местного самоуправления, представители муниципальных образований могут оказать влияние на развитие отношений в сфере участия в долевом строительстве, например, помочь в разрешении ситуаций, связанных с неспособностью застройщика завершить строительство ввиду его финансовой несостоятельности. Подобная практика имеется в различных субъектах Российской Федерации[1].

[1] Новости строительства и недвижимости [электронный ресурс]: Гражданам, пострадавшим от действий недобросовестных застройщиков, станет проще получить господдержку бюджета области (24 июня 2010). URL: http://news.vdolevke.ru/read/2579/ (дата обращения: 03.08.2010); Новости строительства и недвижимо-

Отметим также, что в рамках отношений по участию в долевом строительстве возможно взаимодействие государственных органов не только со сторонами по договору (участником долевого строительства, застройщиком), но и с другими публично-правовыми образованиями (например, при взаимодействии территориальных органов Роспотребнадзора с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в деле защиты прав потребителей в сфере долевого строительства жилья; при взаимодействии органов местного самоуправления с органами государственной власти (на примере опыта разрешения конфликтных ситуаций в различных субъектах РФ); а также в рамках статьи 22 Закона о долевом строительстве (при осуществлении государственного контроля, надзора)).

Таким образом, приходим к выводу о том, что рассмотренный нами блок отношений в сфере участия в долевом строительстве носит комплексный характер.

Объединение правовых норм в Закон о долевом строительстве, одновременно содержащий в себе нормы и частного, и публичного права, является показателем комплексности отношений в сфере участия в долевом строительстве.

Субъектный состав таких отношений (в котором прослеживается взаимодействие как сторон по договору между собой и между публично-правовыми образованиями (в рамках Закона и на практике, в случаях, не охваченных Законом), так и между субъектами публично-правовых образований) также позволяет говорить о комплексном характере возникающих отношений.

Рассматривая блок правоотношений подобным образом, можно проследить уникальность и особенность таких отношений. В связи с чем, полагаем, что отношениям в сфере участия в долевом строительстве необходимо придать самостоятельный статус и включить Договор участия в долевом строительстве в ГК РФ как гражданско-правовой договор. Это позволит четко определить предмет в рассматриваемых судебных спорах - с одной стороны, и унифицировать правовое регулирование – с другой.

При этом отметим, что наличие правовых норм о договоре участия в долевом строительстве как в отдельных положениях ГК РФ, так и в специальном Федеральном законе, также позволит назвать отношения в сфере участия в долевом строительстве комплексными. Более того, рассматриваемые

сти [электронный ресурс]: Приоритеты определены, задачи поставлены (04 мая 2010). URL: http://news .vdolevke.ru/read/2328/ (дата обращения: 03.08.2010); Новости строительства и недвижимости [электронный ресурс]: Достраивать будем всем миром (25 июня 2010). URL: http://news.vdolevke.ru/read/2585/ (дата обращения: 03.08.2010).

нами отношения в рамках гражданского права могут регулироваться со ссылкой на нормы ряда других отраслей законодательства (например, налогового, административного).

Комплексный анализ данных норм необходим для уяснения сущности отношений в сфере участия в долевом строительстве.

Воронина Зульфия Исмаиловна
Тюменский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА МЕЖДУНАРОДНЫХ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В качестве иностранного субъекта в международных семейных отношениях могут участвовать иностранные граждане, лица без гражданства и лица с двойным гражданством (последние - при условии, что среди их гражданств нет российского). Сомнений нет: если таковые имеются, то неизбежна постановка основного коллизионного вопроса – о применимом праве, - ответ на который следует искать, в первую очередь, в разделе VII Семейного кодекса Российской Федерации. Этот раздел называется «Применение семейного законодательства к семейным отношениям с участием иностранных граждан и лиц без гражданства», что вполне согласуется с коллизионным регулированием международных семейных отношений при наличии в них *иностранного субъекта*. Но россияне сейчас также мобильны, как и граждане других государств. Применимы ли коллизионные правила этого раздела в отношении наших соотечественников? В частности, требуется ли, например, постановка коллизионного вопроса при разделе имущества супругов – граждан РФ, находящегося за границей? Представляется, что это необходимо. Между тем, при буквальном толковании названия раздела VII СК РФ, в указанном случае его применение является спорным. Думается, что международными следует считать и такие семейные отношения, в которых субъектами являются только российские граждане, но проживающие либо имеющие имущество за границей. А само название раздела VII СК РФ правильнее было бы сделать таким: «Применение семейного законодательства к международным семейным отношениям». Рассматривая аналогичную проблему в Республике Таджикистан (где название раздела VIII СК РТ аналогично названию раздела VII СК РФ), С.Н. Тагаева верно отмечает, что существующее название не отражает всех форм семейных отношений, в которых «иностранный

элемент» может быть представлен. И при этом ею предлагается сходное название раздела: «Международное семейное право»[1].

Традиционно принято считать, что субъектами семейных отношений являются только физические лица. Хотя, представляется, что изменения Семейного кодекса РФ, вступившие в силу с 1 сентября 2008 года, позволяют усомниться сейчас в этом тезисе. Так, воспитывающей стороной в правоотношении по воспитанию детей, помещенных в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в соответствии с пунктом 2 ст. 155.2 СК РФ, являются эти организации. Возможно, требуется корректировка подходов к определению субъектного состава семейных отношений.

Но вернемся к составу участников *международных* семейных отношений. Правовой статус субъектов таких отношений зависит от того, к какой категории иностранцев относит их законодательство страны пребывания (далее по тексту под термином «иностранец» понимается любое лицо, не являющееся гражданином государства, в котором оно находится, как это указано в ст. 1 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 40/144 от 13 декабря 1985г. «Декларация о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают»). В соответствии со статьями 5 – 9 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» все иностранцы, находящиеся на территории Российской Федерации, делятся на три категории: временно пребывающие в РФ; временно проживающие в РФ; постоянно проживающие в РФ. Их семейный статус при этом является как бы вторичным.

В отличие от Российской Федерации, страны Европейского Союза (далее – ЕС) при определении статуса иностранцев руководствуются Директивой Совета Европы № 2003/109/ЕС от 25 ноября 2003 г. о статусе граждан третьих стран, проживающих на долгосрочной основе (далее – Директива № 2003/109/ЕС). Цель этой Директивы – установить единообразные условия проживания в ЕС лиц, не являющихся гражданами Европейского Союза (т.е. «граждан третьих стран», к каковым относятся и граждане РФ). Исходя из этой цели, данная Директива закрепляет основания и порядок приобретения ими статуса «долгосрочного резидента», который будет оформляться таким документом, как «вид на жительство долгосрочного резидента ЕС».

Положительное влияние Директивы № 2003/109/ЕС на статус субъектов международных семейных отношений в современный нестабильный, как с экономической, так и с юридической позиций, период неоценимо. Она содержит множество положений, регламентирующих правовое положение се-

[1] Тагаева С.Н. Правовое регулирование брачных отношений в международном частном праве. Автореф. … канд. юр. наук. – Бишкек, 2007. – С. 7.

мейных мигрантов, среди которых наиважнейшими, на наш взгляд, являются следующие: а) возможность сохранения семейных связей, что гарантировано положениями пункта 20 Преамбулы Директивы № 2003/109/ЕС; б) преемственность актов Совета Европы в определении субъектного состава: Директива № 2003/109/ЕС определяет состав членов семьи так же, как и предыдущая Директива Совета Европы № 2003/86/ЕС от 22 сентября 2003 г. «О праве на семейное воссоединение»; в) учет семейных связей при принятии решения о выдворении долгосрочного резидента, если он представляет реальную и достаточно серьезную угрозу для общественного порядка или общественной безопасности: перед тем, как вынести такое решение, во внимание принимаются, наряду с другими факторами, и обстоятельства, связанные с семейными отношениями - возраст долгосрочного резидента и последствия выдворения для этого лица и для членов его семьи (ст. 12 Директивы № 2003/109/ЕС).

Позитивное или негативное влияние на субъектный состав международных семейных отношений оказывает и *статус* иностранца в нашей стране, наиболее неопределенным среди которых остается статус «член семьи». Правовое положение самого иностранца и членов его семьи в целом подпадает под национальный режим. Но для иностранца – основного мигранта отдельные изъятия из национального режима могут быть установлены федеральным законом и/или международным договором Российской Федерации. А статус членов его семьи чаще всего зависим от правового статуса этого основного мигранта. Исключения, например, могут предусматриваться международными договорами, регламентирующими равный статус всех субъектов международных семейных отношений. Так, в отношении лиц, переселяющихся из Российской Федерации в Украинскую Республику и наоборот, заключено межправительственное Соглашение о регулировании процесса переселения и защите прав переселенцев (г. Харьков, 16 февраля 2001 г.), Договор о правовом статусе граждан одного государства, постоянно проживающих на территории другого государства, принят решением Межгосударственного совета Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации от 28 апреля 1998 г. № 28 и др. Но они не решают обозначенную проблему; это, полагаем, может сделать только отечественный законодатель.

В рамках изучения международных семейных отношений невозможно не коснуться проблем, связанных с бипатризмом их субъектов. В «Пояснительном докладе к Европейской конвенции о гражданстве» от 6 ноября 1997 г. (г. Страсбург, Франция), подчеркивается необходимость пересмотра жестких

рамок применения принципа избежания множественного гражданства, в частности, в отношении лиц, состоящих в смешанном браке, и их детей.

При наличии у человека двух или более гражданств возникает множество сложностей. Они касаются многих сторон его пребывания на территории иностранного государства. Это – вопросы определения дееспособности (ст.ст. 1195 и 1197 ГК РФ), условий вступления в брак (п. 2 ст. 156 СК РФ), регулирования трудовых отношений и т.д. В этих случаях основная проблема заключается в выборе применимого права при использовании формулы прикрепления *lex patriae* (закон гражданства).

Путей разрешения проблем бипатризма субъектов международных семейных отношений несколько. Основной из них - выработка государствами общих подходов, которые отражаются в международных договорах. В качестве второго универсального пути следует назвать использование в законотворческой деятельности принципа автономии воли (lex voluntatis). Удачно, на наш взгляд, сформулирована коллизионная норма ст. 156 СК РФ: при определении условий вступления в брак лицо с множественным гражданством вправе само выбрать применимое право. Но необходимо искать и новые пути.

Статус субъекта семейного права динамичен. Так, по достижении 18 лет ребенок, по общему правилу, из воспитуемой стороны может превратиться в алиментнообязанное лицо по отношению к своим нетрудоспособным нуждающимся родителям; опекаемый после 14 лет становится подопечным, т.е. лицом с бóльшим объемом гражданских и семейных прав; супруги, заключая брачный договор, изменяют состав своих имущественных прав и т.д. Перечисленное и другое вполне вписывается в обыденное представление о семье и отношениях между ее членами (или бывшими членами). Но все может встать «с ног на голову» при применении новейших медицинских технологий, в частности – при смене пола человека. Несмотря на то, что первая операция по смене пола была произведена более полувека назад – в 1953 году, - вплоть до последнего десятилетия в нашей стране серьезных исследований по этому направлению не проводилось. Из наиболее значимых хотелось бы выделить М.Н. Малеину, представившую в своей статье «Изменение биологического и социального пола: перспективы развития законодательства» видение современных проблем, связанных со статусом лиц, намеревающихся изменить или уже изменивших свой пол[1].

Юридическое оформление факта смены пола предусмотрено законом: на основании документа установленной формы об изменении пола, выданный медицинской организацией, орган загса вносит изменения в запись акта

[1] Малеина М.Н. Изменение биологического и социального пола: перспективы развития законодательства // Журнал российского права. – 2002. - № 9. - С. 52 - 59.

гражданского состояния и выдает заявителю новое свидетельство о государственной регистрации акта гражданского состояния (глава IX ФЗ от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»). Но влияние этого факта на семейные отношения в российском семейном законодательстве не нашло своего отражения.

Это не только и не столько моральная проблема, сколько юридическая. Смена пола членом семьи влияет на все виды семейных отношений:

- в родительском правоотношении родители становятся лицами одного пола (аналогичная ситуация возможна и в усыновительском правоотношении);

- после смены пола одним из супругов брак из разнополого превращается в однополый. Как следствие – возникают вопросы о дальнейшем сохранении брака, действии брачного договора и другие;

- в алиментном обязательстве кредитор (получатель алиментов) или должник (плательщик алиментов) перестают соответствовать лицу, указанному в соглашении об уплате алиментов или в решении суда (судебном приказе);

- изменяется воспитывающая сторона в правоотношениях по воспитанию и т.д.

Пути разрешения этих и других ситуаций предлагались неоднократно, причем – от радикальных (при изменении пола объявлять человека умершим, как предлагает, например, Д.И. Степанов[1]) до более смягченных (при изменении пола родителем ребенка заменить понятия «отец» или «мать» на иные – «родитель»/«родительница», «биологический отец» и др.[2]).

Вносить изменения в Семейный кодекс РФ, думается, неразумно, т.к. это акт, рассчитанный на широкое, повседневное применение. Правовые последствия смены пола целесообразнее регламентировать специальным законом, включающим все аспекты регулирования: юридические, медицинские и процессуальные. В Семейном кодексе РФ мы бы предложили дополнить лишь статью 16 еще одним пунктом с таким текстом: «Смена пола одним из супругов прекращает брак с момента замены паспорта этим супругом».

За каждым фактом неурегулированности семейной ситуации стоит судьба человека. А если он иностранец, то для него проблемы усугубляются – защитить субъективное право не в своей стране всегда сложнее, а порой и невозможно… Поэтому задача России – четко регламентировать субъектный состав как семейных, так и иных отношений, осложненных иностранным элементом (в первую очередь – иностранным субъектом).

---

[1] См.: Степанов Д.И. Правовые проблемы, связанные с изменением пола человека // Законодательство. – 2000. - № 10. – С. 81 – 85; № 11. – С. 73 – 69.

[2] Ожередова С. Поменял пол – меняй и паспорт // эж-Юрист. – 2008. - № 11.

Гавриленко Владимир Александрович
Новгородский государственный университет

К ВОПРОСУ О СВОБОДЕ ВЫБОРА ПРИМЕНИМОГО ПРАВА В МЕЖДУНАРОДНОМ КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ

В соответствии с «Европейской конвенцией о внешнеторговом арбитраже» 1961 года, стороны могут по своему усмотрению устанавливать с общего согласия право, подлежащее применению арбитрами при решении спора по существу. Если нет соответствующих указаний сторон, арбитры будут использовать закон, установленный в соответствии с коллизионной нормой, которую они сочтут применимой. В обоих случаях арбитры станут руководствоваться положениями контракта и торговыми обычаями[1].

Аналогичные нормы содержатся в Законе РФ «О Международном Коммерческом Арбитраже», в п. 1 § 13 регламента МКАС, и в ряде правил зарубежных арбитражных институтов, например в п. 1 ст. 16 регламента по арбитражу и примирению Международного арбитражного суда Федеральной палаты экономики (Вена). В Законе РФ "О международном коммерческом арбитраже" говорится о том, что “во всех случаях арбитры принимают решение с учетом торговых обычаев”[2]. Аналогичное положение содержится и в п. 1 ст. 7 Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже. Приведенные положения позволяют сделать вывод, что арбитры при вынесении решения могут применить соответствующий обычай но своей инициативе в тех случаях, когда стороны в своем договоре не предусмотрели его применение.

Вместе с тем правила ряда зарубежных арбитражных институтов используют иной подход к определению применимого права. При отсутствии соглашения сторон о применимом праве они предусматривают использование так называемого прямого метода, согласно которому применимое право устанавливается арбитрами не через коллизионные нормы законодательства страны места проведения арбитража, а непосредственно, например на основе критерия "наиболее тесной связи" со спорным правоотношением[3]. Поэтому спрогнозировать решение арбитража на основе положений права, которое должно быть признано применимым для данного спора в силу национальных коллизионных норм, порой очень сложно. Арбитры, руководствуясь изложенными нормами Конвенции, законодательства, правилами соответствующего арбитражного института, могут прийти к иному выводу о примени-

[1] Европейская конвенция о внешнеторговом арбитраже 1961 года, п. 1 ст. VII
[2] Закон РФ "О международном коммерческом арбитраже" от 7.07.1993 года, п.3 ст.28
[3] Ст. 17 Арбитражного регламента МТП, ст. 24 Регламента Арбитражного института Торговой палаты Стокгольма.

мом праве и, как следствие, вынесенное ими решение окажется неожиданным для участников спора.

Следует заметить, что в практике МКАС обычно используют коллизионную норму российского законодательства, действующую на момент заключения договора, отношения из которого являются предметом спора. “Но даже в условиях существования такого "обычая" указанный арбитраж, рассматривая конкретный спор, при выборе коллизионных норм признал применимым правом право страны места заседания суда. В другом случае МКАС, исходя из конкретных обстоятельств дела, принял решение о применении к контракту купли-продажи не права страны продавца, а права государства места заключения контракта”[4].

Кроме того, следует учитывать, что в настоящее время в список арбитров МКАС введено значительное число иностранных юристов. Поэтому нельзя исключать, что состав арбитража с их участием может отступить от сложившейся практики МКАС и применить не российские, а иные коллизионные нормы.

Рассматривая теоретические аспекты вопроса применения права, упомянем, что существуют три подхода к выбору законодательства, удовлетворяющего потребности участников третейских правоотношений.

Первый, так называемый международный подход предполагает, что международный коммерческий арбитраж никак не, связан с законодательством страны проведения арбитражного разбирательства, а осуществляется исключительно; на, основе процедуры, разработанной самими сторонами арбитражного разбирательства.

Второй подход заключаются в том, что законодательство в месте проведения арбитражного разбирательства проводит различие между арбитражем международным и внутренним. Международный арбитраж, как правило, меньше связан с местом проведения арбитражного разбирательства, а поэтому законодатель может предусмотреть меньше оснований для судебного вмешательства и меньше императивных норм в законодательстве, регулирующем деятельность международного коммерческого арбитража.

Третий подход гласит, что существует только единый закон, регулирующий деятельность как международного арбитража, так и внутреннего, но это не мешает проводить модернизацию законодательства к выгоде обоих механизмов разрешения споров.

---

[4] Бардина М.П. Определение права, применяемого по существу спора в практике МКАС // Актуальные вопросы международного коммерческого арбитража. - М.2002. - С. 32.

Следует заметить, что эти три подхода представлены в реальной жизни. На примере отдельных стран можно наблюдать преимущества и недостатки этих трех моделей.

Классическая теория допускает, что стороны в принципе свободны в выборе права, регулирующего процедуру арбитражного разбирательства. Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. предоставляет равный статус арбитражному процессуальному праву как избранному сторонами, так и праву места проведения арбитражного разбирательства в установлении правил процедуры.

Французский гражданско-процессуальный кодекс предоставляет сторонам почти неограниченную свободу в выборе процедуры арбитражного разбирательства[5], как на основе специального соглашения, так и путем инкорпорации определенного набора правил в их арбитражное соглашение без какой бы то ни было ссылки на национальное процессуальное право. Если стороны не воспользовались своим правом на определение, процедуры; арбитражного разбирательства, французский ГПК предоставляет такие полномочия составу арбитража, рассматривающего данный спор. Французский ГПК предоставляет самые широкие полномочия сторонам для реализации их воли. Стороны арбитражного разбирательства могут выбрать в качестве процедуры арбитражного разбирательства, регламент. какого-либо арбитражного института, французское арбитражное процессуальное право для национального арбитража или же иностранное арбитражное право.

Обратимся к закону Англии "Об арбитраже" 1996 г. Основной чертой этого закона является то, что он не предписывает арбитрам и сторонам арбитражного разбирательства каких-либо установленных и определенных правил процедуры арбитражного разбирательства. Наоборот. Закон Англии 1996 г., в ясно выраженной форме, наделяет арбитров и стороны полномочиями самим определить процедуру арбитражного разбирательства, являющуюся наиболее приемлемой с учетом всех обстоятельств рассматриваемого дела, для того чтобы избежать необоснованной задержки и расходов[6]. Даже, более того, п. 5 ст. 4 предусматривает возможность для сторон избрать иностранное право в качестве применимого процессуального права к арбитражному разбирательству, в котором эти стороны принимают участие, но только в отношении тех положений Закона Англии "Об арбитраже", которые не являются императивными. Данный закон четко очерчивает тот круг вопросов и положений, которые являются безусловными и обязательными к применению независимо от того, предусмотрено ли договором между сторонами иное.

---

[5] Ст. 1494 ГПК Франции.

[6] Ст. 33 Закона Англии "Об арбитраже" 1996 г.

Подытоживая вышесказанное, сделаем вывод о том, что большинство арбитражных, законов придерживается принципа территориальности. Практика современного правотворчества в области международного коммерческого арбитража свидетельствует о том, что тенденция признания презумпции о том, что процессуальным правом, регулирующим арбитраж, является право места проведения арбитражного разбирательства, сохранится.

В иностранной доктрине, а также в арбитражной и судебной практике получила определенное распространение позиция, согласно которой применение обычаев международной торговли связывается с воплощением в жизнь теории "Lex mercatoria".

В основу этой теории положен тезис о независимой, обособленной от национальных систем права, совокупности юридических норм, регулирующих внешнеэкономические операции. В качестве источников "Lex mercatoria" называют международные конвенции, "модельные законы", служащие образцом для национальных систем права, а также международные торговые обычаи. В российской доктрине высказывается сдержанное отношение к этой теории. Нет ее безоговорочного признания и в иностранной литературе.

Необходимо также отметить, что Международным институтом унификации частного нрава (УНИДРУА) в 1994 году была завершена многолетняя работа над документом, получившим название "Принципы международных коммерческих договоров”. Этот документ не носит обязательного характера. Как сказано в его преамбуле, Принципы УНИДРУА подлежат применению, если стороны согласились, что их договор будет регулироваться ими”.

В Преамбуле предусматривается также возможность их применения, когда стороны согласились, что их договор будет регулироваться "общими принципами права lex mercatoria" или аналогичными положениями. Они могут использоваться и для решения вопроса, возникающего тогда, когда оказывается невозможным установить соответствующую норму применимого права, а также для толкования и восполнения международных унифицированных правовых документов.

Как говорится во введении, Принципы УНИДРУА не предполагают правительственного одобрения, они не являются обязательным документом и их применение, в конце концов, зависит от их убедительной авторитетности.

В практике МКАС имели место неоднократные случаи, когда спорящие стороны договаривались о применении к их отношениям положений и других документов, носящих рекомендательный характер, в том числе и указанных Принципов УНИДРУА.

Генов Николай Александрович
Магистрант Института государства и права
Тюменского государственного университета

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ПРАВОВЫХ УСЛУГ. РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ПРАВОВАЯ УСЛУГА» И «ЮРИДИЧЕСКАЯ УСЛУГА»

Правовые услуги играют особую роль в жизни любой страны, общества, да и каждого гражданина, в частности. В настоящее время нередки ситуации, когда применение знаний в сфере права необходимо. Следует упомянуть, что в соответствии с ч.1 ст.48 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи.

Несмотря на то, что основной Закон государства регламентирует право всех на квалифицированную юридическую помощь, какого-либо документа, детально регулирующего оказание такого рода услуг нет.

Причиной того, что до сих пор отсутствует единый нормативно-правовой акт, возможно, является большая разновидность правовых услуг. Следует отметить особенность, обуславливающую трудность в исследовании данного вопроса — наличие наряду с публичными элементами частноправовых, их пересечение и взаимовлияние.

Существует множество проблемных вопросов в отношениях по оказанию правовых услуг. Следует заострить внимание на некоторых из них.

Усиление договорных начал вызвал спор в юридической литературе относительно правовой природы данных видов услуг, что затрудняет проведение разграничения таких понятий, как «правовые услуги», «юридические услуги», «консультационные услуги». Сложившаяся ситуация является, как сказано выше, следствием отсутствия законодательного закрепления общего определения понятия «правовые услуги».

На сегодняшний день изучение права на квалифицированную юридическую помощь сводится, как правило, к анализу деятельности адвокатуры и нотариата в данной сфере, не затрагивая огромное количество новых форм юридической деятельности — так называемые иные формы оказания юридической помощи. Такое определение даётся в литературе. Более точного определения дать невозможно, так как они представляют открытый список различных видов деятельности юридических и физических лиц по оказанию платных юридических услуг.

По мнению Даниловой В.А., к правовым услугам можно отнести устные советы по правовым вопросам, поручения по ведению дел на предварительном следствии, ведение уголовных дел в судах первой, апелляционной,

кассационной и надзорной инстанций, ведение административных дел, посещение лица, содержащегося в местах лишения свободы, поручения по гражданским делам в судах первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, досудебная подготовка гражданских дел, представительство интересов граждан в государственных учреждениях и организациях, а также предоставление правовой информации с программным обеспечением в виде проблемно ориентированных баз данных, предоставление копий полных текстов нормативных актов, юридические консультации по всем отраслям права и т.д.[1]

Ввиду того, что в действующем законодательстве понятие «правовой услуги» не закреплено, в юридической литературе существует много подходов к определению данного понятия.

По мнению Козловой Н.В., оказание правовых услуг выражается в правовой помощи, состоящей из действий фактического характера.[2] Также данного взгляда придерживается А.Ю. Кабалкин.[3] Д.И. Степанов отмечает «фактический характер» правовых услуг.[4]

Проблема разграничения таких понятий как «юридическая услуга» и «правовая услуга» активно обсуждается среди ученых. Так, А.П. Гуляев отождествляет юридические и правовые услуги, отмечая при этом, что существует необходимость проведения различия между услугами юридического характера и юридическими (правовыми) услугами, а именно услуги, при оказании которых действия исполнителя приводят к приобретению заказчиком новых обязанностей или возникновению новых прав, относятся к услугам юридического характера. В то время как юридические (правовые услуги) обычно представляют собой консультационные услуги по правовым вопросам.

В литературе прослеживаются попытки обосновать объединение терминов «юридическая услуга» и «правовая услуга». Так, О. Снежко объединяет правовые и юридические услуги общим понятием «юридическая помощь». О. Снежко проводит разделение данных понятий по основаниям их возникновения:

- услуги, связанные с рассмотрением дела в суде (по уголовному, гражданскому, административному производству);

- услуги, связанные с необходимостью получения юридической консультации при возникновении конкретной жизненной ситуации.

---

[1] См.: Данилова В.А. Юридические и правовые услуги как формы оказания квалифицированной помощи в Росси // Законы России. - 2010. - № 10. - С. 58.

[2] См.: Козлова Н.В. Договор возмездного оказания правовых услуг // Законодательство. - 2002. - № 3. - С. 40.

[3] См.: Кабалкин А.Ю. Гражданско-правовые договоры в России. Общие положения: Курс лекций. - М., 2002. - С. 160.

[4] См.: Степанов Д.И. Услуги как объект гражданских прав // Российская юстиция. - 2000. - № 2. - С. 17.

По мнению того же О. Снежко основной отличительной особенностью юридических услуг является факт представительства в производстве по какому-либо делу, порождающий определенные права и обязанности для того, чьи интересы представляются и требующий от представителя совершения определенных действий в интересах представляемого.[1]

Нельзя не согласиться с тем фактом, что при даче консультации какой-либо жизненной ситуации с правовой точки зрения никак не может стать основанием возникновения обязанности для лица, осуществляющего подобную консультацию совершать какие-либо действия в интересах лица, обратившегося с просьбой о правовом анализе конкретной ситуации.

Как отмечает Данилова В.А., при оказании правовых и юридических услуг совершаются как фактические, так и юридические действия, но при оказании правовых услуг приоритет принадлежит совершению фактических действий, в то время как при оказании юридических услуг (представительство в суде) обязательно наличие юридических действий. Этим В.А. Данилова обосновывает нетождественность понятий «правовая услуга» и «юридическая услуга».[2]

Нам видится нецелесообразным разделение понятий «правовая услуга» и «юридическая услуга». Для обоснования нашей точки зрения, обратимся к этимологии понятия «юриспруденция». Юридическая услуга означает услуга в области юриспруденции. Юриспруденция (лат. juris prudentia «правоведение», от лат. jus, род.п. juris «право» и лат. prudential «предвидение», «знание») – это комплексная наука, изучающая сущностные свойства государства и права; совокупность правовых знаний; практическая деятельность юристов и система их подготовки. Таким образом, даже исходя из буквального перевода термина «юриспруденция» видно, что он основан на термине «право». Так же и с терминами «правовая услуга» и «юридическая услуга». По нашему мнению, эти понятия идентичны, и нельзя их разделять столь категорично. Понятия «правовая услуга» и «юридическая услуга» - это неразделяемые понятия, и уж тем более не противопоставляемые друг другу.

По мнению Н. Булатовой разграничение понятий «юридическая услуга» и правовая услуга» необоснованно, так как приводит к гипертрофированному размножению юридических терминов.[3] Многие авторы также придер-

---

[1] См.: Снежко О. Право на квалифицированную юридическую помощь // Юридический мир. - 2005. - № 8. - С. 65

[2] См.: Данилова В.А. Юридические и правовые услуги как формы оказания квалифицированной помощи в Росси // Законы России. - 2010. - № 10. - С. 58.

[3] См.: Булатова Н. Правовая природа юридических услуг // Нотариус. - 2009. - № 5.

живаются мнения о равнозначности понятий «юридическая услуга» и «правовая услуга», например А.П. Гуляев[1], Д.В. Музюкин[2], Д. Степанов[3].

Рациональным видится употребление единого термина «правовые (юридические) услуги». При этом подразделение по признакам совершения фактических и юридических действий, а также оказание услуг консультационного характера следует выразить отдельными терминами:

- «правовые (юридические) услуги, связанные с осуществлением фактических действий»;

- «правовые (юридические), связанные с осуществлением юридических действий»;

- «правовые (юридические) услуги консультационного характера»;

- «правовые (юридические) услуги смешанного характера» (совершение как юридических, фактических, так и консультационных действий).

На практике указанное выше разделение наиболее ярко проявляется в документальном закреплении указанных услуг. Речь идет о договоре. Некоторые авторы проводят различие между понятиями «правовая услуга», «юридическая услуга» и «консультационная услуга» по заключаемому договору при применении на практике такого рода отношений.

Так, Г. Шаров отмечает, что правовые услуги могут оказываться как в рамках договора возмездного оказания услуг (правовые консультации, составление документов), так и в рамках договора поручения. Так же Шаровым Г. выдвинута точка зрения, согласно которой договор на оказание правовых услуг можно считать смешанным.[4]

Интересна точка зрения Н.В. Козловой, согласно которой цивилистическая наука и судебная практика квалифицируют договор об оказании правовой помощи как разновидность договора возмездного оказания услуг.[5] При этом автором допускается существование смешанных договоров о правовом обслуживании: «на практике договора возмездного оказания услуг нередко сочетаются с другими договорами (подряда, комиссии, поручения и т.д.)».[6]

---

[1] См.: Гуляев А.П., Ривкин К.Е., Сарайкина О.В., Юдушкин С.М. Комментарий к Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». - М., 2004. - С. 160.

[2] См.: Музюкин Д.В. Указ. соч. С. 60.

[3] См.: Степанов Д. Кто будет платить и кому платить не будут. К вопросу о разработке оплаты юридических услуг // Хозяйство и право. - 2002. - № 1. - С. 59.

[4] См.: Шаров Г. Оказание юридической помощи бесплатно // Российская юстиция. - 2004. - № 6. - С. 45.

[5] См.: Ем В.С., Козлова Н.В. Правовые формы организации адвокатской деятельности (комментарии к ст. ст. 20 – 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») // Законодательство. - 2003. - № 9. - С. 11.

[6] .: Ем В.С., Козлова Н.В. Правовые формы организации адвокатской деятельности (комментарии к ст. ст. 20 – 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») // Законодательство. - 2003. - № 9. - С. 14.

Некоторые авторы полагают, что такой смешанный договор именуется договором об оказании юридической помощи. Так, М.В. Кратенко в качестве такого договора рассматривает представительство в суде, сопряженное с оказанием иных видов услуг, таких как составление жалоб, заявлений, ходатайств и др.[1]

Действительно, на практике нередко бывают ситуации, когда одному лицу (или нескольким лицам одновременно) требуется полное юридическое сопровождение при решении какой-либо жизненной проблемы. Так, например, обратившись в юридическую фирму, к частнопрактикующему юристу или к адвокату с какой-либо проблемой с целью достижения выгодного для себя результата, клиенту, как правило, первоначально требуется устная консультация (так сказать «зондирование» ситуации). Затем, если для решения возникшей проблемы требуется составить различного рода документы (письмо, исковое заявление, ходатайство и т.п.), то юрист, адвокат их составляет, совершая при этом те самые «фактические действия», о которых шла речь выше. И уже после этого приходит черед совершения «юридических действий», а именно представительство в суде, в результате которого у представляемого возникают права и обязанности (что и является основным критерием у многих авторов).

Следует отметить, что в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» закреплено, что «адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем». Данное соглашение между адвокатом и доверителем является гражданско-правовым договором. В статье 25 указанного Закона установлено, что соглашение об оказании юридической помощи имеет двойственную правовую природу – как договор поручения и как договор возмездного оказания услуг. Договор поручения следует заключать, когда речь идёт о представлении интересов клиента в конституционном, гражданском, уголовном, административном производстве и т.п. Договор возмездного оказания услуг следует заключать, когда речь идёт о таких видах услуг, как сопровождение сделок, устные консультации и разъяснения по юридическим вопросам, правовая экспертиза договоров и др.[2]

Мы поддерживаем мнение И.Л. Трунова о существовании двух форм договоров, на основании которых адвокат представляет интересы своего доверителя. Первая форма – договор поручения, заключаемый в случае оказания юридической помощь в виде выполнения представительских функций в различных судах, органах государственной власти, органах местного само-

[1] См.: Кратенко М.В. Договор об оказании юридической помощи // Юрист. - 2005. - № 1. - С. 20.

[2] См.: Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

управления, осуществление защиты по уголовным делам и др. Втора форма – договор возмездного оказания услуг, заключаемый в случае оказания юридической помощи в виде консультирования и оказания помощи по правовым вопросам, составление исковых заявлений, жалоб и других правовых документов.[1]

Основная дифференциация фактических, юридических действий, а также действий консультационного характера прослеживается на практике при применении того или иного типа договоров: договора поручения, договора возмездного оказания услуг, а также смешанного договора.

Таким образом, мы считаем нецелесообразным разделения понятий «правовая услуга» и «юридическая услуга» ввиду синонимичности данных понятий. Можно дать следующее определение правовых (юридических) услуг – юридические и (или) фактические действия квалифицированного специалиста в сфере права, направленные на достижение определенного результата, а также на удовлетворение потребностей правового (юридического) характера на возмездной основе.

Кислицина Ольга Владимировна
Тюменский государственный университет

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ СЕТЕВЫХ УСЛУГ В ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Развитие рынка услуг в России и зарубежных странах способствует развитию рынка в целом, что, в свою очередь сказывается на развитии экономики и государства, расширении возможностей участников предпринимательской деятельности, повышении уровня жизни населения. Одновременно с этим появляются проблемы в данном секторе экономики, в том числе и правового характера, связанные, прежде всего, с наличием пробелов в области законодательного регулирования отдельных правоотношений в сфере оказания услуг. Одним из таких пробелов, на наш взгляд, является отсутствие концептуального регулирования сетевых услуг, которые на сегодняшний день являются одной из самых активно развивающихся разновидностей услуг.

В первую очередь, следует отметить отсутствие понятия сетевых услуг в российском законодательстве. Общее понятие услуг как объекта гражданского оборота в гражданском законодательстве четко не приводится. Его можно сформулировать на основе анализа ст. 779 Гражданского кодекса Рос-

[1] См.: Трунов И.Л., Семеняко Е.В., Самойлов А.С. Настольная книга будущего адвоката: Пособие для подготовки к квалификационному экзамену на присвоение статуса адвоката. - М.: ИД «Юриспруденция», 2005. - С. 31.

сийской Федерации (далее – РФ): совершение за плату по заданию гражданина (юридического лица) для удовлетворения его нужд определенных действий или осуществление определенной деятельности, направленное на получение соответствующего положительного результата.

В Налоговом кодексе РФ для целей налогообложения понятие «услуга» раскрывается следующим образом: деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности (п. 5 ст. 38).

Ввиду отсутствия легального понятия сетевых услуг последнее на практике применяется к любым услугам, оказываемым сетью организаций (например, услуги сети гостиниц, ресторанов, химчисток и т.д.), а также к торговле через сеть магазинов, торговле электроэнергией электросетями. Кроме того, в качестве сетевых услуг рассматривается оказание услуг, продажа товаров посредством сети Интернет.

В частности, применение термина сетевых услуг по отношению к сетевой торговле во многом можно объяснить тем, что сам российский законодатель в некоторых актах смешивает понятия «товар» и «услуга». Например, согласно ст. 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» товаром признается объект гражданских прав (в том числе работа, ***услуга***, включая финансовую услугу), предназначенный для продажи, обмена или иного введения в оборот.

Сказанное подтверждает и тот факт, что на сегодняшний день российский законодатель при отсутствии легального определения сетевых услуг определяет понятие «торговая сеть» как совокупность двух и более торговых объектов, которые находятся под общим управлением, или совокупность двух и более торговых объектов, которые используются под единым коммерческим обозначением или иным средством индивидуализации (ст. 2 Федерального закона от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»).

Таким образом, в настоящее время в России понятие сетевых услуг трактуется достаточно широко, что, с одной стороны, свидетельствует о свободе рыночных отношений, с другой – об отсутствии концептуального, системного законодательного подхода к понятию и оказанию сетевых услуг, а, значит, и о возможности нарушений действующего законодательства и прав участников гражданского оборота, в том числе прав потребителей.

Исходя из выше сказанного, к сетевым услугам применяется действующее российское законодательство, регулирующее сферу услуг в целом: Гражданский кодекс, Закон о защите прав потребителей, Налоговый кодекс и другие нормативно-правовые акты.

В соответствии с применяемой нормативно-правовой базой применительно к сетевым услугам можно сформулировать следующие основные принципы их осуществления:

- свобода оказания услуг, свобода договора;
- равенство участников правоотношений;
- неприкосновенность собственности;
- недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела;
- беспрепятственное осуществление гражданских прав;
- уважение и соблюдение прав и законных интересов участников правоотношений, в том числе соблюдение прав потребителей;
- обеспечение восстановления нарушенных прав, их судебной защиты;
- недопустимость дискриминации, недобросовестной конкуренции;
- обеспечение лицензирования отдельных видов услуг и др.

Услуги в соответствии с гражданским законодательством могут оказываться как на возмездной, так и на безвозмездной основе. Для сетевых услуг, как они понимаются на практике, характерен, как правило, принцип возмездности.

Методами государственного регулирования сетевых услуг являются:

- развитие и совершенствование их нормативно-правового обеспечения;
- лицензирование отдельных видов услуг в установленном законом порядке;
- сертификация продукции потребительского назначения, услуг торговли и общественного (массового) питания в установленном порядке;
- реализация государственной монополии на отдельные виды услуг, установленной РФ, и введение отдельных необходимых и оправданных ограничений на оказание услуг;
- поддержка отечественных товаропроизводителей в сфере торговой деятельности и социально значимых видов торговой деятельности;
- финансирование в установленном порядке инвестиционных и инновационных проектов за счет бюджетных, внебюджетных источников, муниципальных заимствований на конкурсной основе;
- государственный контроль за соблюдением требований нормативных правовых актов РФ и ее субъектов;
- разработка и реализация комплексной программы развития отрасли и целевых программ в сфере потребительского рынка.

Согласно конкурентному праву России надзор и контроль за соблюдением законодательства о конкуренции, о естественных монополиях, о рекламе на рынке услуг (следовательно, и сетевых услуг) осуществляет Федераль-

ная антимонопольная служба (далее - ФАС), находящаяся в ведении Правительства РФ.

Функции надзора и контроля за соблюдением законодательства о защите прав потребителей на рынке услуг, а также лицензирования видов деятельности в соответствии со своей компетенцией выполняет Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. Служба находится в ведении Министерства здравоохранения и социального развития РФ.

Ввиду отсутствия специализированных правовых норм, регулирующих сетевые услуги, как было отмечено выше, повышается риск нарушения действующего законодательства и гарантированных им прав участников гражданского оборота. На практике выявляются случаи нарушения законодательства как субъектами, оказывающими сетевые услуги, так и иными субъектами, нарушающими права и интересы первых. Особенно ярко это проявляется в сфере торговых услуг.

Нередко торговые сети являются нарушителями законодательства о рекламе.

Так, например, в сентябре 2007 г. Управление ФАС по Новосибирской области приняло решение признать недостоверной информацию, которая размещалась в рекламных материалах ООО «ЭкспрессТорг» (сеть магазинов «Быстроном»[1]). По мнению сотрудников Управления, ритейлер слукавил в подсчетах, сравнивая цены в своих магазинах и магазинах конкурентов, после чего Управление занялось этим делом. Реклама была размещена в одном из местных деловых журналов и представляла собой опубликованные копии товарных чеков магазинов-конкурентов в сравнении с «Быстрономом».

В ходе рассмотрения дела комиссия Управления ФАС по Новосибирской области признала проведенное сравнение стоимости товаров различных торговых точек некорректным и нарушающим п. 1 ч. 2 ст. 5 Федерального закона от 13 июня 2006 г. №38-ФЗ «О рекламе». В частности, некорректность выразилась в сравнении одного вида товара разных производителей либо товаров, не идентичных по размеру или объему (например, сравнивались упаковки с консервированными ананасами с различным весом или мясная продукция разных производителей).

Решением Управления было выдано предписание о прекращении нарушения законодательства о рекламе, а также возбуждено дело об администт-

[1] Сеть «Быстроном» включает 9 магазинов формата «мягкий дискаунтер» средней площадью 2 тыс. кв. м в Новосибирске и Бердске (Новосибирская область). Владельцы - физические лица. Оборот не раскрывается. Магазины под этим же названием работают также в Алтайском крае, Кемерове и Томске, однако принадлежат другим владельцам.

ративном правонарушении. Коммерческий директор «Быстронома» Т. Герасько сообщил в СМИ, что его компания согласится с решением Управления и не будет подавать апелляцию.[1]

Подобные нарушения действующего законодательств, как представляется, во многом обусловлены отсутствием законодательства, регламентирующего сетевые услуги в целом.

Таким образом, в настоящее время в Российской Федерации отсутствует достаточная и необходимая нормативно-правовая база, регламентирующая сетевые услуги, что, безусловно, отрицательно сказывается на самом рынке услуг и на соблюдении прав участников гражданского оборота, включая потребителей. Думается, что принятие необходимых нормативно-правовых актов, направленных на урегулирование рынка сетевых услуг на основе имеющегося положительного эффективного опыта стран Европейского Сообщества будет способствовать как развитию самого этого рынка, соблюдению прав потребителей, так и выработке единых, гармонизированных подходов в Европе к регламентации рыночных отношений.

Коков Алексей Игоревич
Курганский государственный университет

ОТКАЗ РОДИТЕЛЕЙ ОТ РЕБЁНКА И ОТКАЗ РЕБЁНКА ОТ РОДИТЕЛЕЙ КАК ЯВЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ДЕФОРМАЦИИ

«Хочу отказаться от матери как человека, который вычеркнул меня из своей жизни. Мне 17 лет, как я могу юридически это оформить? Цель – избежать ее материальных притязаний в будущем, когда она станет немощной и все, на кого она меня променяла, от нее отвернутся».

«Я отец своей 20-летней дочери. Имею желание документально отказаться от своего совершеннолетнего ребенка. Возможно ли оформить это и получить новое свидетельство о рождении с указанием единственного родителя – её матери, так как желание обоюдно вместе с ребенком?».[2]

Такие записи можно найти на многих форумах в Интернете.

Отцовство и материнство – это биологическое происхождение от определенного лица, а не желание считаться таковым.

Отказ от родительских прав по действующему законодательству невозможен.

Есть следующие варианты законодательного вмешательства с систему отношений «родитель – ребёнок».

---

[1] См.: http://www.fas.gov.ru/article/a_15184.shtml.

[2] http://forum.na-svyazi.ru/?showtopic=207022; http://forum.yurclub.ru/index.php?showtopic=174258

Во-первых, ***лишение родительских прав***. Оно не снимает с родителя, лишённого родительских прав, обязанности, предусмотренные Семейным кодексом Российской Федерации[1] (далее – СК РФ), в том числе алиментную обязанность. Но лишить родителя родительских прав могут в отношении несовершеннолетних сына или дочери. Но если до совершеннолетия детей остаётся мало дней, то в судебное разбирательство они могут войти уже как совершеннолетние.

Во-вторых, если речь об ***усыновлении***, на которое родитель дал согласие (ст. 129 СК РФ), то правовые последствия другие. Все личные и имущественные права и обязанности между родителем и усыновленным лицом прекращаются. Этот «отказ» называется разрешением на усыновление ребенка другим лицом, которое может быть выражено непосредственно в суде при производстве усыновления. На совершение такого отказа сегодня могут «убедить» своих родителей сами дети, но только несовершеннолетние.

Ещё одним «отказом» считают логически не верную формулировку названия документа, требуемого для срочной приватизации, а именно ***отказ от совершеннолетнего члена семьи***, то есть здесь речь идёт о добровольном отказе совершеннолетнего лица (в том числе совершеннолетнего ребёнка) от участия в приватизации, выраженном в письменном документе.

Проблема и в том, что законом установлены моменты, которые способствуют «отказу от родителя» и «отказу от ребёнка»:

1. Так, например, отец может обратиться с иском к матери об оспаривании отцовства, а та – признать иск. При этом, однако, суд может признание иска в такой ситуации и не принять, поскольку оно нарушает права ребенка и потребовать от истца доказательств. Но может и принять.

2. По абз. 3 п. 1 ст. 14 Федерального закона от 15 ноября 1997 года № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (далее – ФЗ № 143-ФЗ) при родах вне медицинской организации и без оказания медицинской помощи основанием для государственной регистрации рождения является заявление лица, присутствовавшего во время родов, о рождении ребенка. В такой ситуации возможна подмена лица-родителя (матери) другим лицом, не являющимся родителем (матерью), то есть другое лицо (в том числе, сама мать ребёнка, не желающая воспитывать его) может выступить этим свидетелем, а реальный свидетель-женщина (или другое лицо) «назваться» матерью ребёнка. Впоследствии такая «лжемать» может, сославшись на п. 4 ст. 14 ФЗ № 143-ФЗ, отказаться от ничего не подозревающего ребёнка, в том числе, со-

[1] Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ // СЗ РФ, 01 января 1996, № 1, ст. 16

вершеннолетнего, потребовав установления факта рождения ребенка данной женщиной (то есть ей самой), который естественно не подтвердится.

3. В случае, если родители ребенка не состоят в браке между собой, сведения о матери в запись акта о рождении ребенка вносятся в порядке, установленном п. 1 ст. 14 ФЗ № 143-ФЗ, а сведения об отце ребенка в данном случае вносятся по заявлению матери ребенка в случае, если отцовство не установлено. Таким образом, отцом можно назвать любого человека (как знакомого матери, так и неизвестного лица). Если это (реальное) лицо, давшее согласие на внесение себя в качестве отца в свидетельство о рождении ребёнка и его воспитание, решит «отказаться» от воспитания ребёнка, в том числе, совершеннолетнего, то внесённые сведения не являются препятствием для решения вопроса об установлении факта отцовства (со ссылкой на п. 3 ст. 17 ФЗ № 143-ФЗ), который также не подтвердится.

Итак, «отказ» – бытовое понятие. В соответствии с семейным законодательством «отказаться» от родителя и «отказаться» от ребенка, как совершеннолетнего, так и несовершеннолетнего невозможно ни родственнику, ни свойственнику. Можно, например, завести свою семью, сменить место жительства, фамилию. Но есть проблемные вопросы (правовая деформация семьи) которые невозможно сопроводить полной правовой регламентацией, однако, их нужно иметь в виду и быть готовыми к их разрешению.

Поспелов Борис Иванович
Курганский государственный университет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОВОГО АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПОРЯДКА ПРОВЕРКИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

В доктрине гражданского процессуального права необходимость апелляционного производства, как единой стадии гражданского процесса, его значимость и важность в обеспечении эффективности судопроизводства, реализации права на судебную защиту, не подвергается сомнению. Спорными являются вопросы, которые на протяжении последних двадцати лет были предметом научных исследований и дискуссий, такие как, соответствие инстанционных производств, в частности апелляции и кассации, определенным стадиям гражданского процесса, эффективности апелляционного производства, его модели, наиболее приемлемой для национальной правовой системы с учетом реалий российской правовой действительности[1].

[1] См.: Борисова Е.А. Апелляция в гражданском « арбитражном» процессе. - М.: Издательский Дом «Городец», 2008. Жилин Г.А. Апелляция: полная и неполная //ЭЖ-Юрист. - 2003. - №21. Шакирьянов Р.В. Рас-

Причиной этих дискуссий явилась правовая регламентация проверочных производств, закрепленная в действующем Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации[1], где в рамках одной стадии гражданского процесса предусмотрены два, отличных друг от друга, способа обжалования судебных решений, не вступивших в законную силу. При этом, решения мировых судей подлежат обжалованию в апелляционном порядке, а решения федеральных судов в кассационном.

С чем связаны такие различия, и как это соотносится с теоретическими положениями гражданского процессуального права, принципиально разграничивающими эти виды проверочных производств?

Эти вопросы, а также вопросы нового правового регулирования апелляционного производства, которое на основании Федерального закона от 9 декабря 2010г. № 353 «О внесении изменений в Гражданский процессуальный Кодекс РФ» (далее Закон)[2] подверглось существенному реформированию, и являются предметом настоящей статьи.

Указанным Законом, с 1 января 2012 года в гражданском процессе устанавливается аналогичный с арбитражным процессом апелляционный порядок проверки не вступивших в законную силу судебных решений, которым присущи общий подход законодателя к унификации проверочных производств и практически одинаковая детальная регламентация совершаемых судами процессуальных действий. В свою очередь кассационному производству отведено его «классическое» место в гражданском судопроизводстве - как производству по проверке вступивших в законную силу судебных решений.

При этом, если обратиться к гражданскому судопроизводству России до 1917 года, то в нем были как апелляционный, так и кассационный способы проверки судебных решений[3], заимствованные из правовых систем стран континентальной Европы, придерживающихся романской системы[4].

Апелляционный способ проверки, известный еще римскому праву и получивший свое дальнейшее развитие в странах Западной Европы, в меньшей степени в Англии[5], всегда предусматривал последующую проверку не вступившего в законную силу судебного решения.

смотрение гражданских дел в апелляционном и кассационном порядке по новому ГПК РФ//Право и экономика. - 2003. - №7.

[1] ГПК РФ от 14 ноября 2002г//СЗ РФ. 2002. № 46. Ст.4532 (с посл. изм.).

[2] Российская газета. - № 281. - 13.12.2010.

[3] Борисова Е.А. Апелляция в гражданском (арбитражном) процессе. - М.: Издательский Дом «Городец», 2008. - С. 41.

[4] Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. - М.: Междунар. отношения, 2009. - С. 133.

[5] См. напр.: Борисова Е.А. Указ. соч. - С.22.

Кассационная система пересмотра дел возникла во Франции, а затем была воспринята многими государствами[1], в том числе и Россией, ее назначение было обусловлено проверкой вступивших в законную силу постановлений судов первой и второй инстанций.

Этот сложившийся веками порядок проверки судебных постановлений определил правовые стандарты проверочных производств, а исследования ученых, в том числе и российских начала XX века А.К. Рихтера, Т.М. Яблочкова, И.Е. Энгельмана создали и закрепили концептуальные положения этих правовых институтов, которые в настоящее время получили свое развитие в исследованиях видных российских правоведов, таких как Е.А. Борисовой, Г.А. Жилина, В.М. Жуйкова, Л.А. Тереховой, Р.В. Шакирьянова и многих других.

В России, отступление от этого порядка определяющего регламент проверочных производств, было вызвано Октябрьской революцией 1917 года, в результате которой апелляция была упразднена, а вместо нее Декретом СНК от 24 ноября 1917 г. № 1 «О суде»[2] была образована кассация - «своеобразная, не имеющая аналогов в мировой юридической практике система пересмотра обжалованных судебных решений, не вступивших в законную силу»[3].

Несомненно, что такой «не правовой характер пролетарского права»[4], с точки зрения науки, однозначно не вписывался в теоретические постулаты проверочных производств, что вполне объяснимо, учитывая определяющую на тот момент роль марксистко-ленинской идеологии в формировании национальной правовой системы.

Об этом прямо свидетельствует и выступление Председателя Верховного Суда РСФСР П.И. Стучки на 5-м Всероссийском съезде деятелей юстиции в 1924 г. где он сообщил: « Я грешен в том, что в декрет № 1 вписал это слово «кассация»….кассационный порядок взят из Франции, где имеется наиболее буржуазный, наиболее классовый суд… Наш суд не есть кассационный суд, он скорее ревизионный, хотя и это название ему не подходит»[5].

Так, в 1917 году был образован новый правовой институт, именуемый в науке «советской кассацией», который в 1995 году под влиянием политических событий в стране был существенно реформирован, что позволило одним

---

[1] Гражданский процесс/Отв.ред. В.В. Ярков,7-е изд. - М.: Волтерс Клувер, 2009. - С.526.

[2] Декреты Советской власти. - М., 1957. - Т.1. - С.124

[3] Викут М.А., Зайцев И.М. Гражданский процесс: Курс лекций. - Саратов, 1998. - С.279

[4] Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. - М.: Норма, 1997. - С 163 -193.

[5] Клейнман А.Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. - М.1961. Гражданский процесс. Хрестоматия: Учебное пособие. 2-е изд./ Под ред. проф. М.К. Треушникова. - М.:ОАО «Издательский Дом «Городец», 2005. - С. 650.

ученым утверждать, что кассационное производство фактически стало неполной апелляцией, другим, что оно приобрело черты апелляционного производства[1].

Их выводы основывались на том, что в связи с изменениями, внесенными в 1995г. в Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее ГПК РФ)[2], суд кассационной инстанции был наделен правами по самостоятельной оценке доказательств, как имеющихся в деле, так и дополнительно представленных сторонами, и как следствие этих полномочий - право устанавливать новые факты. Кроме этого, расширены основания для вынесения кассационным судом нового решения, а главное произошел переход от «следственной» модели гражданского процесса к состязательной, что повлекло уменьшение в процессе активной роли суда и расширение диспозитивных полномочий сторон, наполнение их новым содержанием.

Но как бы ни пытался законодатель сблизить кассационное производство с апелляционным, наделяя его апелляционными чертами, оно таковым не станет даже по определению, не говоря уже о принципиальных правовых отличиях, поэтому законодательное закрепление в гражданском судопроизводстве единого способа проверки не вступивших в законную силу судебных решений является важным и необходимым шагом на пути реформирования процессуального законодательства.

Вместе с тем, целью настоящей статьи является не только констатация значимости и необходимости законодательной новеллы, обусловленной наличием положительных качеств вводимого апелляционного порядка, а то, чтобы обратить внимание законодателя на ряд положений Закона, нуждающихся в более четкой правовой регламентации и требующих кардинальных изменений в части объема полномочий апелляционного суда.

В первую очередь обращает на себя внимание, отсутствие у суда апелляционной инстанции полномочий по направлению дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции, в случае отмены судебного решения (статья 328 ГПК РФ, в редакции, которая будет действовать с 1 января 2012г.).

Спорный характер такого законодательного запрета очевиден и судебной практике известны случаи, когда в рамках ныне действующего гражданского процессуального закона, аналогичный подход законодателя не находил такого однозначного понимания его правоприменителями.

---

[1] См.: Борисова Е.А. Апелляция в гражданском « арбитражном» процессе. - М.: Издательский Дом «Городец», 2008. Жилин Г.А. Апелляция: полная и неполная //ЭЖ-Юрист. 2003. №21. Шакирьянов Р.В. Рассмотрение гражданских дел в апелляционном и кассационном порядке по новому ГПК РФ//Право и экономика. - 2003. - №7.

[2] Собрание законодательства Российской Федерации 1995. №49.Ст.4696.

Так, сначала Верховный Суд РФ в 2003 году указал на возможность отмены решения мирового судьи с направлением дела на новое рассмотрение в случае нарушения правил о подсудности[1]. А впоследствии и Конституционный Суд РФ своим постановлением от 21 апреля 2010 года № 10-П признал не соответствующими Конституции РФ взаимосвязанные положения ч.1 ст.320, ч.2 ст.327 и ст.328 ГПК РФ в той мере, в какой не предусматривают правомочие суда апелляционной инстанции направлять гражданское дело на новое рассмотрение в тех случаях, когда мировой судья рассмотрел дело в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных о времени и месте судебного заседания, или разрешил вопрос о правах и об обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле[2].

В связи с этим, представляется целесообразным обратиться к процессуальным правовым системам стран континентальной Европы, отечественной доктрине процессуального права, чтобы путем сравнения одноименных правовых институтов, исследовать объем спорных полномочий судов апелляционной инстанции.

Так, апелляционные полномочия в виде направления дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции, в случае отмены судебного решения, имеют соответствующие суды Австрии, Германии, Литвы и др[3].

Здесь необходимо оговориться, что законодательство этих стран предусматривает в гражданском судопроизводстве неполную апелляцию, которая направлена «не на новое разбирательство дела, а на проверку судебного решения»[4]. Для нее характерным является ограничения на предоставление сторонами новых доказательств в суд апелляционной инстанции.

Полная апелляция, к которой можно отнести апелляционное производство Англии, Бельгии, Польши, Франции[5], также действующее в настоящее время в России, предусматривает повторное рассмотрение дела по существу, проверку законности и обоснованности решения суда первой инстанции, при этом стороны вправе представлять в суд апелляционной инстанции новые доказательства без каких либо ограничений. В исключительных случаях допускается возможность направления дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

---

[1] Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2003. - № 3. - С.21-22.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2010г. по делу о проверке конституционности ч.1 ст. 320, ч.2 ст.327 и ст.328 ГПК РФ в связи с жалобами гр. Алейниковой Е.В. и ООО «Три К» и запросами Норильского городского суда Красноярского Края и Центрального районного суда г. Читы // СЗ РФ 2010. № 19. Ст.2357

[3] Борисова Е.А. Указ. соч. - С. 70-71.

[4] Борисова Е.А. Указ. соч. - С. 61.

[5] Борисова Е.А. Указ. соч. - С.70-71.

В связи с изложенным, представляется вполне логичным и убедительным вывод профессора Е.А. Борисовой о том, что направление дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции в случае отмены решения апелляционным судом, допустимо независимо от вида апелляции[1].

В отношении правовой природы нового апелляционного производства, которое будет применяться в российском гражданском процессе с 1 января 2012г., следует отметить, что ему присущи признаки как полной, так и неполной апелляции, при этом основной порядок проверки судебных решений представляет собой неполную апелляцию. Однако, в случае отмены судебного решения и рассмотрения дела по существу по правилам суда первой инстанции, допускается представление сторонами новых доказательств, что уже в свою очередь характерно для полной апелляции.

При этом, представляет интерес вопрос о возможности рассмотрения судом апелляционной инстанции по существу дела, по которому судом первой инстанции были допущены существенные нарушения процессуальных требований, однозначно свидетельствующие о правовой несостоятельности судебного решения. Или, процессуальные нарушения, влекущие безусловную отмену судебного решения.

В качестве примера достаточно представить эмоциональное и психологическое состояние ответчика, без надлежащего извещения и в отсутствии которого, не в его пользу, было вынесено решение, чтобы сделать вывод о проблеме, связанной не только с последствиями нарушения гражданской процессуальной формы, но и с ненадлежащим осуществлением правосудия.

Подобные действия суда не соответствуют задачам гражданского судопроизводства, которое в силу статьи 2 ГПК РФ должно способствовать формированию уважительного отношения к закону и суду, укреплению законности и правопорядка.

Поэтому отмена судебного решения и направление дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции предполагает не только восстановительную функцию права, это имеет и моральный аспект, позволяющий гражданину по иному оценить значимость и справедливость правосудия, что в полной мере соответствует задачам гражданского судопроизводства. Необходимо отметить и то, что при ином подходе, воспитательная роль правосудия была бы лишена всякого здравого смысла.

Примечательно, что еще в 1912 году, ученый процессуалист И.Е. Энгельман допускал возможность отмены судебного решения с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции в случае «…нарушения

[1] Борисова Е.А. Указ. соч. С.70.

основных начал производства, лишающего его характера судебного. Решение постановленное при таких условиях нельзя признать судебным решением: оно ничтожно»[1].

При этом, для ответчика без надлежащего извещения и в отсутствии которого судом первой инстанции было рассмотрено дело, единственным судом, в нарушение правил о подсудности, в дальнейшем будет только апелляционный суд, что входит в противоречие с ч.1 ст.47 Конституции РФ, в соответствии с которой никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации, поэтому в силу ч.1 ст.15 ей не должны противоречить Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации.

Кроме этого, обращает на себя внимание и то, что решение, вынесенное судом апелляционной инстанции при рассмотрении дела по существу, может быть обжаловано только в порядке надзора.

Такой подход исключает повторную проверку решения судом апелляционной инстанции, так как этим судом по правилам суда первой инстанции дело уже было рассмотрено, после чего решение вступило в законную силу. Далее возможна его проверка в порядке надзора, который являясь чрезвычайным способом обжалования, имеет более узкий предмет проверки, ограниченный исключительно вопросами права.

При этом в теории гражданского процессуального права давно отмечено, что «деятельность суда проверочной инстанции не должна подменять собой деятельность суда первой инстанции. Положение о двойной подсудности дела требует последовательного его прохождения сначала через суд первой инстанции, затем суд второй инстанции. Каждый из судов выполняет свои задачи: один суд рассматривает и разрешает спор по существу, другой – проверяет законность и обоснованность судебного решения путем вторичного рассмотрения дела по существу»[2].

И если законодательство некоторых стран закрепляет подобные спорные полномочия апелляционной инстанции, то это связано со спецификой правовых систем, их особенностями. Например, во Франции апелляционный суд не имеет полномочий по направлению дела на новое рассмотрение, однако изучение такого опыта свидетельствует о неприемлемости его для России,

---

[1] Энгельман И.Е. Курс русского гражданского судопроизводства 1912 г.// Гражданский процесс. Хрестоматия: Учебное пособие. 2-е изд./ Под ред. проф. М.К. Треушникова. - М.: ОАО «Издательский Дом «Городец», 2005. - С. 644.

[2] Борисова Е.А. Указ. соч. - С.197.

учитывая иной концептуальный подход законодателя к идее апелляционного производства Франции, которое направлено не на проверку постановления суда первой инстанции, а на дальнейшее развитие и разрешение спора[1].

Таким образом, соответствующее регулирование спорного вопроса в разных правовых системах, его определенное теоретическое осмысление в науке гражданского процессуального права и практические шаги в этом направлении судебной практики, позволяют признать обязательным право апелляционного суда направить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции в случаях существенных нарушений процессуальных норм, влекущих безусловную отмену судебного решения.

Кроме этого, необходимо обратить внимание и на недостаточную правовую регламентацию следующего положения Закона.

Согласно п.5 ст.330 ГПК РФ[2] при наличии безусловных оснований для отмены решения суда, суд апелляционной инстанции отменяет его и переходит к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции, для чего выносит определение о проведении необходимых действий т.е. фактически проводит подготовку дела к судебному разбирательству.

Очевидно, что в указанном случае характер гражданской процессуальной формы требует строгого оформления процессуальных действий, совершаемых судом. Поэтому, в случае отмены решения суда, суд апелляционной инстанции должен вынести соответствующее определение, в котором указать факт нарушения и констатировать процессуальные последствия, после чего вынести другое определение о подготовке дела для рассмотрения его по существу. Иными словами, должна быть процессуальная норма, определяющая полномочия суда, связанные с отменой судебного решения и переходом к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции, однако такой нормы ст.328 ГПК РФ не содержит.

Согласно данной статье, суд апелляционной инстанции по результатам рассмотрения апелляционных жалоб, представлений вправе:

1) оставить решение суда первой инстанции без изменения, апелляционные жалобу, представление без удовлетворения;

2) отменить или изменить решение суда первой инстанции полностью или в части и принять по делу новое решение;

3) отменить решение суда первой инстанции полностью или в части и прекратить производство по делу либо оставить заявление без рассмотрения полностью или в части;

---

[1] См. подробнее Борисова Е.А. Указ. соч. - С.197-198.

[2] Здесь и далее указаны статьи ГПК РФ, которые вступают в силу с 1 января 2012г.

4) оставить апелляционные жалобу, представление без рассмотрения по существу, если жалоба, представление поданы по истечении срока апелляционного обжалования и не решен вопрос о восстановлении этого срока;

Как видно, ни одно из этих оснований не подходит, поэтому в целях более точного закрепления процессуальных полномочий суда апелляционной инстанции целесообразно внести изменения в Закон дополнив статью 328 ГПК РФ пунктом 5 следующего содержания: « отменить решение суда и перейти к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции», который будет корреспондироваться с пунктом 5 статьи 330 ГПК РФ и определять процессуальные действия суда после отмены судебного решения.

Это обстоятельство, направленное на юридико-техническое совершенствование процессуальной нормы имеет практическое значение, поскольку более точно отражает объем процессуальных полномочий суда апелляционной инстанции.

Фельдшеров Дмитрий Александрович
Курганский государственный университет

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЮЗА РАБОТНИКОВ ОРГАНОВ БЕЗОПАСНОСТИ РФ

В настоящее время деятельность профессионального союза работников госбезопасности регулируется «Отраслевым соглашением по Федеральной службе безопасности Российской Федерации на 2008 – 2010 годы» и «Соглашением о продлении действия и внесении изменения в Отраслевое соглашение по Федеральной службе безопасности Российской Федерации на 2008-2010 годы» (регистрация в Федеральной службе по труду и занятости № 160/10-13 от 23.12.10)[1].

Стоит отметить, что сторонами данного соглашения являются работники - члены профсоюза только из числа гражданского персонала, государственных гражданских служащих органов федеральной службы безопасности в лице их представителя - Профессионального союза работников органов безопасности Российской Федерации, а также лица из числа гражданского персонала и государственных гражданских служащих органов ФСБ, не являющиеся членами профсоюза, которые уполномочили Профсоюз представлять их

[1] Соглашение о продлении действия и внесении изменения в Отраслевое соглашение по Федеральной службе безопасности Российской Федерации на 2008 - 2010 годы // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» // http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=110400

интересы во взаимоотношениях с работодателем; работодатели (представители работодателя) в лице их представителя - ФСБ Российской Федерации.

Отраслевое соглашением по Федеральной службе безопасности Российской Федерации на 2008 – 2010 годы было разработано на основе Конституции Российской Федерации, Трудового кодекса Российской Федерации, федеральных законов от 12 января 1996 года № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», от 3 апреля 1995 года № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», Положения о Федеральной службе безопасности Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 11 августа 2003 года № 960 «Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации», Устава Профессионального союза работников органов безопасности Российской Федерации, утвержденного III съездом Профсоюза 17 февраля 1996 года, иных законодательных, нормативных правовых актов Российской Федерации и локальных нормативных актов.

Данное соглашение является правовым актом, регулирующим в пределах компетенции сторон на отраслевом (ведомственном) уровне социально-трудовые и связанные с ними экономические и профессиональные отношения, определяющим обязательства и ответственность сторон за обеспечение социальных гарантий работников подразделений ФСБ России, территориальных органов безопасности, органов безопасности в войсках, пограничных органов, других органов безопасности, а также учреждений и подразделений, предназначенных для обеспечения деятельности федеральной службы безопасности[1].

Предметом Соглашения являются вопросы развития социального партнерства, обеспечения условий и охраны труда, оплаты труда, занятости, переобучения, условий высвобождения работников, режима рабочего времени и времени отдыха, обеспечения социально-трудовых гарантий и льгот работников.

При отсутствии в органах безопасности первичных профсоюзных организаций, а также при наличии профсоюзных организаций, объединяющих менее половины работников, для представления интересов всех работников в социальном партнерстве на локальном уровне на общем собрании (конференции) работников тайным голосованием может быть избран из числа работников иной представитель (представительный орган).

[1] Сырейщиков Ю. Н. Профсоюз работников органов безопасности. История, проблемы, развитие. - М., 2005. - С. 5-6.

С целью обеспечения социальных гарантий работников профсоюзные организации органов безопасности вправе участвовать в разработке трудовых договоров.

При оформлении допуска работника к сведениям, составляющим государственную тайну, с ним заключается договор об оформлении допуска к осуществлению работ с использованием сведений, составляющих государственную тайну, где в соответствии с законодательством Российской Федерации могут быть установлены дополнительные ограничения прав работника.

При заключении трудового договора работник должен быть под роспись ознакомлен с условиями предстоящей работы, правилами внутреннего трудового распорядка, нормативными правовыми актами и локальными нормативными актами, регламентирующими условия труда и его оплаты, существующим риском повреждения здоровья и положенными компенсациями и льготами за работу во вредных и (или) опасных условиях труда, Соглашением и коллективным договором.

Работодатель обязуется в письменной форме сообщать выборному профсоюзному органу и в органы службы занятости не позднее, чем за два месяца до начала сокращения численности или штата работников, а в случае, если это может привести к массовому увольнению работников, - не позднее, чем за три месяца до начала проведения соответствующих мероприятий. Критериями массового увольнения работников являются: ликвидация органа безопасности с численностью работающих 15 и более человек; сокращение численности или штата работников в количестве 50 и более человек в течение 30 календарных дней. Работодатель обязан предупредить работника персонально под роспись не менее чем за два месяца о предстоящем высвобождении в связи с ликвидацией организации, сокращением численности или штата работников.

Работнику, получившему уведомление о предстоящем увольнении, по согласованию с работодателем предоставляется свободное время в течение рабочего дня с сохранением заработной платы (не менее 4 часов в неделю) для поиска нового места работы.

Работодатель обязуется предложить работнику имеющиеся вакантные должности в соответствии с его квалификацией, опытом работы и состоянием здоровья. При их отсутствии способствовать его трудоустройству в других органах безопасности, в том числе при посредничестве органов службы занятости.

Стоит обратить внимание на то, что профсоюз работников органов госбезопасности обязуется содействовать трудоустройству высвобождающихся по сокращению численности или штата работников, используя возможности

Фонда содействия занятости и охраны труда «Столица» Московской Федерации профсоюзов, органов службы занятости, а также берет на себя обязательство оказывать юридическую помощь работникам по вопросам предоставления льгот и гарантий при их высвобождении.

Кроме того, в дополнение к категориям лиц, указанных в статье 179 ТК России, преимущественное право на оставление на работе при сокращении численности или штата работников имеют также следующие работники:

1) предпенсионного возраста (3 года и менее до пенсии);

2) работники, воспитывающие детей до 16-летнего возраста без отца (матери);

3) проработавшие в органах безопасности свыше 20 лет;

4) родители, воспитывающие детей-инвалидов.

В органах безопасности, где работа не может быть организована по графикам пяти или шестидневной рабочей недели, применяются графики сменности, обеспечивающие непрерывную работу персонала сменами равной продолжительности. В случае выполнения работ за пределами установленной продолжительности рабочего времени работнику производятся соответствующие выплаты, предусмотренные трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права.

Указанные графики утверждаются руководителями органов безопасности и председателями выборных профсоюзных органов и прилагаются к коллективным договорам.

Трудовой распорядок определяется правилами внутреннего трудового распорядка в органах безопасности в соответствии со статьей 189 ТК России.

В соответствии со статьей 92 ТК России для отдельных категорий работников устанавливается сокращенная продолжительность рабочего времени, а по соглашению между работником и работодателем в соответствии со статьей 93 ТК России может устанавливаться как при приеме на работу, так и впоследствии неполный рабочий день (смена) или неполная рабочая неделя.

При работе на условиях неполного рабочего времени оплата труда работника производится пропорционально отработанному им времени или в зависимости от выполненного им объема работ.

В соответствии со статьей 101 ТК России отдельные работники могут по распоряжению работодателя при необходимости эпизодически привлекаться к выполнению своих трудовых функций за пределами установленной для них продолжительности рабочего времени (особый режим работы).

В соответствии с Отраслевым соглашением, женщинам, имеющим детей в возрасте до 14 лет, по их просьбе и ходатайству профсоюзной органи-

зации решением работодателя ежегодный оплачиваемый отпуск предоставляется в течение года в удобное для них время.

Работникам, занятым на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, медицинским работникам, а также тем, кто имеет особый характер работы, или работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, или работникам с ненормированным рабочим днем по согласованию с выборным профсоюзным органом устанавливаются дополнительные оплачиваемые отпуска в соответствии с законодательством Российской Федерации, локальными нормативными актами, Соглашением, коллективным договором.

Количество дней дополнительных оплачиваемых отпусков определяется в соответствии со «Списком производств, цехов, профессий и должностей с вредными условиями труда», дополнениями к нему, а также другими нормативными актами и локальными нормативными актами, с участием выборного профсоюзного органа.

В соответствии с Отраслевым соглашением, работникам, имеющим общий трудовой стаж в органах государственной безопасности (КГБ при СМ СССР, КГБ СССР, АФБ РСФСР, МСБ, МБ России, ФСК России, ФСБ России, ФПС России, КПС, ФАПСИ, ФСО России, СВР России, Службе специальных объектов при Президенте Российской Федерации, их органах и войсках, далее - органы государственной безопасности), включающий военную службу и государственную гражданскую службу, 20 и более лет, предоставлять по ходатайству выборного профсоюзного органа дополнительно к ежегодному основному оплачиваемому отпуску дополнительный оплачиваемый отпуск продолжительностью 3 календарных дня[1].

Работодатель обязан на основании письменного заявления работника предоставить отпуск один раз в календарный год без сохранения заработной платы:

1) участникам Великой Отечественной войны - до 35 календарных дней;

2) работающим пенсионерам по старости (возрасту) - до 14 календарных дней;

3) родителям и женам (мужьям) военнослужащих, погибших или умерших вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при исполнении обязанностей военной службы, либо вследствие заболевания, связанного с прохождением военной службы - до 14 календарных дней;

---

[1] Отраслевое соглашение по Федеральной службе безопасности Российской Федерации на 2008 - 2010 годы // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» // http:/ base. consultant.ru /cons/ cgi / online.cgi ?req = doc; base=LAW;n=110421;fld=134;dst=4294967295

4) работающим инвалидам - до 60 календарных дней;

5) ветеранам военной службы и ветеранам труда, проработавшим (прослужившим) в органах государственной безопасности 20 лет (женщины) и 25 лет (мужчины) - до 30 календарных дней;

6) работодатель предоставляет работнику по его письменному заявлению дополнительный отпуск до 7 календарных дней без сохранения заработной платы в связи с регистрацией брака, рождением ребенка, смертью близких родственников, а также по другим уважительным причинам (призывом детей в армию, регистрацией брака детей, переездом на новое место жительства и др.).

При условии полной отработки работником годовой нормы рабочего времени, отсутствии у него нарушений трудовой дисциплины и листков нетрудоспособности в предыдущем календарном году, по представлению выборного профсоюзного органа с 1 января 2008 года ежегодно работодатель предоставляет работнику дополнительно к очередному отпуску два оплачиваемых дня без права выплаты за них денежной компенсации за неиспользованный отпуск.

В заключении стоит отметить, что в соответствии с Положением о Федеральной службе безопасности Российской Федерации работодатель, при наличии денежных средств, устанавливает дополнительные выплаты отдельным категориям работников в целях стимулирования высокопроизводительного и квалифицированного труда[1].

По представлению выборного профсоюзного органа на основании приказа ФСБ России работодатель выплачивает работнику, проработавшему в органах государственной безопасности не менее 30 лет, при его уходе на пенсию пособие в размере 10000 рублей.

По представлению выборного профсоюзного органа работодатель выплачивает работнику, проработавшему в органах государственной безопасности не менее 20 лет, по достижении им юбилейных дат (50, 60, 70, и т.д. лет) при отсутствии нарушений трудовой дисциплины материальную помощь в размере двух должностных окладов (тарифной ставки)[2].

---

[1] Указ Президента РФ от 11.08.2003 № 960 «Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» // http:/ /base .consultant.ru /cons/cgi /online.cgi?req =doc;base=LAW;n=111175

[2] Отраслевое соглашение по Федеральной службе безопасности Российской Федерации на 2008 - 2010 годы // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» // http://base. consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req =doc; base=LAW;n=110421;fld=134;dst=4294967295

Шлюндт Надежда Юрьевна
Северо-Кавказский государственный
технический университет

ПРИНЦИП РЕАЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРА АРЕНДЫ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Принцип реального исполнения законодательно обеспечен только в случаях принудительного исполнения обязательства, а принудительно исполнить обязательство должник может только тогда, когда есть имущество в наличии. Следовательно принцип реального исполнения в ГК РФ имеет непосредственное проявление лишь в обязательствах по передаче индивидуально-определенных вещей, что свидетельствует об уменьшении значения принципа реального исполнения в современном гражданском законодательстве, поскольку с регулированием гражданского оборота в обществе с рыночной экономикой, цель которой – получить деньги, связывается допустимость замены предусмотренного договором действия денежной компенсацией. Но в этом выражается, прежде всего, не сущность самого требования, а только одно из возможных его проявлений.

Так, при наличии многочисленных договорных обязательств, связывающих субъектов рыночных отношений, для обеспечения своей работы некоторым достаточно приобретать имущество во временное владение и (или) пользование, вступая при этом в договорные отношения с потенциальными контрагентами. Тем самым подобные участники гражданского оборота придают большое значение арендному договору в общей массе хозяйственных правоотношений.

«Правовая жизнь» любого договора представляет собой стадийное существование: заключение договора, его исполнение и прекращение. Исполнение договора, в большинстве случаев, является наиболее длительной и существенной стадией, ибо именно в целях исполнения (передача предмета аренды и внесение арендных платежей) и заключаются договоры.

В связи с этим необходимо рассмотреть некоторые базовые моменты, связанные с исполнением договора аренды. Во-первых, заключение аренды было бы бессмысленно без намерения исполнять его арендодателем и арендатором, квинтэссенцией этого признака обоснованно считается классический императив «pacfa sunt servanda» – «договоры следует выполнять». Однако не следует забывать, что данный договор это, прежде всего правовой акт, порождаемый действиями арендодателя и арендатора, по поводу различных объектов, для достижения положительного, желаемого результата, осложненного массой необходимых условий, обусловленных воззрениями за-

конодателя, вследствие этого, выявленная сложная правовая организация арендных отношений приводит к необходимости создания определенной системы организации арендных процессов. Целесообразным является разделение обозначенного процесса на стадии: предварительную, основную и детерминированную.

На предварительной стадии закрепляется юридическая сила аренды-юридического факта, поскольку устанавливаются условия и порядок заключения, изменения и расторжения договора аренды.

Основная стадия обуславливается регулированием уже существующих арендных отношений, в плане контроля за соблюдением условий, присоединением субаренды, надлежащего, целевого использования объекта аренды, своевременным внесением арендной платы, ее пересмотром и т.д.

Детерминированная стадия претворяет в силу работу условий, предусматривающих изменение условий аренды, пролонгацию, расторжение, по основаниям, определяемым как гражданским законодательством, так и соглашением сторон.

Итак, исполнить договор аренды – значит выполнить вытекающие из него условия, детерминированные арендой – обязательством. Это преимущественно, совершение определенных действий, о которых стороны договорились при заключении договора. Иначе можно сказать, что исполнение договора аренды – это его обязательная (необходимая, должная) часть. Арендатор, согласившись с условиями арендодателя, признает обязательность для себя совместно установленных на основе этого согласия договорных условий. Можно даже сказать, что участники договора аренды должны рассматривать согласованные волеизъявления друг друга как «руководство к действию». Это и есть реальное исполнение.

Так же важен и другой правовой аспект – это надлежащее исполнение договора аренды, составляющая его производную (акцессорную, производную) часть. В зависимости от того, как исполнена обязательная часть договора (своевременно передан предмет аренды и своевременно перечисляется арендная плата) следует говорить надлежащем или ненадлежащем исполнении договора аренды.

Зачастую стороны, игнорируя, принятое «руководство к действию», вступают в конфликт по поводу исполнения условий договора, например, вмешиваясь в служебную деятельность друг друга, и, тем самым, смешивают понятия «реальное исполнение» и «надлежащее исполнение», что не совсем уместно, однако, вполне очевидно, что обе части договора аренды – основная и производная – являются взаимообусловленными. Так, уклонение от передачи предмета аренды либо регистрации договора аренды недвижимости, то

есть нарушение производной части договора, влечет за собой неисполнение договора как такового, а именно, нарушение его основной части. В подтверждение приведем высказывание отечественного цивилиста О.С. Иоффе, который писал: «До тех пор, пока обязательство не нарушено ни одной из сторон, оно должно исполняться в точном соответствии со всеми элементами, образующими в своей совокупности его содержание (по предмету, сроку, способу и т.п.). В этом случае, следовательно, реальное означает вместе с тем и надлежащее исполнение»[1].

Во-вторых, закрепление принципа реального исполнения сегодня выражается, с одной стороны, в требовании строго следовать взятым на себя обязательствам (ст. 309 ГК), невозможности в одностороннем порядке отказываться от договора или менять его условия (ст. 310 ГК), а с другой стороны, в том, что среди предусмотренных ст. 12 ГК способов защиты права отдельно выделяется присуждение к исполнению обязательства в натуре. По мнению некоторых ученых, с точки зрения гражданско-правовых норм, касающихся возможностей применения принуждения в отношении должника, ГК РФ не произвел никаких видимых изменений[2]. Более того, появилось, наконец, общее указание на возможность применения такого способа защиты (ст. 12 ГК). Однако приходится констатировать тот факт, что действие данного принципа подтверждается и ст. 611 ГК, которая, являясь специальной, существенным образом корректирует положение ст. 12 ГК.

При рассмотрении данной проблемы представляет интерес п. 3 ст. 611 ГК, в соответствии с которым при не предоставлении арендодателем «сданное внаем имущество в указанный в договоре аренды срок, а в случае, когда в договоре такой срок не указан, в разумный срок», арендатор может предъявить ему требования, предусмотренные ст. 398 ГК. Таким образом, арендатор вправе требовать отобрания вещи у арендодателя на предусмотренных арендным обязательством условиях, что, по мнению М.И. Брагинского и В.В. Витрянского «…хоть и несколько ухудшает теоретическую конструкцию обязательственно - правового правоотношения, но является необходимым и служит целям оптимальной защиты прав арендатора»[3].

В связи с этим возникает вопрос: является ли отобрание индивидуально-определенной вещи у должника разновидностью принудительного осуществления реального исполнения арендного обязательства (ст. 398 ГК) или это

---

[1] Иоффе О.С. Избранные труды в четырех томах. Т.III. - СПб., 2004. – С. 107.

[2] Карапетов А.Г. Иск о присуждении к исполнению обязательства в натуре. – М.: Статут, 2003. – С.22.

[3] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о передаче имущества. Книга 2. – М.: «Статут», 2002 – С. 228.

возможность реализации самостоятельного способа защиты права (исполнение обязательства в натуре) (ст. 12 ГК)?

Так, по мнению А.А. Павлова, эти понятия соотносятся как цель и средство, причем присуждение к исполнению обязанности в натуре, во-первых, существует только на «аномальной стадии» развития обязательственного правоотношения, а во-вторых, является не единственным средством достижения необходимого результата[1]. Президиум ВАС РФ по данному вопросу занимает более обстоятельную позицию: отобрание вещи и присуждение к исполнению обязательства в натуре – различные категории, поскольку при понуждении должника к исполнению обязательства в натуре «… в отличие от отобрания вещи, предусмотренного статьей 398 Гражданского Кодекса Российской Федерации, отсутствует возможность определить соответствующий денежный эквивалент, поскольку предъявлено требование о понуждении совершить действие, а не передать вещь…»[2].

В данном случае, следует согласиться с выводами Е.Е. Богдановой, что подобное разграничение скорее искусственное[3], нежели естественно-детерминированное. Ведь и отобрание индивидуально-определенной вещи у должника, и понуждение к исполнению обязательства в натуре, объединяет единая цель – реальное исполнение обязательства, в результате кредитор получает то, на что был нацелен при заключении договора.

В-третьих, реализация принципа реального исполнения в контексте арендной конструкции, вызывает к жизни положения п. 3 ст. 615 ГК, предусматривающего право арендодателя при неисполнении арендатором своей обязанности пользования имуществом в соответствии с условиями договора аренды или назначением имущества, потребовать расторжения договора и возмещения убытков. Конкретной привязки при реализации своих прав арендодателем к ст. 398 ГК нет, соответственно и нет возможности применения такого способа защиты, как присуждение к исполнению обязательства в натуре. По всей видимости этим продиктовано предложение разработчиков Концепции совершенствования общих положений обязательственного права России, о включении в главу 21 ГК РФ отдельную статью о способах защиты прав кредитора по обязательству, содержащую конкретное положение: «… по обязательству, предметом которого является предоставление имущества во временное владение и (или) пользование, при просрочке возврата указанного имущества кредитор вправе потребовать от должника принудительного

---

[1] Павлов А.А. Присуждение к исполнению обязанности как способ защиты гражданских прав. – СПб., 2001.

[2] Постановление Президиума ВАС РФ от 09.03.1999 № 6534/98 // Вестник ВАС. – 1999. – № 6. – С. 22.

[3] Богданова Е.Е. Принцип реального исполнения договоров купли-продажи и поставки: проблема реализации // Законодательство и экономика. – 2005. – № 3. – С. 34.

исполнения обязательства»[1]. Однако, вряд ли это оправдано, ведь, например, будучи собственником, арендодатель имеет в своем арсенале возможность, регламентированную п. 1 ст. 622 ГК, поскольку, возврат арендованного имущества относится к основным обязанностям арендатора. Отказ вернуть вещь дает арендодателю право предъявить к арендатору обязательственно-правовой иск о возврате имущества. Возврат арендодателем имущества, находящегося у третьего лица, возможен по виндикационному иску, если есть основания его удовлетворения (см. ст. 302 ГК). В связи с этим, представляет интерес мнение корифея отечественной цивилистики В.В. Витрянского, который, анализируя правовую природу требования собственника-арендодателя о возврате имущества арендатором, пишет, что подобное требование о возврате имущества «… (об освобождении помещений, о выселении арендатора) по своей природе является требованием о присуждении к исполнению обязанности в натуре»[2].

Итак, вывод очевиден. Принцип реального исполнения арендного обязательства в большей мере способствует укреплению договорной дисциплины, в частности, и, как следствие, стабильности гражданского оборота вообще. Если арендатор, заключая договор аренды, желает получить от арендодателя «имущество в состоянии, соответствующем условиям договора аренды и назначению имущества» (ст. 611 ГК), а не его денежный эквивалент, то последний обязан предоставить ему именно это имущество. Следовательно, если арендатор заключает договор, направленный на возмездное получение имущества во временное владение и (или) пользование, можно утверждать, что деньги у него есть, и он нуждается не в них, а в предмете договора.

[1] Бюллетень нотариальной практики. – 2009. – № 3. – С. 21.
[2] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Указ. соч. – С. 236.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Абдулин Роберт Семенович
Курганский областной суд

К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 405 УПК РФ В СВЕТЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ ОТ 03.02.2010 № 148-О-О

В действующем уголовно-процессуальном законе в качестве дополнительного способа доступа к правосудию является пересмотр судебных решений, вступивших в законную силу, который осуществляется как при производстве в надзорной инстанции, так и при возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Между тем прежняя редакция статьи 405 УПК РФ пересмотр в порядке надзора обвинительного приговора, а также определения и постановления суда в связи с необходимостью применения уголовного закона о более тяжком преступлении, ввиду мягкости наказания или по иным основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного, а также пересмотр оправдательного приговора либо определения или постановления суда о прекращении уголовного дела, не допускала.

Таким образом, статья 405 УПК РФ абсолютизировав принцип недопустимости поворота к худшему путем очевидного ущемления прав жертв преступных посягательств, вопреки принципу справедливости и основанным на нем конституционным гарантиям охраны достоинства личности и судебной защиты прав и свобод человека (статья 17 часть 1; статьи 19, 21, 46 и 52 Конституции Российской Федерации)[1], стала препятствием для отмены неправосудных судебных решений.

Следствием чего и стало обращение Курганского областного суда, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан в Конституционный Суд РФ о нарушении конституционных прав потерпевших положениями статьи 405 УПК РФ (о недопустимости поворота к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора, несмотря на допущенные судом при предыдущем разбирательстве существенные нарушения, повлиявшие на исход дела). В результате Конституционный Суд РФ постановлением от 11 мая 2005 г. N 5-П признал эти положения не соответствующими Конституции Российской

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993)

Федерации, а также статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и пункта 2 статьи 4 Протокола N 7 (в редакции Протокола N 11).[1]

Тем не менее для изменения вступивших в явное противоречие с названным выше постановлением Конституционного Суда РФ соответствующих норм уголовно-процессуального закона, законодателю понадобилось почти четыре года.

Между тем принятие названного постановления Конституционного Суда РФ и даже последующее изменение уголовно-процессуального закона (после почти четырехлетней паузы взятой законодателем), не внесли ясности в толкование ст. 405 УПК РФ и бурные дискуссии как ученых, так и практиков вокруг данной юридической конструкции, продолжаются. И то, что до настоящего времени не найдено согласованного доктринального решения в определении критериев фундаментальности нарушений закона, влекущих за собой ухудшение положения осужденного, так и не добавило суду надзорной инстанции самостоятельности в принятии таких решений.

Для иллюстрации сказанного рассмотрим несколько примеров. Отменяя оправдательный приговор и кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам президиум Санкт – Петербургского городского суда указал, что при вынесении этих судебных решений не дано должной оценки исследованным в судебном заседании доказательствам, не учтены надлежащим образом обстоятельства, имеющие существенное значение для дела, что повлияло на законность, обоснованность и справедливость обоих решений, ввиду чего, на основании статей 379, 380, 409 УПК РФ, они подлежат отмене. Кроме того, суд надзорной инстанции пришел к выводу, что допущенные судами нарушения закона отвечают критериям, содержащимся в постановлении Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 года N 5-П, являются фундаментальными, поскольку повлияли на исход дела и привели к ущемлению прав потерпевших. Однако судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ со ссылкой на статью 405 УПК РФ (еще в редакции Федерального закона от 29.05.2002 N 59-ФЗ) с такими выводами не согласилась и отменила постановление суда надзорной инстанции. При этом она указала, что в соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 года N 5-П, на которое ссылается суд надзорной инстанции, исключения из общего правила о запрете поворота к худшему допустимы лишь в качестве крайней меры, когда неисправление судебной ошибки искажало бы саму суть правосудия, смысл приговора. Между тем, приведенные в постановлении пре-

[1] Собрание законодательства РФ. 30.05.2005. № 22. Ст. 2194.

зидиума нарушения нельзя признать фундаментальными и дающими основание для отмены вступившего в законную силу оправдательного приговора[1].

В других случаях не были признаны фундаментальными нарушениями закона неточное применение норм материального права и неправильный расчет размера наркотического средства[2]; недостаточная аргументация выводов суда относительно доводов кассационного представления и неправильная юридическая оценка содеянного[3]; проверка приговора с точки зрения его обоснованности[4]; или когда в представлении прокурора не указано на применение позиции, изложенной в постановлении Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 года N 5-П, а просьба об отмене состоявшихся по делу судебных решений не обоснована наличием в деле существенных (фундаментальных) нарушений[5] и другие.

Такая, прямо скажем, осторожная позиция Верховного Суда РФ была отнюдь не случайна, и предопределена содержанием постановления Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 N 5-П из которого следовало, что в порядке надзора допускается поворот к худшему лишь после внесения законодателем соответствующих изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ с тем, чтобы не допустить произвольный, неограниченный по времени и основаниям пересмотр вступивших в законную силу судебных решений, влекущих ухудшение положения осужденного или оправданного.

Тем не менее несмотря на такую разновекторность статьи 405 УПК РФ (в прежней редакции) и названного постановления Конституционного Суда РФ, предпосылки доступности правосудия для участников уголовного процесса в надзорной инстанции и создания им конкурентной среды и равных возможностей, все же были созданы. В результате чего постепенно стали появляться примеры, хотя и достаточно редкие, признания допущенных нарушений существенными (фундаментальными). Так, лишение потерпевшего права на участие в исследовании доказательств, в судебных прениях и ограничение в других его правах на доступ к правосудию[6] и незаконное прекращение дела не позволившее потерпевшей осуществить защиту своих прав и

---

[1] Определение Верховного Суда РФ от 29.10.2008 N 78-Д08-11// Документ опубликован в СПС Консультант Плюс.

[2] Определение Верховного Суда РФ от 17.05.2007 N 11-ДП07-68К// Документ опубликован в СПС Консультант Плюс.

[3] Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 30.05.2007 N 112П-07ПР// Документ опубликован в СПС Консультант Плюс.

[4] Определение Верховного Суда РФ от 25.12.2006 N 36-Д06-29// Документ опубликован в СПС Консультант Плюс.

[5] Определение Верховного Суда РФ от 26.09.2006 N 74-д06-13// Документ опубликован в СПС Консультант Плюс.

[6] Определение Верховного Суда РФ от 08.10.2009 N 30-ДП09-3// Документ опубликован в СПС Консультант Плюс.

законных интересов[1], в свете постановления Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 N 5-П были признаны существенными (фундаментальными) и послужили основанием для пересмотра судебных решений.

Между тем оценивая положительные и отрицательные стороны измененной редакции статьи 405 УПК РФ приходится констатировать, что регламентация понятия «фундаментальные нарушения уголовно-процессуального закона, повлиявшие на законность приговора, определения или постановления суда» является недостаточно полной и далекой от совершенства. И не случайно ученые и практики находятся в постоянном поиске оптимального варианта статьи 405 УПК РФ, предлагая видоизмененную редакцию данной статьи[2]. Не является исключением в этом и Конституционный Суд РФ, постоянно выявляя скрытые возможности ее применения. Поэтому, с большой долей уверенности можно предположить, что статья 405 УПК РФ еще не раз может стать предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, поскольку определение фундаментальности нарушений уголовно-процессуального закона, повлиявшие на законность приговора, определения или постановления суда, на сегодняшний день оставляет больше вопросов, чем ответов.

Справедливости ради все же отметим, что дополнение части 1 статьи 405 УПК РФ установлением предельного годичного срока, в течение которого возможен пересмотр в порядке надзора вступившего в законную силу приговора, определения или постановления суда по основаниям, ухудшающим положение осужденного, оправданного или лица, в отношении которого производство по делу прекращено, безусловно, является положительным моментом. Вследствие чего, как считает И.С.Дикарев, исключается долговременная угроза пересмотра окончательного судебного решения и на практике обеспечивается принцип правовой определенности[3]. На первый взгляд, с такой точкой зрения уважаемого автора можно было бы и согласиться, если бы в системе судов общей юрисдикции не была множественность надзорных инстанций, что, в свою очередь, совершенно не исключает неоднократный пересмотр вступившего в законную силу судебного решения (возможно в каждом случае оцениваемой с иной точки зрения судебного усмотрения), что никак не способствует реализации принципа правовой определенности.

---

[1] Ярцев Р.В. Надзорное производство в контексте принципа правовой определенности // Мировой судья. - 2010. - N 4, 5.

[2] Вырастайкин В. Соответствует ли теперь ст. 405 УПК Конституции? // Законность. - 2010. - N 2; Хомяков А.И. Военные суды в свете новой государственной политики в области национальной безопасности, международных и российских требований к их деятельности // Российская юстиция. - 2009. - N 10; Быков В.М. Новые законы о производстве в надзорной инстанции //Законность. - 2009. - N 8; Ярцев Р.В. Надзорное производство в контексте принципа правовой определенности // Мировой судья. - 2010. - N 4,5.

[3] Дикарев И.С. Срок допустимости поворота к худшему при пересмотре судебных решений в порядке надзора // Российская юстиция. - 2010. - N 4. - С. 36 - 38.

Тем не менее уже только то, что возможность ухудшения положения осужденного, оправданного или лица, в отношении которого производство по делу прекращено, ограничено определенным сроком, безусловно, является положительным фактором.

В рамках исследуемой проблемы, предлагается взглянуть на рассматриваемую статью еще с одной стороны.

В соответствии с частью 2 статьи 405 УПК РФ пересмотр в порядке надзора обвинительного приговора и последующих судебных решений, вынесенных в связи с его обжалованием, по основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного, а также пересмотр оправдательного приговора либо определения или постановления суда о прекращении уголовного дела допускаются в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены **фундаментальные нарушения уголовно-процессуального закона** (выд. Р.Абдулин), повлиявшие на законность приговора, определения или постановления суда[1].

Между тем понятие «фундаментальные нарушения уголовно-процессуального закона, повлиявшие на законность приговора, определения или постановления суда» сразу же вызвало неоднозначную реакцию ученых и практиков. К примеру В.М.Быков считает, что законодателю не следовало вводить в закон новый термин «фундаментальные нарушения уголовно-процессуального закона», а строго следовать формулировке, использованной Конституционным Судом РФ. По его мнению, в законе следовало указать на существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основаниях отмены и изменения судебных решений в порядке надзора. Иначе это может в судебной практике породить ненужные дискуссии и неправильное толкование нового уголовно-процессуального закона. В подтверждение своих слов В.М.Быков даже обращается к толковым словарям русского языка и находит, что в значении слов «существенный» и «фундаментальный» различные смысловые значения[2].

Разделяет такую же позицию и И.С.Дикарев. По его мнению, предложенная законодательная дефиниция не позволит на практике эффективно и в духе международного права, решать вопрос о том, какие из допущенных при производстве по уголовному делу нарушений отвечают критериям фундаментального нарушения, а какие - нет[3].

---

[1] Собрание законодательства РФ. 16.03.2009. № 11. Ст. 1268.

[2] Быков В.М. Указ. соч.; Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 17 изд., стереотип. - М., 1985.

[3] Дикарев И.С. Понятие "фундаментальное нарушение" в уголовном процессе //Российская юстиция. - 2009. - № 6.

На наш взгляд, понятия «фундаментальное нарушение уголовно-процессуального закона» и традиционное «существенное нарушение уголовно-процессуального закона», применявшееся в ранее действовавшем Уголовно – процессуальном кодексе РСФСР (статья 345)[1] и использованное, Конституционным Судом РФ в постановлении от 11 мая 2005 N 5-П, следует рассматривать как синонимы. К слову сказать, подавляющее большинство практических работников поддерживают такую позицию, полагая, что различие между этими двумя понятиями чисто условное и в их применении не следует допускать излишнюю категоричность.

Между тем допущенная законодателем юридико-техническая ошибка (иначе ее не назовешь), заключающееся в рассогласованности норм части 2 статьи 405 УПК РФ и постановления Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 N 5-П, создала дополнительные трудности не только в правоприменительной практике, но и в реализации права потерпевшего на равный с обвиняемым доступ к справедливому правосудию. Согласно положениям части 2 статьи 405 УПК РФ потерпевший (его представитель), прокурор по - прежнему были не в состоянии в полной мере реализовать принцип состязательности в суде надзорной инстанции, не могли требовать назначения более строгого наказания осужденному, привлечения его к уголовной ответственности по более строгой норме уголовного закона. Тем самым создавалась почва для нарушения основополагающего принципа уголовного судопроизводства - равенства всех граждан перед законом и судом, гарантированного частью 1 статьи 19 Конституции Российской Федерации, частью 4 статьи 15 и статьей 244 УПК РФ.

Основанием для такого утверждения служит следующее. Как нетрудно заметить, все без исключения приведенные выше примеры, обладают одной особенностью: в них рассматриваются существенные (фундаментальные) нарушения уголовно-процессуального закона. Но ведь на практике могут быть допущены существенные (фундаментальные) нарушения и в связи с неправильным применением уголовного закона. Нередко назначенное по приговору наказание не соответствует тяжести преступления, личности осужденного, либо наказание, по своему виду или размеру является несправедливым вследствие чрезмерной мягкости и др. В таком случае вопрос о его несправедливости может быть поставлен только в представлении прокурора либо заявлении частного обвинителя, потерпевшего или его представителя (часть 2 статьи 383 УПК РФ).

[1] Ведомости ВС РСФСР. - 1960. - № 40. - Ст. 592.

Вместе с тем применение положений части 2 статьи 383 УПК РФ возможно лишь во взаимосвязи с нормами части первой статьи 405 УПК РФ (в редакции Федерального закона №39 - ФЗ от 14.03.2009 г.). В соответствии с которым пересмотр в порядке надзора обвинительного приговора либо определения или постановления суда в связи с необходимостью применения уголовного закона о более тяжком преступлении, ввиду мягкости наказания или по иным основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного, а также пересмотр оправдательного приговора либо определения или постановления суда о прекращении уголовного дела не допускается, за исключением случаев, предусмотренных частью второй указанной статьи. А в ней речь идет лишь о фундаментальных нарушениях уголовно-процессуального закона

Попытки судов применить положения статьи 405 УПК РФ в связи с неправильным применением уголовного закона при назначении наказания, заканчивались безрезультатно. Так, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ пересмотр в порядке надзора обвинительного приговора в связи с необходимостью изменения вида режима исправительной колонии с общего на строгий, то есть по основанию, влекущему за собой ухудшение положения осужденного, в силу ст. 405 УПК РФ признала его недопустимым и при этом указала, что ошибка, допущенная судом первой инстанции при назначении осужденному вида исправительного учреждения, не может быть отнесена к существенным (фундаментальным) нарушениям закона, поскольку данное нарушение не повлияло на исход дела, то есть на выводы суда о виновности осужденного и назначении ему наказания[1].

Между тем такие ошибки на практике могут быть сопряжены не только с назначением неправильного вида исправительного учреждения, но и с нарушением правил судопроизводства, которые могли повлиять на правильность уголовно-правовой оценки содеянного и, соответственно, требуют безусловного исправления путем пересмотра судебных решений по делу в порядке надзора, в том числе по основаниям, ухудшающим положение осужденного.

Указанные основания и послужили поводом для вторичного оспаривания в Конституционном Суде РФ неопределенности положений статьи 405 УПК РФ (в редакции Федерального закона от 14 марта 2009 года N 39-ФЗ). Только на этот раз речь шла не об исправлении судебной ошибки в связи с фундаментальными нарушениями уголовно-процессуального закона, а о возможности пересмотра в порядке надзора обвинительного приговора и после-

[1] Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2009 года // Документ опубликован в СПС Консультант Плюс.

дующих судебных решений, вынесенных в связи с его обжалованием, а также судебных актов, не обжаловавшихся в суде второй инстанции и вступивших в законную силу, по основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного, но в связи с неправильным применением уголовного закона при назначении наказания.

По мнению президиума Курганского областного суда, обратившегося с запросом в Конституционный Суд РФ, подлежащие применению положения статьи 405 УПК Российской Федерации не допускают пересмотра в порядке надзора вступившего в законную силу постановления или приговора суда в связи с неправильным применением уголовного закона по основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного, и тем самым не позволяют исправить судебную ошибку. В частности, речь шла о надзорных представлениях принесенных прокурором в связи с обнаружением после вступления в законную силу и обращения к исполнению приговоров неправильного применения судом уголовного закона при определении вида исправительного учреждения и назначении окончательного наказания по совокупности приговоров.

Однако Конституционный Суд РФ, проанализировав приведенные в запросе примеры, никакой неопределенности в вопросе о соответствии Конституции РФ положений статьи 405 УПК РФ не усмотрел. Обращая внимание на нарушения, которые могут повлечь пересмотр вступившего в законную силу судебного решения в сторону, ухудшающую положение осужденного (оправданного), Конституционный Суд РФ определил их в общей форме - существенные (фундаментальные) нарушения как уголовного, так и уголовно-процессуального закона. Поскольку правосудие в сфере привлечения к ответственности за совершение преступных деяний осуществляется посредством уголовного судопроизводства (статья 118, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации), то это предполагает, как указывает Конституционный Суд РФ, применение судом норм материального права только в условиях процедуры, осуществляемой с соблюдением порядка судопроизводства, установленного в нормах уголовно-процессуального закона.

Согласно позиции Конституционного Суда РФ следует, что положения статьи 405 УПК РФ во взаимосвязи с пунктом 2 статьи 4 Протокола № 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также сохраняющими свою силу правовыми позициями, сформулированными в постановлениях Конституционного Суда РФ от 17 июля 2002 года № 13-П и от 11 мая 2005 года № 5-П, в конкретных случаях, указанных в запросе президиума Курганского областного суда, не препятствовали президиуму установить, является ли допущенная судом ошибка существенным (фундаментальным) на-

рушением, искажающим суть правосудия, сопряжена ли она с таким нарушением правил судопроизводства, которое могло повлиять на правильность уголовно-правовой оценки содеянного, и требует ли такая ошибка исправления путем пересмотра судебных решений по делу в порядке надзора, в том числе по основаниям, ухудшающим положение осужденного[1].

Между тем не совсем понятно – почему президиум областного и приравненного к нему суда должен устанавливать существенность (фундаментальность) нарушения при всей очевидности невыполнения судом императивных уголовно-правовых норм, исключающих любую возможность отхода от этих положений. Поэтому любой приговор или иное судебное решение, вступившее в законную силу, но противоречащие властно-обязывающим нормам материального права, на наш взгляд, должны признаваться ущербными с юридической точки зрения, подпадать под понятие фундаментальных нарушений и, безусловно, подлежат пересмотру в соответствии с установленными законом требованиями. Тем более, что речь идет о нарушениях материального права, которые всегда носят объективный и очевидный характер.

Тем не менее на настоящий момент мы имеем позицию Конституционного Суда РФ о судебном усмотрении президиума по исправлению только двух конкретных судебных ошибок, в частности, в связи с обнаружением после вступления в законную силу и обращения к исполнению приговоров по неправильному применению судом уголовного закона при определении вида исправительного учреждения и назначению окончательного наказания по совокупности приговоров. При этом данные основания, вытекающие из правовой позиции Конституционного Суда РФ, являются исчерпывающими и расширительному толкованию не подлежат.

Из этого следует, что решения Конституционного Суда РФ и последующие изменения статьи 405 УПК РФ так и не прекратили широкую дискуссию и не явились ключевыми для разрешения всех остальных вопросов, возникающих как в теоретическом осмыслении, так и практическом применении норм данной статьи.

Более того, разночтения в толковании существенности (фундаментальности) нарушений уже создали благоприятную почву для противоречий и несогласованностей во всех судебных инстанциях, что хорошо видно из приведенных выше примеров.

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 03.02.2010 N 148-О-О// Вестник Конституционного Суда РФ. - 2010. - N 4.

На наш взгляд, не решает данный вопрос и предоставление президиуму права установления допущенной судом ошибки существенным (фундаментальным) нарушением (особенно по тем основаниям, которые указаны в постановлении Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 N 5-П), поскольку неправильное истолкование судебной ошибки как искажающей саму суть правосудия, смысл приговора, может привести к неправильному применению норм материального или процессуального права, а в результате создать самые неблагоприятные последствия как для осужденного, с точки зрения ухудшения его положения при отсутствии на то оснований, так и для потерпевшего, при всей очевидности допущенного по делу существенного (фундаментального) нарушения.

Судебное усмотрение в уголовном процессе в виду своей неопределенности, односторонности и дискуссионности не может быть застраховано от судебных ошибок, более того, в своих самых худших вариантах даже может перерасти в произвол и злоупотребление таким правом.

В этой связи предлагается законодательно закрепить (лучше всего в отдельной статье главы 48 УПК РФ) примерный перечень существенных (фундаментальных) нарушений материальных и процессуальных норм, которые могут явиться основанием к отмене в надзорном порядке обвинительных и оправдательных приговоров, постановлений и определений суда о прекращении дела, судебных решений, связанных с исполнением приговора в части отбывания осужденным наказания.

Такой подход, безусловно, имеет свои научные и практические резоны, поскольку приводит все дискуссии в определенную систему, способствует наступлению функционального единства проверочных судебных инстанций в определении существенности (фундаментальности) нарушений, а также установлению и единства оснований отмены или изменения судебных актов в порядке надзора.

Алексеева Елена Алексеевна
аспирант кафедры криминологии Омской академии МВД России

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЯ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Преступления против собственности, предусмотренные гл.21 УК РФ, подразделяются на 2 группы: хищения и преступления против собственности, не являющиеся хищениями.

К хищениям относятся кража, мошенничество, присвоение или растрата, грабеж, разбой, хищение предметов, имеющих особую ценность. Отличие

хищения от других преступлений, предусмотренных главой 21 УК РФ, можно провести, сравнив диспозиции соответствующих статей. Так, кража характеризуется как тайное хищение, грабеж - открытое хищение, мошенничество - хищение путем обмана или злоупотребления доверием, присвоение или растрата - хищение имущества, вверенного имущества, разбой - нападение в целях хищения. То есть, в статьях о преступлениях, являющихся хищениями, присутствует термин «хищение».[1] Общей чертой для преступлений против собственности, предусмотренных главой 21 УК, является наличие предмета преступления. В данном случае факультативный признак одного из элементов состава преступления - объекта - является обязательным.[2] При квалификации хищения возникают затруднения с определением момента окончания данного преступления. Правильное определение такого момента имеет существенное значение, так как от этого зависят: наличие или отсутствие ссылки на ст.30 УК РФ (приготовление к преступлению и покушение на преступление); установление добровольного отказа от совершения преступления, возможного лишь до окончания преступления (ст.31 УК РФ), соучастия в преступлении, также возможного только до окончания преступления (глава 7 УК РФ), индивидуализации ответственности и наказания.[3] Так, кража считается оконченной, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению (например, обратить похищенное имущество в свою пользу или в пользу других лиц, распорядиться им с корыстной целью иным образом) – п.6 Постановление Верховного Суда РФ №29 от 27 декабря 2002г.[4] По мнению И.Ш. Борчашвили, кражу с проникновением в жилище следует считать оконченной с того момента, когда виновный вышел из жилища. Например, если он проник в квартиру многоэтажного дома, то содеянное следует считать оконченным с момента, когда вор вышел на лестничную площадку, а не после выхода его на улицу. Если же совершена кража с проникновением в частный дом, то преступление следует считать оконченным с момента выхода виновного из дома, т.е. во двор, или на улицу, другие удобные для него места. Но если виновный при выходе из жилища был замечен посторонними лицами или хозяевами дома, бросил похищенные вещи и скрылся, то такие дей-

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996. №63-ФЗ (ред. 21.06.2009). /Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс]. Компания «Консультант Плюс».

[2] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации /Под ред. В.Лебедева. – М., Юрайт, 2010. – 716 с.

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996. №63-ФЗ (ред. 21.06.2009). /Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс]. Компания «Консультант Плюс».

[4] О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Верховного Суда РФ от 27.12. 2002. №29. /Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс]. Компания «Консультант Плюс».

ствия следует квалифицировать как покушение на кражу личного имущества граждан, совершенное с проникновением в жилище.[1] Особенности предмета преступления обуславливают пути сбыта похищенного. Два состава преступлений против собственности - вымогательство и разбой являются оконченными с момента совершения действий, указанных в диспозиции статьи. При вымогательстве это требования передачи чужого имущества, подкрепленные насилием, угрозой его применения, уничтожения или повреждения чужого имущества, шантажа. При разбое - нападение в целях хищения чужого имущества. Наступления последствий, т.е. причинения фактического ущерба собственнику (владельцу), при этом не требуется. Наличие предмета в составе преступления против собственности влияет на ход и содержание расследования. Предмет в данных преступлениях присутствует всегда. Так, например, если при разбойном нападении обнаруживается, что у потерпевшего при себе нет ни денег, ни иных ценностей, то предмет преступления в данном случае существует в сознании лица, совершающего преступление, которое надеется в результате преступной деятельности получить деньги или иные ценности. В противном случае, если сознанием лица факт наличия предмета не охватывается, нет цели получения чужого имущества, данное преступление будет направлено на иной объект (например, здоровье человека). Наличие предмета в составе преступления против собственности влияет на ход и содержание расследования. Так, при расследовании обязательно устанавливается, на получение каких предметов было направлено преступление (например, разбой). Дополнительными объектами преступлений против собственности могут быть личная неприкосновенность, здоровье, жизнь человека, общественная безопасность, общественный порядок. Эти объекты присутствуют при насильственном грабеже (личная неприкосновенность); разбое и вымогательстве (жизнь, здоровье); умышленном или неосторожном уничтожении или повреждении чужого имущества, сопряженных с поджогом, взрывом, неосторожным обращением с огнем и т.д. (общественная безопасность); умышленном уничтожении или повреждении чужого имущества из хулиганских побуждений (общественный порядок). Преступления против собственности совершаются путем действий. Причинно-следственная связь в преступлениях против собственности должна быть не только между противоправным завладением имущества и причинением ущерба, но и между насилием и вредом здоровью, если речь идет о таких преступлениях как разбой и вымогательство. В ряде преступлений обязательными являются способ, место,

[1] Борчашвили И.Ш. Некоторые уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с кражами. – М., Юстицинформ, 2003. – С.51.

средства (орудие) его совершения. Различают следующие способы совершения хищения: тайный, открытый, путем обмана или злоупотребление доверием. Способы совершения уничтожения или повреждения имущества - это поджог, взрыв или иной общеопасный способ, неосторожное обращение с огнем или иными источниками повышенной опасности. Оружие или предметы, используемые в качестве оружия, являются орудиями разбоя, совершенного при отягчающих обстоятельствах. Последствия в виде причинения имущественного ущерба собственнику или владельцу имущества не всегда обязательны для преступлений против собственности. Например, разбой и вымогательство, как уже было сказано, - это формальные составы преступлений. Причинно-следственная связь в преступлениях против собственности должна быть не только между противоправным завладением имущества и причинением ущерба, но и между насилием и вредом здоровью, если речь идет о таких преступлениях как разбой и вымогательство. Субъективная сторона преступлений как хищения характеризуется умышленной формой вины и имеет корыстную цель.[1,2] Субъект почти всех преступлений против собственности – общий. Уголовная ответственность за ряд преступлений, предусмотренных главой 21 УК РФ, наступает с 14 лет (кража, грабеж, разбой, вымогательство, угон, квалифицированный состав умышленного уничтожения или повреждения имущества). За другие преступления уголовная ответственность наступает с 16 лет (мошенничество, хищение предметов, имеющих особую ценность, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, умышленное уничтожение или повреждение имущества без отягчающих обстоятельств, уничтожение или повреждение имущества по неосторожности).[3] В двух случаях предусмотрен специальный субъект – мошенничество, а также присвоение или растрата с использование своего служебного положения. Два состава преступлений против собственности - вымогательство и разбой являются оконченными с момента совершения действий, указанных в диспозиции статьи. При вымогательстве это требования передачи чужого имущества, подкрепленные насилием, угрозой его применения, уничтожения или повреждения чужого имущества, шантажа. При разбое - нападение в целях хищения чужого имущества. Наступления последствий, т.е. причинения фактического ущерба собственнику (владель-

[1] Борчашвили И. Ш Некоторые уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с кражами. – М., Юстицинформ, 2003. – С.51.

[2] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации /Под ред. В.Лебедева. – М., Юрайт, 2010. – 716 с.

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996. №63-ФЗ (ред. 21.06.2009). /Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс]. Компания «Консультант Плюс».

цу), при этом не требуется.[1] Квалификация преступлений связана с разграничением смежных составов. Смежные составы преступлений различаются между собой по одному или нескольким признакам. Каждому конкретному составу преступления соответствует несколько смежных с ним составов, знание которых имеет практическое значение для следователя, т.к. он при квалификации преступления «примеряет» фактические обстоятельства к смежным составам, вычленяя из них тот, которому наиболее соответствуют фактические обстоятельства. Например, смежными составами с кражей являются: мошенничество; присвоение и растрата; грабеж; хищение предметов, имеющих особую ценность; угон; уничтожение или повреждение имущества; хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ; хищение либо вымогательство наркотических средств; незаконная порубка деревьев и некоторые другие. В этом перечне смежных с кражей составов преступлений есть преступления, входящие в главу преступлений против собственности, куда входит и сама кража. Есть также и преступления, входящие в другие главы, например, об экологических преступлениях. Смежные составы необходимо отличать от составов, в которые преступление может «перерасти». Так, например, лицо застигнуто при совершении кражи и пытается удержать похищенное, угрожая ножом – происходит «перерастание» кражи в разбой, однако это не означает того, что данные составы преступлений смежные. Зная смежные с кражей составы, можно путем сравнения диспозиций статей выделить один или два отличительных признака, которые помогают правильно квалифицировать то или иное деяние. Так, кража от ненасильственного грабежа (ч.1 ст.161 УК) отличается только способом совершения преступления. Кража совершается тайно, грабеж - открыто. Тайно или открыто совершалось хищение, определяется на момент изъятия имущества. При этом сомнения при установлении того или иного способа, когда их невозможно устранить, истолковываются в пользу виновного, т.е. хищение в таких случаях признается тайным. По поводу тайного и открытого способа хищения имеются соответствующие разъяснения постановления Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 года. В постановлении содержится также разъяснение по поводу «перерастания» кражи в грабеж и разбой. «Если в ходе совершения кражи действия виновного обнаруживаются собственником или иным владельцем имущества либо другими лицами, однако виновный, сознавая это, продолжает совершать незаконное изъятие имущества или его удержание,

[1] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации /Под ред. В.Лебедева. – М., Юрайт, 2010. – 716 с.

содеянное следует квалифицировать как грабеж, а в случае применения насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения такого насилия - как разбой».[1] От мошенничества кража также отличается способом совершения хищения. В данном случае особое сходство с мошенничеством придает краже элемент обмана, если таковой присутствует. Например, получение обманным путем ключей от квартиры, чтобы совершить потом кражу, есть только приготовление к краже, а не элемент мошенничества. От угона автомобиля кража отличается тем, что умысел виновного в краже направлен на обращение в свою пользу или пользу другого лица данного транспортного средства, а при угоне лицо желает временно использовать его в своих целях. При этом кража автомобиля обычно сопровождается его переоборудованием, разукомплектованием, изменением номеров и т.д. При угоне все эти действия не совершаются, так как цель - временное использование транспортного средства. Конечная же цель кражи, как правило, сбыт похищенного автомобиля. Вместе с тем, существует и другое направление разграничения преступлений - это отграничение основных составов преступлений против собственности от соответствующих квалифицированных и особо квалифицированных их видов. Например, отграничение кражи, совершенной группой лиц по предварительному сговору, и кражи, совершенной организованной группой; отграничение кражи с причинением значительного ущерба от кражи в крупном размере и т.д.

Ганиев Талгат Габтельфартович
Тюменская государственная академия
мировой экономики, управления и права

К ВОПРОСУ БОРЬБЫ С ТЕЛЕФОННЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

Терроризм относится к числу самых опасных и трудно прогнозируемых явлений современности, которое приобретает угрожающие масштабы. Террористические акты влекут за собой многочисленные человеческие жертвы и разрушения, сеют вражду между государствами, провоцируют войны, недоверие и ненависть между социальными и национальными группами, которые иногда невозможно преодолеть в течение жизни целого поколения. В последнее время одним из наиболее распространенных преступлений террористической направленности, совершаемых на объектах транспорта, является

[1] О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Верховного Суда РФ от 27.12. 2002. №29. /Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс]. Компания «Консультант Плюс».

«заведомо ложное сообщение об акте терроризма». Оно может быть передано представителям органов государственной и исполнительной власти, общественных организаций, должностным лицам и отдельным гражданам в устной или письменной форме лично или анонимно. Это преступление стоит в одном ряду с террористическими, прежде всего из-за того, что оказывает схожее психологическое воздействие на людей. Подобное сообщение нарушает нормальный ритм жизни граждан, работы предприятий и учреждений, создает экстремальную ситуацию, отвлекает значительные силы и средства правоохранительных органов на проверку сообщений и организацию профилактических мер. В обществе рождаются ложные слухи, распространяется паника.

Анализ практики позволяет выделить следующие типы личностей «телефонных террористов»[1].

*Социальный протестант***.** Угроза террористического акта является для такого лица средством решения. Как правило, личных проблем, связанных с его жизнью в обществе. После долгих и безуспешных попыток добиться своего в установленном порядке он выбирает нетрадиционный вариант воздействия на «виновную», по его мнению, организацию или чиновника. Это может быть «открытое» поведение, т.е. звонок с требованием решить важный для него вопрос и угрозой применения соответствующих санкций в случае отказа, или анонимный звонок с целью психологического давления на определенных чиновников, которых он считает виновниками возникших проблем.

Самоубийца. Он звонит для того, чтобы «обставить» свой уход из (демонстрацию такового) как можно большим «шумом» особенно когда на «спокойное и достойное» расставание с жизнью не хватает решимости. Надо помнить, что такой человек, как правило, - жертва жизненных обстоятельств. Возможно, его звонок – это последняя попытка найти собеседника, который его остановит, убедит отказаться от задуманного. С другой стороны, это может быть психически больной человек с жесткой установкой на полное отрицание ценности собственной жизни. Опасность действий данного типа личности в том, что он может решиться на реальный уход из жизни способом, который причинит вред, а возможно и смерть другим людям.

*Мститель***.** Его мотив – месть является одним из самых сильных. Он основывается на потребности в удовлетворении субъективно мучительного чувства обиды, стыда. Униженного достоинства. Причем такие переживания могут быть результатом как реально причиненного морального или материального ущерба, так и воображаемого. К этой категории лиц относятся: ра-

[1] См.: Аврамцев В.В., Кравчук О.Н. Тактика общения с «телефонными террористами»: проблемы документирования, проведения экспертизы, ведения переговоров // Практическое пособие для сотрудников дежурных частей правоохранительных органов. – Н. Новгород: ГУВД Новгородской области, 1999. - С.35.

ботники системы транспортного комплекса, уволенные по сокращению штатов или за нарушения дисциплины; рядовой или начальствующий состав ОВД, уволенный за нарушения дисциплины, а также действующие сотрудники, длительное время несшие службу в «горячих точках», получившие там ранения и контузии; граждане, которые ранее задерживались на объектах транспорта сотрудниками транспорта или ревизорами и др.

*Психически больной***.** Для него звонок с угрозой взрыва является средством разрешения мучительной субъективной психологической проблемы. Его состояние характеризуется тягостными переживаниями тревоги, беспокойства, страха. Сознание помутнело, возможны галлюцинации, бред. Речь такого человека может быть бессвязной, нелогичной, действия непредсказуемыми.

Террорист. Главная цель действий данного типа личности – запугать общественность, политических противников и тем самым заставить их выполнить их выполнить предъявляемые политические требования. Все действия в данном случае тщательно спланированы и организованы. Для звонка по телефону может быть использована аудиозапись.

Хулиган. К этому типу личности можно отнести практически все перечисленные типы личности «телефонных террористов», которыми движут хулиганские побуждения. К «хулиганам» относятся также школьники и студенты, лица, опаздывающие на поезд (самолет), пытающие таким образом задержать рейс, «ситуативные» хулиганы, желающие поразвлечься, покуражиться и т.п.

В связи с тем, что основным способом передачи угроз является телефонная сеть, представляется необходимым более подробно остановиться на действиях правоохранительных органов в этих ситуациях. «Проблема заключается в том, что отчасти по причине несовершенства имеющихся у органов внутренних дел (далее – ОВД) технических средств, проявляющейся иногда несогласованности в действиях ... подразделений, а также в силу объективной быстротечности самого преступного акта, лишь в одном из десяти случаев удается установить злоумышленников, и только отдельные из них привлекаются к ответственности»[1]. Действия дежурной части ОВД при поступлении заведомо ложного сообщения регламентированы перечнем «Неотложные действия дежурных частей ОВД по реагированию на факты терроризма» где обозначены все силы и средства, привлекаемые для предупреждения и ликвидации последствий террористического акта.

---

[1] Назаркин М. В. Деятельность органов внутренних дел на транспорте по борьбе с преступлениями террористического характера//10 лет борьбы с организованной преступностью, коррупцией и терроризмом: Материалы научно-практической конференции. М.: ВНИИ МВД России, 2000. - С. 71-72.

При установлении номера и места нахождения телефона, откуда поступил телефонный звонок, туда немедленно направляется следственно-оперативная группа. При этом необходима координация действий с территориальными ОВД, так как выезд на место группы немедленного реагирования ближайшего ОВД дает больше шансов на задержание звонившего лица. В задачу членов СОГ входит: изъятие отпечатков пальцев с телефонной трубки и иных окружающих предметов; опрос граждан, которые могут быть осведомлены об обстоятельствах преступлений или могут знать звонивших; наведение справок для проверки лиц, состоящих на учете в ОВД; исследование предметов и документов, обнаруженных на месте преступления; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств в районе совершения преступления; ориентирование личного состава подразделений милиции о приметах подозреваемых, использование средств массовой информации.

Важное значение для раскрытия и расследования заведомо ложного сообщения о террористическом акте имеет получение дополнительной информации о личности подозреваемых с использованием централизованных учетов, а также централизованных коллекций и картотек. Возможности и порядок обращения к указанным учетам определены в Наставлении[1].

Раскрытие преступления, предусмотренного ст.207 УК РФ, - это сложный и трудоемкий процесс, в котором задействовано большое количество сил и средств различных подразделений (ФСБ, МВД, МЧС, МПС и т.д.), поэтому правоохранительные органы основное внимание должны уделять мерам предупредительного характера, направленным на недопущение преступлений данного рода. Эта работа предусматривает создание фонографических карточек, проведение комплекса превентивных мер с руководителями и медицинским персоналом психоневрологических больниц и диспансеров, кадровых аппаратов ОВД, транспортных объектов, преподавательским составом детских домов, учебных заведений и учащимися.

Важное значение имеет умело построенная тактика опроса подозреваемых с момента их задержания. В ходе допроса, если подозреваемый признает свою вину, детально выясняются мотивы и обстоятельства совершенного поступка, уточняется, по возможности дословно, переданное им сообщение, с целью сравнения его текста с текстом, записанным на пленку на пульте службы «02» либо зафиксированным в протоколе допроса лица, получившего данное сообщение. У подозреваемого (обвиняемого) отбираются экспери-

[1] Наставление по формированию и ведению централизованных оперативно-справочных, криминалистических, розыскных учетов, экспертно-криминалистических коллекций и картотек органов внутренних дел Российской Федерации" утверждено приказом МВД России от 12 июля 2000 г.

ментальные образцы голоса для сравнительного исследования с зафиксированным голосом лица, передавшего сообщение о взрыве и в соответствии с требованиями ст. 195 УПК РФ назначается судебная экспертиза. Если был установлен телефонный аппарат, с которого поступило анонимное сообщение, и с него изъяты следы рук, у подозреваемого (обвиняемого) отбираются соответствующие контрольные образцы для сравнительного исследования, после чего назначается и проводится дактилоскопическая экспертиза.

Практика знает случаи, когда заведомо ложное сообщение о террористическом акте направляется в письменном виде. В таких ситуациях требуется особая осторожность при обращении с этим свидетельством виновности подозреваемого (документ с текстом помещается в крафтовый конверт или производится его ламинирование).

Если возбуждается уголовное дело, сообщение в процессуальном порядке приобщается к его материалам и признается вещественным доказательством. В дальнейшем назначается и проводится ряд экспертиз для установления исполнителя сообщения (почерковедческая, графологическая, автороведческая, техническая и др.).

Важное место при раскрытии и расследовании заведомо ложного сообщения об акте терроризма имеет взаимодействие сотрудников аппаратов уголовного розыска со следователем. Самой распространенной и эффективной формой взаимодействия между оперработником и следователем является следственно-оперативная группа. Сочетание средств и методов, которыми располагают следователь и оперативный работник, позволяет целенаправленно и наступательно вести борьбу с указанными преступлениями. Их взаимодействие должно осуществляться по следующим направлениям: совместное проведение поисковых мероприятий на объекте угрозы; совместное планирование следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; выполнение оперативными сотрудниками поручений о производстве оперативно-розыскных мероприятий по факту заведомо ложного сообщения[1].

В раскрытии преступлений, связанных с заведомо ложным сообщением об акте терроризма, важное значение имеет проведение оперативно-розыскного мероприятия «отождествление личности». Необходимо отметить, что иногда встречаются похожие голоса, однако одинаковых нет. Совокупность спектра звуков, содержащихся в голосе, сугубо индивидуальна[2]. Если прислушаться к выступлениям имитаторов голосов знаменитых актеров, то

[1] Лившиц Ю.Д., Тишин Д.В. Особенности организации расследования и взаимодействия при расследовании преступлений, связанных с заведомо ложным сообщением об акте терроризма: Следователь. Федеральное издание №2 - 2003. - С.37.

[2]См.: Пенкгт В.С. Использование фонограммы речи преступника для раскрытия преступлений. Совершенствование работы аппаратов уголовного розыска.

можно понять, что пародисты копируют не сам голос, а только манеру говорить, интонации и жесты. Эксперименты профессора Р. Фарманн доказали, что изменить собственный голос, сделать его неузнаваемым, можно только на протяжении всего 3-5 слов, а дальше индивидуальные признаки возьмут свое[1]. Известно, что процесс оперативной идентификации сводится к изучению и сопоставлению идентификационных признаков отождествляемых объектов. Возможность отождествления объектов обусловлена индивидуальностью и относительной устойчивостью их идентификационных признаков[2].

Опыт общения сотрудников правоохранительных органов, в том числе зарубежных стран, с телефонными террористами позволил сформулировать ряд рекомендаций:

1) Создание в органах внутренних дел постоянно действующих следственно-оперативных групп (далее - СОГ), незамедлительно включающихся в работу после поступления сигнала о готовящемся или совершенном террористическом акте. СОГ ведет свою работу сразу по двум направлениям. Первое – изъятие записи сообщения (если оно имеется) и отработка возможного места совершения акта терроризма и прилегающей территории, второе – отработка места откуда исходил звонок.

2) После изъятия аудиозаписи производится подробный опрос оператора службы «02 для выяснения подробностей принятого сообщения. Изучение практики расследования фактов заведомо ложного сообщения об актах терроризма показало, что на начальном этапе работы очень важную роль играет аудиозапись телефонного разговора с угрозой совершения террористического акта. Именно речевые особенности преступника позволяют выдвинуть версии, направленные на установление личности звонившего и определение возможных мотивов его действий.

3) Необходимо провести экспресс-анализ данных речевого общения с «телефонным террористом. Анализ речевого сообщения и голоса «телефонного» террориста, позволяет значительно сузить круг поиска и действовать наиболее целенаправленно.

4) На месте вероятного совершения теракта, а в случае эвакуации людей там, где их разместили, проводится комплекс разведывательно-поисковых мероприятий.

---

[1] См.: Чей голос. - В кн.: Эврика, 83-84. - М.: Молодая гвардия - 1984. - С.273

[2] Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание. - М, 1969 - С.77

Дружинина Любовь Петровна
Курганский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО СТАТЬЕ 150 УК РФ ЗА ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Причиной многих преступлений среди несовершеннолетних является вовлечение их в преступную деятельность взрослыми лицами, которые нередко бывают организаторами или подстрекателями при совершении преступлений. В ряде случаев взрослые привлекают несовершеннолетних в качестве непосредственных исполнителей, так как они несут более легкую ответственность по сравнению со взрослыми или их не привлекают к уголовной ответственности из-за недостижения возраста. Наиболее опасным для здоровья подростков является вовлечение их в совершение преступления путем применения насилия или с угрозой применения физического насилия. В преступную деятельность в последние годы часто вовлекаются несовершеннолетние, не достигшие возраста уголовной ответственности, которые обучаются способам совершения и сокрытия преступлений, соблюдению воровских традиций, у них всегда перед глазами пример преступного поведения взрослых. Несовершеннолетние подражают взрослым преступникам, стремятся самоутвердиться и могут совершить любое преступление, не задумываясь о последствиях. Под влиянием взрослых они нередко совершают такие тяжкие преступления, которые самостоятельно совершить не могут. По данным информационного центра УВД Курганской области в составе групп с участием взрослых несовершеннолетние совершают 8,9% тяжких и особо тяжких преступлений от общего числа преступлений, в то время как в группах одних несовершеннолетних - 4,7 %. За 2010 год на территории Курганской области зарегистрировано 750 преступлений, совершенных несовершеннолетними, против 847 за аналогичный период прошлого года (-11,5%).

В связи со снижением уровня подростковой преступности количество преступлений, совершенных несовершеннолетними в группах с участием взрослых также сократилось, хотя количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст.150 УК РФ осталось на прежнем уровне. Если за 2009 год следователи области привлекли к уголовной ответственности по ст.150 УК РФ 22 взрослых лица за совершение 53 преступлений, то за 2010 год 22 взрослых лица за совершение 44 преступлений.

Средний возраст лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений составляет 19-26 лет; при этом лица, достигшие только 19-

летнего возраста, составляют 33,7%; 20-22 года - 29,3%; 23-25 лет - 17,7%; 26-35 лет - 19,3%.

Самыми распространенными видами преступлений, которые совершаются несовершеннолетними при участии взрослых соучастников являются кражи и грабежи (87%).

Основными предметами преступного посягательства являются: денежные средства - 27%, мобильные телефоны - 15,8%, одежда и обувь - 5,7 %, телевидеоаппаратура - 5,4 %, радиоаппаратура - 3,4 %, бытовая техника и ювелирные изделия - по 3 %.

Следственным управлением при УВД Курганской области систематически анализируются результаты расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними в смешанных группах, то есть с участием взрослых лиц. По причине издержек следствия многие взрослые, вовлекающие несовершеннолетних в совершение преступлений, не привлекаются к уголовной ответственности за это деяние. Следователи не осуществляют сбор доказательств вины взрослых лиц по ст.150 УК РФ, а предъявляют им обвинение лишь на основании совместного участия в совершении преступлений вместе с подростками. В ряде случаев не предъявляется обвинение взрослым участникам по объективным причинам:

- в ходе предварительного следствия устанавливается, что несовершеннолетний сам является инициатором совершения преступления (65 %);

- когда небольшая разница в возрасте - 18-летний совершает преступление с лицом младше себя по возрасту, считая его ровесником (15%);

- со стороны взрослого при совершении незапланированных преступлений отсутствуют явные умышленные действия, направленные на вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений (10%);

- когда взрослый и несовершеннолетний знакомятся при совершении преступления либо непосредственно перед его совершением (не знают о возрасте друг друга, при незначительной разнице возраста) - (10%).

По направленным в суд уголовным делам далеко не всегда выносится обвинительный приговор по ст.150 УК РФ, так как суды не находят признаков состава преступления или достаточности доказательств. Судебная практика по данному вопросу весьма противоречива, так как отсутствует единый подход органов прокуратуры и суда к оценке доказательств, до сих пор нет однозначного толкования термина "вовлечение".

В Курганской области ежегодно судами оправдывается 42,9% лиц, которым предъявлено обвинение по ст.150 УК РФ.

Так, в суд было направлено уголовное дело по обвинению Ганина И.Г. 1980 года рождения в совершении преступлений, предусмотренных ч.2.

ст.162 УК РФ, ч.4 ст.150 УК РФ и несовершеннолетнего Ганина Ю.Г. в совершении преступления, предусмотренного ч.2 ст.162 УК РФ. В ходе судебного заседания подсудимый Ганин И.Г. виновным себя в совершении преступления, предусмотренного ч.4 ст.150 УК РФ, не признал. Суд оправдал Ганина И.Г. по ч.4 ст. 150 УК РФ за отсутствием в его действиях состава преступления, при этом в приговоре указал, что собранные доказательства его вины по этой статье недостаточны для вынесения обвинительного приговора. С субъективной стороны данное преступление предусматривает наличие у взрослого прямого умысла на вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность и для этого он совершает определенные действия, связанные с непосредственным психическим и физическим воздействием на несовершеннолетнего. Однако это по делу не установлено. Один факт совместного участия Ганина И.Г. и Ганина Ю.Г. в совершении преступления не образует состава преступления, предусмотренного ч.4 ст.150 УК РФ. Другие доказательства виновности Ганина И.Г. в совершении данного преступления следственными органами не предоставлены.

Основанием для оправдания нередко является указание на "отсутствие знания о возрасте вовлекаемого в совершение преступления несовершеннолетнего". Но в большинстве случаев несовершеннолетний и взрослый знакомы: учились в одной школе, являются жителями одного села, соседями, родственниками и т. д. В таких случаях ссылка на отсутствие достоверности знания о возрасте потерпевшего не убедительна и не должна браться во внимание. К оправданию взрослых лиц по ст.150 УК РФ приводит изменение показаний соучастников преступления, если они не подкреплены доказательствами.

Нередко суды считают доказанный факт простого предложения взрослого несовершеннолетнему совершить преступление недостаточным для привлечения взрослого к уголовной ответственности по ст.150 УК РФ.

Судебная практика показывает, что взрослые лица, совершившие преступления в смешанных группах с подростками, осуждаются судами по ст.150 УК РФ, если они являются организаторами и подстрекателями; в то же время, если подстрекателем является несовершеннолетний, а взрослый исполнителем, то состава преступления, предусмотренного ст.150 УК РФ, в действиях взрослого не будет. Если взрослый и несовершеннолетний соисполнители, то необходимо исследовать все обстоятельства образования смешанной группы, а также роль взрослого в вовлечении подростка в совершение данного преступления и в чем выразилось вовлечение.

Дябина Л.В. пишет, что вовлечение несовершеннолетнего может осуществляться различными способами, в частности: обещанием денег, подар-

ков, развлечений; обманом, т.е. когда несовершеннолетний, выполняя просьбу взрослого, не сознает, что совершает преступление (введен в заблуждение); угрозами причинить материальный вред, опозорить в глазах сверстников и товарищей, исключить из среды повседневного общения (неформальной группы).[1]

По мнению Морозова А.И. вопрос о квалификации действий взрослого по ст.150 УК РФ, предложивших подростку совершить преступление, должен решаться однозначно даже при отсутствии угроз, уговоров, насилия.

Он считает, что под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления следует понимать любые умышленные действия лица, достигшего возраста 18 лет, направленные на возбуждение у лица, не достигшего возраста 18 лет, осознанного желания совершить умышленное преступление, а лица, не достигшего возраста уголовной ответственности – общественно опасное деяние, предусмотренное УК РФ, самостоятельно или принять участие, в совершении преступления (общественно опасного деяния), выполнив функции организатора, пособника или подстрекателя, либо принуждение несовершеннолетнего к указанным выше деяниям, а равно возбуждение неконкретизированного желания совершить одно или несколько преступлений (общественно опасных деяний) в будущем, пропаганда преступного образа жизни.[2]

Группа авторов связывает "вовлечение" с подстрекательством несовершеннолетнего к совершению одного или нескольких преступлений. Так, А.И.Чучаев и В.В.Палий считают, что "вовлечение и подстрекательство – тождественные понятия" и предлагают рассматривать вовлечение через институт соучастия, поскольку "это послужит не только устранению разночтения в определении понятия "вовлечение" в научной литературе, но и в практике единого подхода законодателя к указанному понятию при описании уголовно-правовых норм, содержащих такой термин.[3]

Голоднюк М.Н. и Э.Б.Лазарев считают, что законодатель должен дифференцировать уголовную ответственность взрослых в зависимости от последствий – достижения цели вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. В соответствии с этим в ч.1 ст.150 УК РФ следует предусмотреть ответственность за вовлечение (подстрекательство) несовершеннолетнего в совершение преступления, а в ч.2 – ответственность за вовлечение

---

[1] Дябина Л.В. Психологический механизм вовлечения несовершеннолетних в незаконное потребление наркотических средств// Современное право. – 2009. - №4. - С.115-118.

[2] Морозов А. И. Отдельные вопросы квалификации случаев совместной преступной деятельности взрослых и несовершеннолетних// Право и политика. Научный журнал. – 2010. - №4. - С.701-707.

[3] Чучаев А.И., Палий В.В. Вовлечение в совершение преступления: спорные вопросы практики//Российский следователь. - 2006. - №9.

(подстрекательство) несовершеннолетнего к совершению нескольких преступлений.[1]

Многие авторы рассматривают "вовлечение", как понуждение, принуждение, подстрекательство, либо возбуждение желания (готовности или решимости) совершить преступление.

Н.И. Трофимов считает, что одного предложения взрослого несовершеннолетнему совершить преступление достаточно для оконченного состава преступления. По его мнению это формальный состав преступления.[2]

Некоторые авторы придерживаются мнения, что преступление, предусмотренное ст.150

УК РФ, будет оконченным с момента наступления общественноопасных последствий совершения преступления, хотя бы на стадии приготовления (Материальный состав). Наличие или отсутствие на это согласия подростков не требуется. Но имеется иная точка зрения - преступление будет оконченным с момента дачи согласия несовершеннолетним на совершение преступления.

А.Н.Красиков относит к иному способу вовлечения – воспитание несовершеннолетнего в духе романтизма преступной жизни.[3]

А.Н. Игнатов считает, что реальный вред в смысле морального влияния на несовершеннолетнего причиняется не только тогда, когда последнего втянули в активную преступную деятельность, но и самим фактом воздействия на еще неустойчивую и несформировавшуюся психику подростка.[4]

Такие разные подходы к трактовке понятия "вовлечение" вызывают трудности при вынесении приговоров судами по рассматриваемым уголовным делам, не способствуют единообразному решению по квалификации преступления по ст.150 УК РФ.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации №1 от 01.02.2011 года "О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних" сказано: "под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия; действия

---

[1] Голоднюк М.Н., Лазарев Дискуссионные вопросы понятия "вовлечение" как конструктивного признака Э.Б. ст.150 УК РФ// Вестник Московского университета. – 2009. - №6. - С.55-61.

[2] Трофимов Н.И. Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность// Советская юстиция. - №17. – 1968. – С.17.

[3] Красиков А.Н. Преступления против личности. – Саратов, 1999.- С. 164.

[4] Игнатов А.А. Уголовный закон охраняет права несовершеннолетних. – М., 1971. - С.63.

взрослого лица могут выражаться, как в форме предложения совершить преступление или антиобщественные действия, разжигания чувств зависти, мести и иных действий.

К уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий могут быть привлечены лица, достигшие 18-летнего возраста и совершившие преступление умышленно. Судам необходимо устанавливать, осознал ли взрослый, что своими действиями вовлекает несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий. Если взрослый не осознавал этого, то он не может привлекаться к ответственности по статьям 150 и 151УК РФ.

Действия взрослого лица по подстрекательству несовершеннолетнего к совершению преступления должны квалифицироваться по ст. 150 УК РФ, а также по закону, предусматривающему ответственность за соучастие (в виде подстрекательства) в совершение конкретного преступления."[1]

Ряд авторов считают, что термин "вовлечение" нужно заменить на термин "склонение" или на "подстрекательство". Однако подстрекательство выражается в действиях, направленных на склонение другого лица к совершению преступления. Вовлечение в преступление аналогично склонению и также осуществляется путем обещаний, обмана, угроз и иным способом. Поэтому термин "вовлечение" необходимо оставить в ст.150 УК РФ, а в диспозицию ст.150 УК РФ внести указание о заведомости знания взрослым о несовершеннолетнем возрасте лица, вовлекаемого в совершение преступления (судами нередко выносятся оправдательные приговоры в отношении взрослых лиц по ст.150 УК РФ на основании отсутствия достоверного знания о возрасте вовлекаемого несовершеннолетнего в совершение преступления).

Иванова Лилия Викторовна
Тюменская государственная академия мировой экономики,
управления и права

К ВОПРОСУ ОБ ЭКСЦЕССЕ СОУЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Как известно, Уголовный кодекс РФ 1996 г. содержит ст. 36, регламентирующую эксцесс исполнителя преступления, определяя последний как совершение исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом других

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации №1 от 01 февраля 2011 года "О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних.// ПСПС "Консультант плюс"

соучастников. За эксцесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат. В связи с этим возникает несколько вопросов. Возможен ли эксцесс со стороны иных соучастников преступления, кроме исполнителя: со стороны организатора, подстрекателя, пособника преступлению? И если возможен, то как в данном случае должен решаться вопрос об уголовной ответственности, ведь применение уголовного закона по аналогии не допускается.

В литературе неоднократно высказывались мнения о возможности допущения эксцесса со стороны не только исполнителя, но и со стороны любого другого соучастника преступления[1]. Приводятся и различные примеры возможных действий соучастников, которые будут образовывать эксцесс. Пособник, например, добывающий для исполнителя намечаемого хищения огнестрельное оружие, может приобрести вместо обусловленного ружья пистолет, чем кроме пособничества хищению совершит другое преступление – незаконное приобретение и ношение огнестрельного оружия[2]. Или лицо пообещало достать транспортное средство для перевозки похищенного имущества и с этой целью совершает убийство владельца автомобиля, или, пообещав отвлечь внимание сторожа, оно причиняет ему смерть[3]. Организатор и подстрекатель, взявшиеся по сговору с другими соучастниками склонить еще одного человека к преступлению, могут в попытке подавить сопротивление применить непредусмотренное насилие и т.п.»[4]. В приведённых примерах налицо эксцесс не исполнителя, а иных соучастников преступления. При этом в случае наличия на стороне соучастников неконкретизированного или альтернативного умысла, если ими осознавались, предвиделись и допускались различные варианты и способы совершения другим соучастником преступления, в том числе при отягчающих обстоятельствах, то эксцесс со стороны такого соучастника для них исключается, и они должны нести ответственность за содеянное наравне с ним.

Имеются и противоположные точки зрения на рассматриваемую проблему. Так, по мнению В.Г. Усова, «именно исполнитель реализует задуман-

---

[1] См., например: Аветисян С.С. Эксцесс исполнителя в преступлениях со специальным составом // Право в вооруженных силах. – 2003. – № 12. – С. 19; Козлов А.П. Соучастие: Уголовно-правовые проблемы: автореф. дис. …. д-ра юрид. наук. – СПб., 2003. – 40 с. – С. 33; Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. – СПб.: Знание, СПбИВЭСЭП, 2000. – 279 с. – С. 84; Тельнов П.Ф. Кто отвечает за соучастие в преступлении / отв. ред. А.Я. Сухарев. – М.: Юрид. лит., 1981. – 96 с. – С. 154; Шеслер А.В. Соучастие в преступлении: учеб. пособие. – Тюмень: Тюм. юрид. ин-т МВД РФ, 2007. – 70 с. – С. 57.

[2] Тельнов П.Ф. Кто отвечает за соучастие в преступлении / отв. ред. А.Я. Сухарев. – М.: Юрид. лит., 1981. – 96 с. – С. 154.

[3] Косарева Т.И. Пособничество совершению преступления: дис. … канд. юрид. наук. – Рязань, 2004. – 194 с. – С. 126.

[4] Тельнов П.Ф. Кто отвечает за соучастие в преступлении / отв. ред. А.Я. Сухарев. – М.: Юрид. лит., 1981. – 96 с. – С. 154.

ное совместное преступление, а не организатор, подстрекатель и пособник. И именно в этом случае требуется положение, которое бы исключало ответственность других соучастников за деяние исполнителя, не охватываемое их умыслом. Законодатель ставит вопрос о возможности вменения содеянного исполнителем другим соучастникам: организатору, подстрекателю и пособнику, а не наоборот»[1]. Не возражая против этого, необходимо отметить, что данные положения применимы всецело к ситуации, когда организатор, подстрекатель и пособник действуют с единым умыслом, а исполнитель совершает действия, выходящие за пределы этого умысла. Однако возможны ситуации, когда кто-либо из соучастников (не обязательно исполнитель) на стадии приготовления к преступлению совершит какое-либо преступное деяние, выйдя тем самым за пределы умысла остальных соучастников. Например, подстрекатель к убийству действует из корыстных побуждений, исполнитель из ревности.

А.Ф. Ананьин в опровержение возможности эксцесса пособника преступления отмечает, что, во-первых, если исполнитель одного преступления склоняет пособника совершить другое преступление для облегчения исполнения первого, то их роли меняются – исполнитель превращается в подстрекателя, а пособник – в исполнителя. Выход последнего за пределы совместно задуманного деяния является эксцессом исполнителя. Во-вторых, если исполнитель, обращаясь к пособнику, просит его достать какие-либо предметы или выполнить действия, облегчающие совершение «собственного» преступления, не предполагая, что тот в процессе выполнения поручения по собственной инициативе совершит иное самостоятельное преступное деяние, то пособник и в такой ситуации превращается в исполнителя этого иного преступления[2]. Поэтому проблема эксцесса в соучастии сводится к проблеме эксцесса исполнителя[3]. Относительно приведённых примеров необходимо отметить, что, действительно, соучастник, выходя за пределы умысла остальных соучастников, становится исполнителем, но уже нового, совершённого только им деяния. В отношении же ранее планировавшегося преступления, которое охватывалось умыслом других соучастников, он являлся организатором или подстрекателем, или пособником.

---

[1] Усов В.Г. Понятие и ответственность исполнителя преступления. – Рязань: Акад. ФСИН России, 2007. – 184 с. – С. 144.

[2] Ананьин А.Ф. Особенности эксцесса в преступлениях, совершаемых группой лиц // Конституция СССР и дальнейшее повышение эффективности норм уголовного права: Межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск: УРГУ, 1980. – С. 94.

[3] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / под общ. ред. С.И. Никулина. – М.: Изд-во Менеджер совместно с изд-вом Юрайт, 2002. – 1183 с. – С. 188.

При этом возможно перерастание эксцесса соучастника в одном преступлении в эксцесс исполнителя другого преступления. Так, соучастник допускает эксцесс в отношении преступления, охватывающегося умыслом других соучастников, где он является организатором, подстрекателем или пособником, и это будет эксцессом соучастника. Если же новое преступление совершается им в соучастии с другими субъектами, то при исполнении объективной стороны этого нового состава преступления, им также может быть допущен эксцесс, но это уже будет являться эксцессом исполнителя преступления.

Представляется, что об эксцессе соучастника (организатора, подстрекателя, пособника) можно вести речь только при наличии признаков соучастия до совершения деяния, представляющего собой эксцесс. Учитывая, что ключевой фигурой в соучастии является исполнитель преступления, без реального наличия которого нет и соучастия в преступлении, выход лица за пределы общего умысла будет являться эксцессом соучастника в случае совершения исполнителем первоначально задуманного преступления полностью или в части (на стадии приготовления или покушения). Это должно выступать основным условием при решении вопроса о наличии эксцесса соучастника преступления. При этом деяние соучастника, не охватывающееся умыслом других соучастников, рассматривается по отношению к совершённому исполнителем преступлению как самостоятельное, дополнительное, сопутствующее. Эксцессивные действия соучастник допускает, являясь организатором, подстрекателем, пособником в том преступлении, которое совершает исполнитель (полностью или в части).

Эксцесс соучастника преступления необходимо отличать от случаев посредственного причинения. Так, не согласимся с С.Ф. Милюковым, приводящим в качестве примера эксцесса пособника случай, когда при подготовке разбойного нападения пособник предоставляет боевые патроны вместо холостых или отравляющее вещество вместо оговорённого снотворного[1]. На наш взгляд, в подобных ситуациях, когда исполнителю предоставляются какие-либо средства совершения преступления, которые могут вызвать более значительные преступные последствия, и при этом исполнитель не поставлен в известность о таких свойствах орудия преступления, имеется эксцесс со стороны посредственного причинителя. Но это не эксцесс соучастника (в данном случае пособника), так как предшествующая деятельность не является соучастием, а представляет собой стечение нескольких лиц в преступлении.

[1] Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. – СПб.: Знание, СПбИВЭСЭП, 2000. – 279 с. – С. 83.

В отличие от эксцесса соучастника, за который другие соучастники уголовной ответственности не подлежат, при посредственном причинении не исключается уголовная ответственность лица, непосредственно совершающего преступление и действующего по неосторожности.

Следует отметить, что Уголовным кодексом РФ в ст. 36 регламентируется эксцесс только исполнителя преступления. В этом плане интересен Модельный Уголовный кодекс: рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств, принятый на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств (Постановление № 7-5 от 17 февраля 1996 года), который закрепляет норму об эксцессе соучастника, что представляется более удачным, так как эксцессивные действия, как отмечалось, могут быть совершены не только исполнителем, но и другими соучастниками преступления. Уголовные кодексы ряда стран также предусматривают норму об эксцессе соучастника (ст. 40 УК Республики Армения, ст. 30 УК Республики Казахстан). УК Ирака 1969 г. также предусматривает возможность совершения иного преступления не только исполнителем, но и соучастником преступления. Однако вопрос об ответственности других соучастников при этом решается с позиции «вероятного последствия», что свидетельствует о признании наличия причинной связи между действиями соучастников и достигнутым результатом, в широком её понимании, что позволяет вменять в вину соучастника действия других соучастников при совершении ими нового преступления.

Таким образом, совершить преступление, не охватывающееся умыслом других соучастников, может не только исполнитель, но и организатор, подстрекатель, пособник. При этом от эксцесса соучастника, исключающего уголовную ответственность других соучастников, следует отличать случаи эксцесса посредственного причинителя, допускающего уголовную ответственность непосредственного исполнителя преступления за преступление, совершённое с неосторожной формой вины.

Лосев Сергей Геннадьевич
Тюменская академия
мировой экономики, управления и права

КЛАССИФИКАЦИЯ СОСТАВОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Вопрос о классификации составов преступлений в отечественном уголовном праве представляется давно разрешенным и не требующим внимания теоретиков права. Однако представляется, что указанная «непротиворечи-

вость» носит исключительно внешний, поверхностный характер и при внимательном рассмотрении вопроса возникает множество проблем, далеких от однозначного разрешения. В качестве главной методологической проблемы теории состава преступления в отечественном уголовном праве можно назвать проблему отождествления собственно состава преступления как систему признаков, характеризующих конкретное виновное общественно-опасное деяние, нарушающее уголовно-правовой запрет, и состава запрещенного уголовным законом деяния, как системы закрепленных в уголовном законе признаков деяния, за которые установлена уголовная ответственность. Вытекающие из указанного смещения неверные классификации уголовно- правовых составов, фактически объединяющие в себе явления разной природы – составов преступлений, и составов запрещенных законом деяний, ведет к неверному определению их видов, в частности – к размыванию понятия «материальный состав преступления». Данная статья не претендует на полное разрешение проблем классификации уголовно-правовых составов, однако, думается, всё же послужит их разрешению в будущем.

Первую классификацию, которую уместно рассмотреть – это классификация составов по сфере применения или той сфере деятельности, в которой указанные составы используются. Исходя из того, для чего служит тот или иной состав, мы можем выделить составы, используемые в правоприменительной деятельности и теоретические составы. В правоприменительной деятельности задействованы состав запрещенного законом деянии и состав преступления, понятие которых, в общем, мы дали выше.

Теоретические же составы – это системы обобщенных признаков, закрепленных в уголовном законе запрещенного законом деяния, используемые в педагогических и научных целях.

С данными составами можно ознакомиться в любом учебнике по Уголовному праву России. Фактически, это наиболее изученные, наиболее формализованные (т.е. четко описанные), составы. Было бы нелепо исключать их из перечня уголовно- правовых составов. Однако так же ошибочно полагать, что теоретические составы – всего лишь разновидность состава преступления или состава запрещенного законом деяния. Точно так же как Уголовное право, как отрасль научных знаний и Уголовное право, как учебная дисциплина, несмотря на взаимосвязь друг с другом и Уголовным правом как отраслью права представляют собой нечто самостоятельное, точно так же вся совокупность теоретических составов имеет право на самостоятельное, независимое существование от остальных уголовно-правовых составов.

Если подробнее рассмотреть теоретические составы, то можно выделить их классификацию по степени обобщенности и по содержанию. По сте-

пени обобщенности можно выделить общий, родовой и видовой составы. Наиболее значим из них общий теоретический состав, т.е. теоретический состав, который объединяет в себе признаки абсолютно всех составов запрещенных законом деяний, которые существуют в ныне действующем законодательстве, и также составов запрещенного законом деяний из законодательства, утратившего силу.

Следующая классификация составов, которая будет рассмотрена – это классификация по конструкции объективной стороны, или как принято определять эту классификацию более коротко – «классификация по конструкции».

Уже как аксиома преподносится, что составы делятся на материальные и формальные. Причем, как правило, указывается, что материальные составы так описаны законодателем, что в конструкцию объективной стороны включены какие-либо общественно-опасные последствия, а в формальном составе законодателем описаны только признаки общественно – опасного деяния.

С точки зрения Р. Д. Шарапова, классификация составов преступлений по конструкции «проистекает из концептуальной ошибки – отождествления состава преступления с диспозицией уголовно-правовой (вернее, с составом запрещенного законом деяния, добавим мы) нормы»[1]. Т.е., когда речь идет о классификации составов преступлений по конструкции объективной стороны, то речь должна идти о классификации составов запрещенных законом деяний. Любое преступление, как явление, происходящее в материальном мире, неизбежно влечет за собой последствия в этом мире. На этом строится концепция всеобщей причинной связи в диалектике. Небольшое исключение представляют собой только преступления, направленные против нематериальных ценностей – клевета, оскорбление и т.д. В силу данного свойства, очевидно, что система признаков, характеризующая конкретное преступление, неизбежно будет включать в конструкцию объективной стороны какие-либо осязаемые, воспринимаемые органами чувств последствия. Исходя из этого, классификация составов преступления по конструкции объективной стороны практически теряет смысл, т.к. практически все они материальные.

Также к числу недостатков рассматриваемой классификации можно отнести следующие:

- когда речь идет об общественно-опасных последствиях преступления, то авторы смешивают все последствия, не зависимо от их природы;

- когда ведут речь о формальных составах, то речь идет, как правило, о достаточно разнообразных по своей конструкции составах, объединенных скорее произвольно, чем исходя из строго обоснованной классификации.

---

[1] Шарапов Р.Д. Классификация составов преступлений на формальные и материальные: миф или реальность?// Уголовное право. - 2000 №3. - С. 51.

Как верно указано А. П. Козловым, «суть заключается в следующем: 1) в диспозициях норм Особенной части УК все преступления урегулированы в двух вариантах – с признанием оконченными только при наличии материализованных последствий, и 2) с признанием оконченными только при совершении действия (бездействия), когда последствия для квалификации значения не имеют; мало того, последний вариант не представляет собой нечто единое, поскольку в одних видах преступлений оконченным преступлением признаны действия по созданию условий для причинения вреда, а в других – действия по причинению вреда (действия – исполнения)»[1].

На что следует обратить внимание в приведенной цитате?

Во-первых, первое основание классификации, предложенной автором – по включению/ не включению в конструкцию ***материальных*** (выделено нами) последствий. Т.е не любых последствий вообще, а осязаемых, воспринимаемых органами чувств, присущих окружающему нас материальному миру. К числу таковых можно отнести ущерб, причиненный личности или имуществу.

К сожалению, понимание материального состава запрещенного законом деяния, именно как состава, в конструкцию которого включены материальные последствия, подменяется понятием материального состава – состава с любыми последствиями, независимо от их природы. Таким образом, утрачивается смысл понятия «материальный», т.е. относящийся к материальной стороне окружающего нас мира.

Делая промежуточные выводы, скажем, что составы запрещенных законом деяний делятся на материальные и не материальные. Первые, как уже очевидно, включают в свою конструкцию данные последствия, а вторые – нет. Именно в рамках дихотомии «материальный – не материальный» можно рассмотреть все виды составов запрещенных законом деяний, которые изложены в тексте уголовного закона.

В свою очередь, нематериальные составы делятся на:

- формальные составы, т.е. те составы, в конструкции объективной стороны которых отсутствует какие – либо последствия, а состоят только из описания признаков деяния. К числу таковых можно отнести, например состав деяния, запрещенного ст. 119 УК РФ «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью»;

- составы – угрозы. В конструкцию объективной стороны указанных составов помимо описания признаков деяния входит описание угроз, которые

[1] Козлов А.П. Учение о стадия преступления.- С. Пб, 2002 - С. 46.

это деяние создает. К числу таковых в настоящее время можно отнести состав деяния, запрещенного ст. 215 УК РФ;

- составы с субъективно оцениваемыми последствиями. К числу таковых следует отнести состав клеветы и оскорбления. Деяния, совершение которых запрещено, в первую очередь, статьями 129 и 130 УК РФ, посягают на такие ценности, как честь и достоинство личности. Честь определяется как категория, означающая моральную оценку индивидуума со стороны общества, а также самооценку человека. Честь — одно из нематериальных благ (ст.150 ГК РФ), принадлежащих человеку от рождения, оно не отчуждаемо и не передаваемо. Гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности, а также *возмещения убытков* и *компенсации морального вреда*, причиненных их распространением.[1] Достоинство определяется как «морально-нравственная категория, означающая уважение и самоуважение человеческой личности. Д. — неотъемлемое свойство человека как высшей ценности, принадлежащее ему независимо от того, как он сам и окружающие люди воспринимают и оценивают его личность. В гражданском праве Д. — одно из нематериальных благ (ст. 150 ГК РФ)» [2]. Т.е. ущерб такой ценности, как достоинство, не может быть оценен без участия самого потерпевшего. Только сам потерпевший в состоянии его оценить.

Рассмотрим теперь классификацию составов по их структуре.

Традиционный взгляд на классификацию составов преступлений по структуре заключается в том, что в зависимости от способа описания признаков состава преступления в законе различаются два вида составов: простой и сложный.

При этом указывается, что при описании простого состава в законе определяются все признаки данного состава преступления одномерно: один объект, одно действие, одно последствие, одна форма вины. В качестве примера простого состава можно привести состав деяния, предусмотренное ч.1 ст. 105 УК (умышленное убийство). Один объект - жизнь человека; объективная сторона - одно деяние, наступление одного последствия - смерти человека. Субъективная сторона - одна форма вины - умысел.

В сложных же составах имеют место такие варианты усложнения состава:

а) удвоение элементов (например, два объекта посягательства, две формы вины, два последствия);

---

[1] Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / Под ред. проф. А. Я. Сухарева. — М, 2007. - С. 97.

.

[2] Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / Под ред. проф. А. Я. Сухарева. — М, 2007. - С. 57.

б) удлинение процесса совершения преступления (длящиеся и продолжаемые преступления);

в) альтернативность элементов, квалифицирующих преступление (например, убийств при квалифицирующих признаках по элементам мотива, способа совершения, количеству потерпевших);

г) соединение в одном составе нескольких простых составов (составные преступления).

Каковы же недостатки рассматриваемой классификации, изложенной в соответствии с каноном классической теории состава преступления?

Как уже неоднократно отмечалось, в данной теории не существует отличий между собственно составом преступления и составом запрещенного законом деяния. Это приводит к смешению в одной классификации разнородных по своей сути разновидностей этих разных явлений.

Так, совершенно очевидно, что альтернативность элементов состава присуща исключительно составу запрещенного законом деяния. Составляя текст статьи уголовного закона, обобщая наиболее важные признаки общественно – опасных деяний, законодатель может придавать объективной стороне состава альтернативный характер. Если же говорить о составе преступления как системе признаков конкретного общественно – опасного деяния, то очевидно, что никаких альтернативных признаков в этом составе нет. В самом деле, виновный не может приобретать или хранить или перевозить наркотики. Он может совершать либо одно из этих действий либо совершать их вместе, но в его действиях не может содержаться альтернативный перечень указанных действий.

Мащенко Вера Александровна
Курганский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ЗАКОННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Первичным принципом правового государства выступает принцип правовой защищенности человека и гражданина[1], одним из элементов которого является особая охрана прав несовершеннолетних, в том числе и при совершении ими какого-либо преступления.

В условиях построения правового государства, проявлением повышенного внимания со стороны властей к охране прав несовершеннолетних при

[1] Теория государства и право. Учебник. / Отв. ред. В.М. Корельский и В.Д. Перевалов. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1996. - С. 102.

расследовании совершенных ими преступлений является удвоенное представительство их интересов, означающее, что одновременно в деле участвует адвокат (защитник) и законный представитель.

Однако практика показывает, что не всегда при расследовании преступлений несовершеннолетних участвуют их родители или законные представители. Хотя российское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство в целом практически отражает требование международных стандартов о повышенной правовой охране несовершеннолетних. Это обеспечивается различными способами, в том числе и участием законных представителей, близких родственников в производстве по уголовному делу.

В этой связи целесообразно согласиться с мнением профессора Э.Б. Мельниковой, о том, что участие законного представителя несовершеннолетнего в российском уголовном процессе связано с двумя обстоятельствами: 1) с неполнотой процессуальной дееспособности несовершеннолетнего; 2) с, тем, что законный представитель (родители, усыновители, опекуны, попечитель) несет ответственность за воспитание и поведение несовершеннолетнего[1].

В юридической науке на этот счет высказывались различные точки зрения. Так, по мнению Э.А. Черных, привлечение родителей либо иных законных представителей или близких родственников к допросу несовершеннолетних вытекает из необходимости учета их возраста и индивидуальных особенностей и является дополнительной процессуальной гарантией охраны прав несовершеннолетних, установления истины, обеспечения воспитательного и предупредительного воздействия судопроизводства[2].

Несколько иной позиции придерживались Л.М. Карнеева, С.С. Ордынский, С.Я. Розенблит, которые ещё в 1958 г. высказали мнение, что родители должны приглашаться только в том случае, если они не связаны с совершенным преступлением и если известно, что подлежащий допросу несовершеннолетний относится к ним с уважением[3].

По мнению С.В. Матвеева, этот тезис вполне может быть отнесен к любому несовершеннолетнему, допрашиваемому следователем, независимо от его процессуального статуса[4].

---

[1] Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция. Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. - М.: Дело, 2001. - С. 86.

[2] Черных Э.А. Психологические основы допроса несовершеннолетних на предварительном следствии: Дис... канд. юр. наук. - М., 1969. - С. 176.

[3] Карнеева Л.М., Ордынский С.С, Розенблит СЯ. Тактика допроса на предварительном следствии. - М., 1958. - С. 193.

[4] Матвеев СВ. УПК РФ об участии законных представителей, близких родственников в расследовании уголовных дел, совершенных несовершеннолетними.// Журнал российского права. - 2002. - № 5. - С 16.

Г.М. Миньковский отмечал, что вызов родителей для участия в допросе несовершеннолетнего обвиняемого представляется в большинстве случаев нецелесообразным. Обвиняемый в ряде случаев будет испытывать в присутствии родителей чувство страха, стыда и так далее, будет чутко реагировать на эмоции отца и матери, следить за их мимикой, движениями, улыбками и в соответствии с этим давать свои ответы[1].

Как правильно подметила Ю.Р. Орлова, особенно проблематичным представляется вопрос участия законных представителей по делам несовершеннолетних, когда родители сами выступают в роли лиц, совершающих преступления в отношении своих несовершеннолетних детей или лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений, т.е. когда интересы родителей и детей находятся в противоречии либо когда родители могут противодействовать расследованию преступлений, совершаемых несовершеннолетними[2].

Такой же точки зрения придерживается и В.Г. Дремов, считая, что законные представители всегда заинтересованы в определенном исходе дела и могут отрицательно влиять на поведение несовершеннолетнего обвиняемого во время допроса[3]. Аналогичные взгляды высказывали многие другие ученые, в частности, А.С. Ландо[4], О.Х. Галимов[5], М.И. Еникеев[6] А.Г. Филлипов[7] т.д.

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ[8] законодатель подошел к этому вопросу с несколько иных позиций. Статья 426 УПК РФ закрепляет положение, регулирующее участие законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в досудебном производстве по уголовному делу; что само по себе очень важно. Момент допуска законного представителя связан с моментом первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого. Процессуально это оформляется постановлением следователя, дознавателя.

---

[1] Миньковский Г.М. Особенности расследования и судебного разбирательства дел о несовершеннолетних. - М.: Юридическая литература, 1959. - С. 120.

[2] Орлова Ю.Р. особенности расследования и предупреждения преступлений несовершеннолетних / Под ред. д.ю.н., проф. А.М. Кустова. – М.: Московский университете МВД России, Издательство «Щит-М», 2007. - С. 26.

[3] Дремов В.Г. Показания несовершеннолетнего обвиняемого в советском уголовном процессе: Автореф. дис.... канд. юр. наук. - М., 1970. - С. 7.

[4] Ландо А.С Представители несовершеннолетних обвиняемых в советском уголовном процессе / Под ред. В.А. Познанского. — Саратов, 1977. - С. 75-76.

[5] Галимов О.Х. Малолетние лица в уголовном процессе. - СПб.: Петербург. 2003. - С. 99.

[6] Еникеев М.И. Юридическая психология: Учебник для вузов. - М.: Норма, 2004. - С. 272.

[7] Криминалистика / Под ред. А.Г. Филиппова. - М.: Юриспруденция, 2000. - С. 341.

[8] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 30 апапреля 2020 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 492.

В соответствии с содержанием вышеуказанной статьи законодатель определяет следующие права законного представителя:

1) право знать, в чем подозревается или обвиняется несовершеннолетний;

2) право присутствовать при предъявлении обвинения;

3) право участвовать в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, а также, с разрешения следователя, в иных следственных действиях, производимых с его участием и участием защитника;

4) право знакомиться; с протоколами следственных действий, в которых он принимал участие, и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в них записей;

5) право заявлять ходатайства и отводы, приносить жалобы на действия и решения дознавателя, следователя, прокурора;

6) право предоставлять доказательства;

7) право по окончании расследования знакомиться со всеми материалами уголовного дела, выписывать из него любые сведения и в любом объеме.

Как совершенно справедливо отметил С.В. Матвеев, в перечне прав законного представителя столь категоричная формулировка о его присутствии при предъявлении обвинения, а также об участии в допросе несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого вряд ли целесообразна. Это во многом ограничивает возможности следователя в установлении психологического контакта как универсального подхода, используемого в целях оптимизации следственных действий, выбора тактических приемов их проведения. А значит, неизбежно отразится на объеме доказательственной информации, которую мог бы получить следователь, проводя допрос[1].

Однако нельзя не согласиться и с Э.Б. Мельниковой, которая пишет, что интересы несовершеннолетнего могут не совпадать с интересами его законного представителя. И суть таких возможных противоречий не обязательно в обстоятельствах конкретного дела, а в двойственном положении законного представителя. Ведь фактически он защищает не только интересы несовершеннолетнего, но и свои собственные[2].

Таким образом, решая вопрос об участии законных представителей при предъявлении обвинения в допросе подозреваемых и обвиняемых несовершеннолетних, необходимо принимать во внимание два момента:

1) чувства, испытываемые несовершеннолетним к данным лицам;

---

[1] Матвеев СВ. УПК РФ об участии законных представителей, близких родственников в расследовании уголовных дел, совершенных несовершеннолетними.// Журнал российского права. - 2002. - № 5. - С 16.

[2] Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция. Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. - М.: Дело, 2001. - С. 87.

2) возможность их отрицательного влияния на несовершеннолетнего в процессе допроса.

В связи с этим, в УПК РФ следовало бы оговорить возможность участия законного представителя в следственных действиях с несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми с учетом, прежде всего, мнения несовершеннолетнего.

Статья 191 УПК РФ предусматривает право законного представителя присутствовать при допросе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в ходе предварительного следствия. Между тем формулировка «присутствовать» не отражает в полной мере роль законного представителя, сводя ее лишь к пассивной форме - наблюдению за ходом допроса. А это не соответствует его реальным правам, предусмотренным законом. Поэтому термин «присутствие» предпочтительней заменить термином «участие», что предполагает активное, совместное со следователем выполнение следственного действия.

В этой связи необходимо согласить с мнением Ю.Р. Орловой[1], предлагающей в п. 12 ст. 5 УПК РФ, где раскрывается понятие «законные представители», внести дополнение о том, что законный представитель возможен не только у несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, но и у несовершеннолетнего свидетеля, поскольку сам УПК РФ (в ст. 191 и 280) предусматривает участие законных представителей в допросе несовершеннолетних потерпевших или свидетелей как в ходе предварительного, так и в ходе судебного следствия.

Особый интерес вызывают положения п. 4 ст. 280 УПК РФ, согласно которым допрос малолетнего свидетеля, потерпевшего в ходе судебного следствия проводится с обязательным участием его родителей. Однако при допросе на предварительном следствии этот момент не урегулирован.

В связи с чем, представляется целесообразным устранить данное противоречие, а также определить возраст малолетнего как лица, совершившего общественно-опасное деяние, до достижения возраста привлечения уголовной ответственности, как потерпевшего или свидетеля, так как УПК РФ обходит это молчанием.

Кроме того, как уже ранее предлагала Ю.Р. Орлова, УПК РФ необходимо дополнить положением об участии в следственных действиях с несовершеннолетними свидетелями и потерпевшими, подозреваемыми и обвиняемыми близких родственников, а не только законных представителей. Подобное ограничение круга лиц, представляющих и защищающих права несо-

[1] Орлова Ю.Р. особенности расследования и предупреждения преступлений несовершеннолетних / Под ред. д-ра юр.наук, проф. А.М. Кустова. – М.: Московский университет МВД России, Издательство «Щит-М», 2007. - С. 26.

вершеннолетних, вряд ли оправданно. Близкие родственники могли бы оказать следователю действенную помощь в установлении психологического контакта, в выяснении комплекса вопросов, касающихся личности несовершеннолетнего, условий его жизни и воспитания, обстоятельств, проливающих свет на причины совершения им преступления[1].

В то же время отсутствие в процессе или неинформированность законных представителей о производстве процессуальных действий влечет, по мнению автора данной работы, нарушение прав несовершеннолетних обвиняемых или подозреваемых.

С учетом всего изложенного можно сделать вывод, что роль законного представителя, близкого родственника очень важна при расследовании преступлений несовершеннолетних в целях защиты их прав. Если несовершеннолетний не имеет родителей и проживает один или у лица, не назначенного надлежащим опекуном или попечителем, в качестве законного представителя несовершеннолетнего суд должен вызвать представителя органа опеки и попечительства, неявка которого не приостанавливает рассмотрения дела, если суд не найдет его участие необходимым. Если лицо, совершившее преступление в возрасте до 18 лет, на момент рассмотрения дела в суде достигнет совершеннолетия, функции законного представителя прекращаются. Однако эти функции могут быть продолжены при принятии судом решения о распространении на лиц в возрасте от 18 до 20 лет содержащихся в законе[2] положений об особенностях уголовной ответственности несовершеннолетних.

Таким образом, четкое законодательное закрепление форм участия законных представителей несовершеннолетнего при расследовании преступлений несовершеннолетних, безусловно, снимет многие проблемные моменты теории и практики.

Новикова Марина Викторовна
Курганский государственный университет

УЧАСТИЕ ЧАСТНОГО ДЕТЕКТИВА В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В юриспруденции существуют различные точки зрения о сущности доказывания в уголовном судопроизводстве. Принято считать, что именно в процессе доказывания по уголовному делу происходит установление истины.

---

[1] Орлова Ю.Р. особенности расследования и предупреждения преступлений несовершеннолетних / Под ред.д-ра юр.наук, проф. А.М. Кустова. – М.: Московский университет МВД России, Издательство «Щит-М», 2007. - С. 28.

[2] ст. 96 Уголовного кодекса РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 28 апреля 2009 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Отношение к «истине» среди ученых также неоднозначно. Так, например, Е.Б. Мизулина считает, что «…постановка вопроса о существовании уголовно-процессуальной истины неправомерна не только потому, что не содержит в себе ответа, но и потому, что вообще не может быть отнесена числу уголовно-процессуальных парадигм».[1]

Г.Н. Ветрова же считает, что «изгнание» из уголовного процесса принципа объективной истины, является большим уроном в системе гарантий прав личности.[2] Тем не менее, процедура процесса доказывания в уголовном судопроизводстве является центральным звеном. К сожалению, приходиться констатировать, что УПК РФ не дает определения понятию «процесс доказывания», а только лишь определяет структуру данного процесса – сбор, проверку и оценку доказательств. (ст. 85 УПК РФ).

Тем не менее, определение понятию «процесс доказывания» было в свое время сформулировано М.С. Строговичем, который разделял понятие собирание доказательств и выделял обнаружение доказательств и закрепление доказательств как самостоятельные элементы доказывания.[3]

Проанализировав различные взгляды ученых на определение понятия процесса доказывания и с учетом вносимых предложений (о которых речь пойдет далее) хочется предложить собственное видение на определение данного понятия, а именно: **« Доказывание в уголовном судопроизводстве – это деятельность органов предварительного расследования, прокурора и суда, предусмотренном законом порядке, а также иных лиц, наделенных правом участия в данной процедуре, предусмотренных настоящим кодексом, направленная на сбор, проверку и оценку сведений, устанавливающих наличие ли отсутствие обстоятельств подлежащих доказыванию».**

Исходя из предложенного определения понятия, хочется подробнее остановиться на так называемых «иных лицах». К иным лицам, автором, наряду с подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком и их представителями, защитником (которые оговорены в ст. 86 УПК РФ) отнесен **частный детектив**. Введение в уголовный процесс такого участника, как частный детектив является, по мнению автора, интересным и перспективным нововведением в процедуру процесса доказывания.

---

[1] Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. – Тарту, 1991.

[2] Ветрова Г.Н.Тенденции развития процессуальных гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве // Материалы международной научно-практический конференции. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания. - М., 2004. – С. 74.

[3] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса//М.: Наука,1969. - Т. 1– С. 302.

Согласно статье 86 УПК РФ правом сбора, проверки и оценки доказательств, (т.е. осуществлять доказывание) обладают – дознаватель, следователь, прокурор и суд. Никакие иные участники уголовного судопроизводства не наделены таким правом. Исходя из указанной нормы, подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, защитник обладают лишь правом сбора предметов, каких – либо документов, которые они представляют должностному лицу для их проверки и оценки. В свою очередь, проверив и оценив представленную информацию должностное лицо, в чьем производстве находится уголовное дело, решает вопрос о приобщении к делу в качестве доказательств, либо отказывает в приобщении, при этом руководствуется внутренним убеждением, законом и совестью. (ст. 17 УПК РФ) В результате мы имеем «перекос» в реализации принципа состязательности, что приводит к нарушению равенства прав сторон в процедуре доказывания. Из этого следует сделать вывод, что необходимо пересмотреть правовые нормы и внести соответствующие изменения на законодательном уровне, в целях устранения данного «перекоса».

Однако более подробно хотелось бы остановиться на привлечение к участию в процедуре доказывания по уголовным делам частного детектива. На современном этапе развития общества, граждане нашего государства, все чаще стали обращаться за услугами в частные детективные агентства. Согласно п. 11 ч. 1 ст. 46, п. 21 ч. 4 ст. 47, ч. 2 ст. 16, ст. 86, ст. 244 УПК РФ подозреваемый, обвиняемый вправе защищаться иными средствами и способами, не запрещенными настоящим Кодексом. Исходя из этого, можно предположить, что подозреваемый, обвиняемый вправе обратиться за помощью в сборе информации, имеющей доказательственное значение к частному детективу.

По данным старшего прокурора правового управления Генеральной прокуратуры РФ, В.Г. Семенова, изучившего 76 уголовных дел, по всем изученным делам частным детективом применялся устный опрос, по каждому третьему делу производилось наведение справок, по 40,8 % уголовных дел, внешний осмотр строений, помещений и других объектов.[1]

Частный детектив, осуществляя свою деятельность, руководствуется федеральным законом «О частной детективной деятельности в Российской Федерации» от 11 марта 1992 г. № 2487 – I. Однако информация, предоставленная частным детективом, обычно подвергается большому сомнению со стороны обвинения и суда. Это объясняется в первую очередь тем, что федеральный закон «О частной детективной деятельности в Российской Федерации» и уголовно-процессуальное законодательство не только не пересекают-

[1] Семенов В.Г. Как воспользоваться услугами частного детектива в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс. - № 5. – 2010. – С. 32 – 37.

ся, но и в рамках уголовного процесса деятельность частных детективов никак не оговаривается, (также как и сам закон) в отличии, например, от оперативно – розыскной деятельности. Для легализации законного участия в уголовном судопроизводстве частного детектива необходимо, для начала, оговорить его процессуальный статус.

В связи с чем, автор считает возможным дополнить главу 8 УПК РФ еще одной нормой, а именно ст. 60.1, которую изложить в следующей редакции: «Ч.1. Частный детектив – это физическое лицо, обладающее правом, в соответствии действующим законодательством, на осуществление частной детективной деятельности и заключившее договор на оказание сыскных услуг в письменной форме.

Ч. 2. Частный детектив в течении 24 часов с момента заключения договора с кем-либо из участников по уголовному делу, письменно уведомляет об этом лицо, в чьем производстве находится уголовное дело.

Ч. 3. Частный детектив допускается к участию в деле с момента письменного уведомления лица, в чьем производстве находится уголовное дело, предоставления лицензии на осуществление частной детективной деятельности, а также договор, который он заключил с участником уголовного судопроизводства на оказание сыскных услуг.

Ч. 4. Частный детектив вправе:

1) проводить опрос граждан и должностных лиц с их согласия;

2) изучать представленные документы с согласия их владельца;

3) проводить внешний осмотр строений, помещений, других объектов, наблюдения.

4) приносить жалобы на действия (бездействия) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права.

Возможно использование видео - аудиозаписи, кино – и фотосъемки, иных технических средств, в соответствии с действующим законодательством, не причиняющих вреда жизни и здоровью граждан и не нарушающих их конституционных прав, а также не причиняющих вреда окружающей среде.

Не вправе:

1)совершать действия, ставящие под угрозу жизнь, здоровье, честь, достоинство и имущество граждан, а также посягающие на права и свободы граждан;

2) разглашать сведения, ставшие ему известными в связи с участием в уголовном деле, а также уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 УПКРФ;

4) излагать заведомо ложную информацию в акте, который составляется частным детективом по итогам проведенного им частного расследования.

За дачу заведомо ложного акта частный детектив несет ответственность в соответствии со статьей 307 УК РФ.

За разглашение сведений, ставших ему известными в связи с участием в уголовном деле, частный детектив несет ответственность в соответствии со статьей 310 УК РФ. В связи с введением данной нормы, необходимо внести соответствующие изменения в статью 86 УПК РФ, а именно дополнить ее частью четвертой, следующего содержания: **«Частный детектив вправе собирать доказательства путем: 1) опроса лиц с их согласия; 2) проведение внешнего осмотра строений, помещений, других объектов; 3) осуществлять наблюдение. По итогам проведенной работы частным детективом составляется акт.**

Акт, составленный частным детективом, можно отнеси к группе иных доказательств. Данный документ дознаватель, следователь, прокурор и суд оценивают с точки зрения относимости, допустимости и достоверности.

Относимость оценивается исходя из содержания акта, допустимость с точки зрения требований норм УПК РФ, а достоверность по источнику получения, которым будет являться сам частный детектив.

Использование информации, собранной частным детективом в ходе уголовного судопроизводства может значительно улучшить процедуру доказывания по уголовным делам.

Предеина Любовь Владимировна
Курганский государственный университет

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И ПРОЦЕСС ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Детерминантами преступности (от лат. *determinare* — «определять») называются комплексы социальных явлений, совместное действие которых порождает преступность. Принято выделять три вида детерминант преступности: 1)причины; 2) условия; 3) факторы. Причины порождают преступность как свое закономерное следствие; условия формируют причины преступности либо способствуют их проявлению; факторы определенным образом влияют на состояние преступности. Изучение причин и условий позволяет ответить на вопрос о том, почему преступность существует, изучение факторов – на вопрос о том, почему эта преступность достигла определенного уровня. В реальности все эти детерминанты воплощаются в единую криминогенную ситуацию совершения преступлений, поэтому одно и то же явле-

ние может выступать одновременно в указанных трех качествах по отношению к различным аспектам преступности[1].

На трех уровнях следует рассматривать детерминанты преступности: обще социальном, социально психологическом и психологическом. Общесоциальные детерминанты преступности связаны с социальными процессами, происходящими в обществе в целом и отражающимися на образе жизни целых макрогрупп. Детерминанты социально-психологического уровня преступности порождаются существованием и влиянием малых социальных групп, в которых находится личность, поскольку определяющими условиями формирования криминогенной мотивации выступают особенности социализации личности в условиях конкретной микросоциальной среды межличностного общения. Психологический уровень детерминант преступности предполагает изучение взаимодействия свойств личности преступника с конкретной жизненной ситуацией преступления.[2]

На рубеже XXI века в связи с уходом Президента России Б.Н. Ельцина в отставку, в 2000 г. на пост главы государства был избран В.В. Путин, который во внутренней политике проводил последовательный и жёсткий курс на централизацию и укрепление «вертикали» власти. Серьёзным изменением в конституционно-политической системе страны было изменение в августе 2000 г. порядка формирования Совета Федерации Федерального Собрания РФ, в результате которого губернаторы и главы законодательной власти регионов были заменены назначенными представителями, которые должны работать в Совете Федерации на постоянной и профессиональной основе. В декабре 2003 г. по итогам выборов в Государственную Думу РФ большинство мест получила пропрезидентская партия «Единая Россия». Победив на выборах и приняв в свой состав большинство депутатов, прошедших по одномандатным округам, партия «Единая Россия» получила конституционное большинство.

Весной 2005 г. был принят закон о выборах в Государственную Думу Федерального Собрания РФ по партийным спискам. Затем Государственная Дума приняла поправки к федеральному законодательству, позволяющие партии, победившей на выборах в региональный парламент, предлагать Президенту России кандидатуру на губернаторский пост. В подавляющем большинстве регионов это право стало принадлежать партии «Единая Россия». Территориальное представительство в Государственной Думе было упразднено, половина членов Совета Федерации стали назначаться губернаторами,

[1]Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть. Томск. 2007. с.129-131.

[2] Шеслер А.В. Криминологические аспекты организованной преступности: Учебное пособие. - Тюмень: Тюменский юридический институт МВД России, 2009. с.52

в свою очередь назначаемыми Президентом РФ. В результате решения высшего руководства страны не только получали одобрение у законодателей, но и выполнялись на уровне субъектов РФ.

В качестве положительных результатов внутренней политики Президента РФ В.В. Путина политологи называются укрепление государственной системы, стабилизация общественно-политической ситуации в России. Подводя экономические итоги руководства государством В.В. Путиным, The Wall Street Journal писал: «Экономика не только вернула себе все позиции, утраченные в 1990-е, но и создала жизнеспособный сектор услуг, который практически не существовал в советский период. В России накоплен третий по объему золотовалютный запас после Китая и Японии»[1]. Главный экономист Всемирного банка по России в 2008 г. констатировал, что Россия на фоне замедления темпов роста мировой экономики показывает неплохие результаты. Россию можно считать одним из островков экономической стабильности в мире, что отражает качество макроэкономической политики, рост внутреннего спроса, накопленные золотовалютные резервы и Стабилизационный фонд[2].

8 декабря 2003 г. Государственной Думой принят Федеральный закон о внесении изменений в 264 статьи Уголовного кодекса РФ 1996 г., в том числе и в нормы, регламентирующие уголовную ответственность несовершеннолетних, направленные на дальнейшую гуманизацию: установление для отдельных категорий несовершеннолетних еще более низких, чем ранее сроков наказания, в иных подходах к назначению наказания.

Ситуация в России, начиная с последнего десятилетия прошлого века и до 2005 года - период «криминальной революции»: криминализация всех сфер российского общества достигла масштабов системного кризиса механизма обеспечения законности и правопорядка, недостаточного контроля государства над криминогенными факторами и утрате реальных возможностей по нейтрализации преступности, как следствие, невозможности обеспечить безопасность населения страны. В рамках концепции национальной безопасности РФ было признано, что «преступный мир, по существу, бросил вызов государству. Поэтому борьба с преступностью носит не только правовой, но и политический характер»[3].

Работа средств массовой информации также не способствует формированию и развитию нравственности личности: телевизионный эфир заполнен

---

[1] Томас Грэм. Царь - модернизатор // The Wall Street Journal. 2008. 22 января.

[2] Запад боится российских денег // Российская газета. - 2008. - 26 марта.

[3] Иванов С. В. Уголовная политика Российской Федерации: политолого-криминологический и уголовно-правовой аспекты//Автореферат дисс…. канд. юр. наук. - Екатеринбург, 2006.

фильмами и другими передачами со сценами насилия, жестокости, отчужденности и безнравственности. Пропагандируются нажива, дух стяжательства, психология меркантилизма. Исчезли положительные герои, их место занимают новые русские: киллеры, рэкитеры, «воры в законе». Броская, богатая жизнь оказывает влияние на состояние подростковой преступности. При систематическом восприятие этой информации в сознании подростков складывается новая картина мира, которая приводит к изменениям в психике подрастающего человека, к возникновению негативных ценностных ориентаций. Между насилием на телеэкране и ростом насильственных преступлений есть прямая связь: культ силы, жестокости, культ наркотиков как якобы норм современной жизни и т.д.

Как отмечает Астемиров З.А.: «На преступность несовершеннолетних сказывается и бесконтрольный оборот оружия и наркотиков в последние годы. Увеличивается количество разрешения противоречий между ними с использованием оружия. Особое беспокойство вызывает распространение наркомании среди подростков, которое не только сеет смерть, морально и физически калечит подрастающее поколение, но и порождает порой самые жестокие преступления. Проблема преступности школьников усугубляется кризисным состоянием системы образования. Учебные заведения не в состоянии компенсировать недостатки общей системы воспитания, что способствует отклонениям в поведении детей и подростков. Школа перестала являться эталоном воспитания. Поэтому особой криминогенной зоной становится школьная среда. Нерешенные проблемы школьной и социальной адаптации, занятости подростков оказывают негативное влияние на поведение учащихся общеобразовательных школ, уровень преступности которых составляет более одной третей части правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних.[1]

В начале XXI века процесс детерминации преступности несовершеннолетних несколько отличается от 80-х годов. Наиболее часто встречаются следующие криминогенные обстоятельства, как отмечает А.И. Долгова, - отрицательное влияние семьи (злоупотребление родителей алкоголем, наркотиками, жестокость и т.п.); отсутствие у родителей возможности обеспечить минимально необходимые потребности детей; настроения безнадежности или озлобленности; безнадзорность в результате отсутствия должного контроля со стороны семьи и воспитательных учреждений; низкий уровень качества работы учебно-воспитательных учреждений, проявляющийся в форме отказа от индивидуального подхода к несовершеннолетним; подавление ин-

[1] Астемиров З.А. Криминология: Курс лекций. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2002.

тереса к учебе; неполучение навыков правильной самооценки и управления своим поведением; распад системы трудоустройства несовершеннолетних и их воспитания в трудовых коллективах; отсутствие в достаточном количестве сети молодежных клубов и досуговых секций, что ограничивает позитивную занятость несовершеннолетних; резко меняющиеся системы ценностей в условиях реформ в обществе, отрицательное влияние окружения; проникновение в подростковую субкультуру через средства массовой информации в качестве примеров подражания культа насилия, грубости, жестокости, наркотиков, проституции и т. п. и другие.[1]

Таким образом, общесоциальные причины антиобщественного образа жизни определяются экономическими, социальными, политическими процессами, происходящими в нашей стране. Психологическими детерминантами преступности несовершеннолетних являются «субъективные причины деформации образа жизни несовершеннолетних, связанные с потерей веры в идеалы и нравственные ценности общества, с духовной убогостью и недостатком культуры, грубостью, невежеством и нравственной деформацией различных социальных групп, влиянием на подростков лиц, склонных к совершению преступлений или ведущих преступный образ жизни».[2]

Особенность мер государственного принуждения в отношении несовершеннолетних, совершивших преступление, заключается в том, что из всех видов наказания к ним применяются, в основном, лишение свободы на определённый срок: в 2000г. – 98,9%, в 2005 – 86,4%, в 2007 - 81,4% (в т.ч. условно – 54,1%).[3] Несовершенство действующей системы наказаний в отношении данной категории лиц говорит о необходимости её реконструкции.

В Российской Федерации в 2009 г. проведена специальная перепись осужденных лиц, находящихся в воспитательных колониях. По образовательному уровню и роду занятий на момент совершения преступления, в основном это лица в возрасте 16-17 лет - 77,5%, имеющие основное общее (неполное среднее образование) -56,0%, начальное общее - 33,4%, среднее общее – 7,1%, среднее специальное и незаконченное высшее – 1,6% и по роду занятий: учащиеся средней школы – 50,8% и без определенных занятий – 22,1%. По сравнению с результатами предыдущей переписи осужденных уровень их образования снизился: в 1999 г. осужденных с начальным образо-

---

[1] Криминология: Учебник для вузов/Под общ. ред. д. ю. н., проф. А. И. Долговой. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2005. - 912 с.

[2] Игнатенко В.И. Антиобщественный образ жизни и рецидив преступлений несовершеннолетних: содержание, причины, предупреждение (криминологический и пенитенциарный аспекты): курс лекций. – Псков: Псков. юрид. ин-т ФСИН России, 2007. с.71.

[3] Кашуба Ю.А., Бакаева Ю.В. Уголовные наказания, применяемые в отношении несовершеннолетних. – СПб.: Издательство Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2009.- С.27.

ванием было 24,4%, со средним общим – 19%, а со средним специальным и незаконченным высшим – 6,4%. В настоящее время в ВК стали поступать неграмотные осужденные, не умеющие читать, писать и считать. Десять лет назад таких лиц в воспитательных колониях практически не было, малограмотных осужденных было значительно меньше. Следует отметить, что значительно сократилась доля лиц без определенных занятий – 22,1% против 47,7% в 1999 г. Определенную положительную роль в сокращении числа безнадзорных и беспризорных подростков сыграла Федеральная целевая программа «Профилактика безнадзорности правонарушений несовершеннолетних» (2001-2002гг.), утвержденная Постановлением правительства РФ от 25.08.2000г. В большинстве регионов стали работать уполномоченные по правам человека. [1]

Очевидно, что легче предупредить преступление, и особенно, что касается несовершеннолетних. Необходимо незамедлительно принять все исчерпывающие меры, в том числе и на законодательном уровне, для предотвращения подростковой преступности. Во многих зарубежных странах действуют специальные службы или социальные центры, выполняющие профилактические функции в борьбе с преступностью подростков и одновременно функции всестороннего исследования личности несовершеннолетних правонарушителей. Так, во Франции – центры по наблюдению, входящие в систему учреждений Минюста, в Германии – местные отделы, окружные и высшие ведомства по делам молодежи, в Англии и США – служба пробации. В России до 1917 г. и после революции был Отдел социально-правовой охраны несовершеннолетних. В настоящее время существуют комиссии по делам несовершеннолетних, но в лице одного секретаря и практически они не могут заниматься подростками антисоциальной направленности. Учитывая, что в настоящее время экономическая составляющая России стабилизируется, что позволяет ей решат вопрос о реформе органов внутренних дел, повышении благосостояния военнослужащих, пенсионеров. Безусловно, все это необходимо, но не пора ли обратить свой взгляд и на подрастающее молодое поколение, будущее всей России?

[1] Данилин Е.М., Селиверстов В.И. Осужденные в воспитательных колониях. По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12-18нобря 2009 г. / под ред. д-ра юр.наук, профессора В.И. Селиверстова. Вып. №2. -М.: ИД «Юриспруденция», 2011.- С.10-11.

Саркисов Андрей Вадимович
Тюменская государственная академия
мировой экономики управления и права

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПОЛНОМОЧИЯМИ ПРОКУРОРА НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Федеральными законами от 5 июня 2007 года N 87-ФЗ "О внесении изменений в УПК РФ и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации" и от 6 июня 2007 года № 90-ФЗ "О внесении изменений в УПК РФ" коренным образом был изменен правовой статус прокурора в уголовном судопроизводстве и его соотношение с процессуальным положением и полномочиями органов предварительного следствия и органов дознания.

30.12.2010 г. в Российской Газете были опубликованы очередные, но сомневаюсь, что последние, изменения в уголовно-процессуальном кодексе РФ. В этот раз изменения в УПК РФ и законе о Прокуратуре в РФ весьма существенные, и хотя бы как то отражают ту практическую необходимость правового регулирования некоторых проблемных зон уголовного процесса существующую в реальное время.

Анализируя уголовно-процессуальный закон, все чаще и чаще на практике встает ряд вопросов « А что подразумевал законодатель вводя то или иное понятие? Или какие он ставил цели, наделяя ту или иную фигуру уголовного процесса определенными полномочиями? И ставил ли он вообще эти цели?»

Напомним, что Федеральным законом от 28 декабря 2010 года № 404-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия" в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации внесены изменения, существенно расширяющие полномочия прокурора при осуществлении надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия.

Часть вторая ст. 37 УПК РФ дополнена пунктом 5.1, в соответствии с которым прокурор уполномочен истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с УПК РФ.

В соответствии с изменениями, внесенными в пункт 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, прокурор вправе передавать уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования

другому (за исключением передачи уголовного дела или материалов проверки сообщения о преступлении в системе одного органа предварительного расследования) в соответствии с правилами, установленными ст. 151 УПК РФ, изымать любое уголовное дело или любые материалы проверки сообщения о преступлении от органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и передавать его (их) следователю Следственного комитета Российской Федерации с обязательным указанием оснований такой передачи.

На наш взгляд, эти изменения в УПК РФ достаточно логичны и обоснованны. Еще при существовании Следственного Комитета при прокуратуре, А.А. Петуховский полагал, что необоснованное лишение прокурора большинства властных полномочий по надзору за следствием и именно тогда, когда следственный аппарат полностью выведен из подчинения прокуроров и их надзор может стать объективным. Непонятно, почему за дознанием можно осуществлять действенный прокурорский надзор и нельзя этого делать, когда речь идет о следователях. Как дознание, так и предварительное следствие являются видами предварительного расследования, и это расследование проводится в одинаковом процессуальном режиме.[1]

Так же на наш взгляд необходимо расширить полномочия прокурора, и закрепить за ним обязанность утверждать или не утверждать постановление следователя, а не только дознавателя о прекращении производства по уголовному делу. В первую очередь такое, «нововведение» хорошо отразится на интересах потерпевшего.

Еще одни очень важной вопрос, который тоже необходимо отметить это способ решения споров между следователем и прокурором (ч. 6 ст. 37 УПК РФ). Теперь следователь с согласия руководителя следственного подразделения, действительно может поспорить с прокурором, хотя, «последнее слово» все таки останется за Генеральным прокурором РФ.

Итак, в случае несогласия руководителя следственного органа либо следователя с требованиями прокурора об устранении нарушений законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, прокурор может обратиться с этим же требованием к руководителю вышестоящего следственного органа. В случае несогласия руководителя вышестоящего следственного органа с требованиями прокурора прокурор вправе обратиться к Председателю Следственного комитета или руководителю иного следственного органа федерального органа исполнительной власти. В случае несогласия ру-

[1] Петуховский А.А. Проблемы доказывания в уголовном процессе (совершенствование законодательства и правоприменительной практики). – М.: Академия управления МВД РФ, 2009. - С. 53-54.

ководителя этого органа следствия с требованиями прокурора, прокурор вправе обратиться к Генеральному прокурору Российской Федерации, решение которого является окончательным.

Данная норма закона выглядит достаточно интересно, но думается, что она не отражает требований реалий сегодняшнего дня. Дело в том, что, не смотря на результаты споров между следователем и прокурором, окончательное решение, об относимости и допустимости тех или иных доказательств, решается в суде. Гораздо проще было бы все споры решать сразу в судах. Гипотетически, даже если Генеральный прокурор признает, что действия следователя были законными, суд может решить иначе. Но хуже всего то, что решение Генерального прокурора окончательно, а значит, возможно возникновение ситуации, когда фактически законно собранные следователем доказательства, не дойдут до суда. К сожалению, от ошибок не застрахован даже Генеральный прокурор.

Особое внимание необходимо уделить, части 2.1 ст. 37 УПК РФ – «по мотивированному письменному запросу прокурора ему предоставляется возможность ознакомится с материалами находящегося в производстве уголовного дела». Положения данной статьи делает прокурора неким просителем, что ставит под угрозу результативность такого запроса.

По этому поводу можно полностью согласится с Божьевым В.П., отметившим что, «по существу, создан новый способ проверки прокурором исполнения закона с предварительного согласия того лица, деятельность которого предстоит проверить. Эффективность такого надзора вызывает вполне обоснованное сомнение»[1].

Профессор Белкин А.Р., изучая данный вопрос, рискнул предложить следующие поправки в ст. 37 УПК РФ, которые помогут избежать неких «конфузных» ситуаций, а именно п. 2.1 ст. 37 УПК изложить в следующей редакции: 2.1. По письменному требованию прокурора ему должна быть предоставлена возможность ознакомится с материалами находящегося в производстве уголовного дела.[2]

В УПК РФ в новой редакции, некоторые изменения коснулись прав прокурора и при поступлении к нему оконченного следователем или дознавателем уголовного дела. Статья 221 УПК РФ дополнена частью первой, в соответствии с которой в случае сложности или большого объема уголовного дела 10-дневный срок, установленный для принятия решения об утвержде-

---

[1] Божьев В.П. Издержки поспешного обновления норм УПК РФ\\ Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений (к 90-летию со дня рождения проф. И.М. Гуткина). - Ч. 1. – М.: Академия управления МВД РФ, 2009. - С. 13.

[2] Белкин А.Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения, часть 2. – М.: МГУПИ, 2010. - С. 32.

нии обвинительного заключения или возвращения дела следователю, может быть продлен по мотивированному ходатайству прокурора вышестоящим прокурором до 30 суток. Возможно введение данной нормы связано с большой нагрузкой прокуроров, и естественно вытекающего из этого, качества надзора на этой стадии.

В редакции УПК РФ до 2007 г., полномочия прокурора были гораздо шире. Например, прокурор мог прекратить поступившее к нему на проверку уголовное дело, этой возможности теперь прокурор лишен. Кроме того, ранее прокурор имел право самостоятельно изменить объем обвинения, либо квалификацию действий обвиняемого, составить новое обвинительное заключение, отменить или изменить меру пресечения (кроме требующих судебного решения), дополнить или сократить список лиц, подлежащих вызову в суд – теперь прокурор полностью лишен этих полномочий.

На наш взгляд, эти изменения в УПК РФ достаточно нелогичны и необоснованны. Так как, ч. 4 ст. 37 УПК РФ закрепляет за прокурором право отказа от осуществления уголовного преследования, но совершенно не понятно в какой момент он может это право реализовать. Вероятно законодатель имеет в виду момент отказа от уголовного преследования в суде, в том числе и на предварительном слушании. Тогда почему бы не позволить прокурору реализовать это право при рассмотрении обвинительного заключения, тем более что следователь может обжаловать данное решение вышестоящему прокурору (п. 4 ч. 2 ст. 221 УПК РФ).

В связи с этим можно рискнуть предложить поправки в п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, а именно: Прокурор вправе в порядке и по основаниям, которые установлены настоящим Кодексом, отказаться от осуществления уголовного преследования с обязательным указанием мотивов своего решения: При поступлении уголовного дела с обвинительным актом или заключением в порядке п. 1.1 ч. 1 ст. 221 и п. 3 ч. 1 ст. 226 настоящего кодекса. В процессе судебного разбирательства или предварительного слушания в порядке ч.7, 8, 9 ст. 246 настоящего кодекса.

Как видно в УПК РФ внесены существенные изменения, во многом изменяющие круг полномочий прокурора, следователя, начальника следственного подразделения. Изменен порядок возбуждения и прекращения уголовных дел, изменен порядок продления уголовных дел, существенно сокращены полномочия прокурора, и, одновременно, расширены права начальника следственного органа и в очередной раз, сделан небольшой шаг в сторону увеличения объема власти Президента РФ в стране.[1]

[1] п. 3 ст. 1.ФЗ № 403 «О следственном комитете РФ» от 28.12.2010 г.

Предпринятые изменения в уголовно-процессуальном законодательстве позволили нам сделать однозначный вывод о том, что при изъятии у прокурора властно-распорядительных полномочий он не будет иметь реального механизма для осуществления уголовного преследования и надзора за процессуальной деятельностью по делам, по которым расследование производится в форме предварительного следствия. И с принятием Федеральным законом от 28 декабря 2010 года № 404-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия" эта проблема была решена.

В то же время реальной замены прокурорскому надзору в досудебных стадиях уголовного судопроизводства в настоящее время и на ближайшую перспективу не существует. Обеспечивающий законность и обоснованность принятия наиболее важных процессуальных решений о производстве следователями и дознавателями действий, ограничивающих конституционные права, судебный контроль не носит постоянного характера. В силу выполнения несовместимых с надзорной деятельностью функций уголовного преследования и процессуального руководства, а также заинтересованности в результатах работы подчиненных следователей руководитель следственного органа не должен осуществлять важную для досудебных стадий уголовного судопроизводства надзорную функцию.[1]

Смирнов Илья Олегович
соискатель Сургутского государственного университета

ПРОБЛЕМА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ И УЧАСТИЯ В НЕЗАКОННОМ ВООРУЖЕННОМ ФОРМИРОВАНИИ (ст. 208 УК РФ)

Незаконные вооруженные формирования - организованные вооруженные объединения, отряды, дружины и иные формирования, не предусмотренные федеральными законами, имеющие вооружения и военную технику, осуществляющие контроль над частью территории Российской Федерации, оказывающие противодействие законным органам власти Российской Федерации или субъекта Российской Федерации

Обозначим терминологическое отличие понятий «борьба» и «противодействие» организации и функционированию незаконных вооруженных формирований.

---

[1] Соловьев А.Б. Проблема обеспечения законности при производстве предварительного следствия в связи с изменениями процессуального статуса прокурора// Уголовное судопроизводство. - 2007. - №3. - С. 10.

На наш взгляд, под борьбой с незаконными вооруженными формированиями следует понимать деятельность уполномоченных федеральных органов исполнительной власти, осуществляемую с использованием разведывательных, контрразведывательных, оперативно–розыскных, войсковых и иных специальных операций и мероприятий и направленную на выявление, предупреждение, пресечение, расследование преступлений, связанных с деятельностью незаконных вооруженных формирований и минимизацию последствий от такой деятельности.

Противодействие предполагает деятельность, осуществляемую посредством общего противодействия рассматриваемому социально–опасному явлению, которая включает в себя систему мер политического, социально–экономического, информационно–пропагандистского, организационного, правового, специального и иного характера, направленных на выявление, предупреждение и устранение причин и условий, порождающих и способствующих организации и функционированию незаконных вооруженных формирований, осуществляемых государственными органами, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями, а также борьбу с такими формированиями.

Жизненно важно наносить удары по террористам первыми. Именно такую задачу поставил недавно перед ФСБ, МВД и другими силовыми структурами Президент РФ, подчеркнув необходимость упреждающего, превентивного характера действий силовых структур в борьбе с деятельностью террористического характера.

Среди конкретных мер можно выделить:

- перекрытие каналов финансирования, снабжения продовольствием, оружием и боеприпасами лагерей незаконных вооруженных формирований;

- проведение единой информационно-пропагандистской работы, направленной на формирование негативного отношения в обществе к радикальным религиозным течениям, незаконным вооруженным формированиям;

- создание сети информационных источников, обеспечивающих получение достоверной информации о местонахождении и передвижении каждого лидера незаконных вооруженных формирований[1].

Нужно учитывать зависимость участников незаконных формирований от поддержки населения. В связи с этим одной из главных задач является нейтрализация психологического давления боевиков на местных жителей, завоевание со стороны последних одобрения действий федеральных сил, нала-

[1] Агапов, П. В.Криминологическая характеристика организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем: По материалам судебной практики Северо-Кавказского региона //Правоведение. - 2006. - № 3. - С.141 – 151.

живание взаимоотношений с местными органами власти. Следует практиковать организованное участие в операциях по ликвидации незаконных вооруженных формирований отрядов ополченцев из числа местного населения.

Должна быть развернута работа по нанесению морально-психологического урона членам террористических группировок, созданию в их среде панических настроений, подрыва авторитета их лидеров. К примеру, общеизвестно, что финансирование незаконных вооруженных формирований в Чечне осуществляется во многих случаях посредством изготовления и реализации поддельных денежных купюр. Поддельные деньги (в основном фальшивые стодолларовые купюры) не только сбываются под видом настоящих, но и выплачиваются в качестве «заработной платы» боевикам. Лидеры экстремистов рассчитывают на то, что в условиях непрерывных военных действий возможности определить факт обмана у рядовых членов террористических группировок сильно ограничены. Многие из них погибают, просто не успев потратить «заработанные» деньги или передать их родственникам. Очевидно, что информирование этих лиц, в том числе через СМИ, о мошеннической сущности лидеров террористических группировок будут действенным средством подрыва их авторитета.

Нельзя отрицать и роль общесоциального предупреждения преступности, которое, как известно, предполагает функционирование всех позитивных общественных институтов в экономической, социальной, нравственной и иных сферах. Еще раз подчеркнем, что истоком организованной вооруженной преступности и распространения ваххабизма в Чечне и других республиках Северного Кавказа является общая социальная неустроенность, кризисные явления в обществе, коррупция, падение промышленного производства, развал сельского хозяйства, резкое снижение жизненного уровня населения, массовая безработица.

Как известно, среди участников незаконных вооруженных формирований, функционирующих на Северном Кавказе, немало наемников, прибывших из других государств. Поэтому важнейшим направлением предупреждения организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем являются меры по противодействию незаконной миграции.

В свете рассматриваемых проблем нельзя не затронуть вопрос о противодействии распространению религиозного экстремизма и о запрете деятельности экстремистских организаций. «Экстремистские организации, — подчеркнул глава государства Д. Медведев, — прикрывающиеся религиозной, националистической и любой другой фразеологией и по сути являющиеся рассадником террора, должны быть запрещены, а их лидеры и активные участники — преследоваться в соответствии с законом».

В УК РФ нужно внести дополнения, усиливающие уголовную ответственность за незаконный оборот тяжелых видов вооружения (отдельная статья) и оружия массового поражения (отдельная статья и состав), так как их большая общественная опасность очевидна и не вызывает сомнений. Кроме того, нужно усилить ответственность за незаконный оборот оружия в крупных размерах (либо путем ужесточения санкции в рамках состава преступления, либо путем выделения его в самостоятельный квалифицированный состав и часть соответствующей статьи УК РФ).

События на Северном Кавказе создают достаточные предпосылки для внесудебной репрессии. Как известно, для России такая модель уголовной политики не является новой. Одно из главных ее направлений – физическое уничтожение (ликвидация) преступников.

Очевидно, что уголовная политика должна быть эффективной и обеспечивать реальную защиту личности, общества и государства от преступных посягательств. При предъявлении такого высокого требования к власти необходимо признать за ней право на использование соответствующих мер, которые способствовали бы его полноценному выполнению. В таких условиях и с учетом той степени опасности, которую несет современная организованная, вооруженная преступность, лишение преступников жизни выглядит вполне обоснованно. Естественно, это касается лишь определенной категории преступников и вполне конкретных ситуаций, при которых происходит ликвидация. В нашем случае – это физическое уничтожение наиболее одиозных и непримиримых организаторов и участников незаконных вооруженных формирований, оказывающих, как правило, ожесточенное вооруженное сопротивление.

Физическая ликвидация активных участников незаконных вооруженных формирований в целом выглядит эффективным и политически оправданным средством борьбы с этим опасным проявлением преступности.

Проблема действенного предупреждения преступлений – одна из главных составляющих противодействия преступности в целом. Можно с уверенностью утверждать, что лишение жизни преступников является самым эффективным способом предупреждения, дающим стопроцентную гарантию. Даже пожизненное лишение свободы не способно на это, тем более что доведенный до абсурда своей гуманностью Уголовный кодекс РФ допускает возможность условно–досрочного освобождения лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы (ч.5 ст.79 УК РФ). Прав в этом отношении В.Н. Куд-

рявцев, утверждая, что «эффективность (результативность) стратегии истребления с точки зрения специальной превенции абсолютна»[1].

Одно из первоочередных значений уголовной ответственности – восстановление социальной справедливости. С этих позиций лишение жизни членов незаконных вооруженных формирований как никакая другая мера способствует ее восстановлению с наибольшей полнотой.

Конечно, мы отдаем себе отчет в том, что обозначенные репрессивные меры носят вынужденный и временный характер. Совершенно очевидна правильность суждений В.Н. Кудрявцева о том, что стратегия истребления преступников и устрашения населения в настоящее время изжила себя и не может входить в число мер, применяемых государством. Однако мы не утверждаем о необходимости широкого применения таких способов воздействия на преступность, и уж тем более об устрашении с их помощью населения (общая превенция).

Рассматриваемая нами проблема сводится к узкой и исключительно опасной сфере преступности, связанной с террористической деятельностью незаконных вооруженных формирований. Вследствие этого, мы считаем возможным применение указанных мер для эффективного обеспечения защиты личности, общества и государства от преступных посягательств такого рода преступных структур.

Ткачев Игорь Олегович
Уральская государственная юридическая академия

НЕДОСТАТКИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕДОПУЩЕНИЕ, ОГРАНИЧЕНИЕ ИЛИ УСТРАНЕНИЕ КОНКУРЕНЦИИ (СТ. 178 УК РФ)

Свободная, обеспеченная механизмом своевременной и эффективной правовой защиты конкуренция является залогом успешного функционирования рыночной экономики. Подчас посягательства на конкуренцию оказываются столь серьезными, что требуют применения к нарушителю мер уголовно-правового воздействия.

Вместе с тем, норма об ответственности за недопущение, ограничение или устранение конкуренции с момента своего появления в тексте уголовного закона неоднозначно воспринимается в теории[2] и практически не приме-

[1] Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. - М.: Юристъ, 2003. - С.143.

[2] Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. - М.: Статут, - 2005; Хутов К.М. Преступный монополизм: уголовно-политическое и криминологическое исследование. - М.: Волтерс Клувер, - 2007; Широков В., Денисова А. Теоретические и практические проблемы уголовной ответственности за монополистические действия и иные посягательства на конкуренцию//Уголовное право. – 2009. - № 4. - С. 72-77 и др.

няется на практике[1]. Очередной шаг вернуть ее к жизни был предпринят в 2009 году. По всей видимости, спешка, с которой был принят законопроект (22 мая – первое чтение, 15 июля – второе и 17 июля – третье), негативно сказалась на качестве уголовного закона и обусловила ряд серьезных недостатков, затрудняющих борьбу с преступным монополизмом[2]. Указанные недостатки касаются как вопросов законодательной техники, так и соотношения с нормами ФЗ «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ (далее – Закон о защите конкуренции)[3].

Так, если следовать буквальному прочтению, ответственность по ст. 178 УК РФ наступает за недопущение, ограничение или устранение конкуренции (деяние) путем заключения *ограничивающих* конкуренцию соглашений или осуществления *ограничивающих* конкуренцию согласованных действий, неоднократного злоупотребления доминирующим положением (способы первого уровня), выразившимся в установлении и (или) поддержании монопольно высокой или монопольно низкой цены товара, необоснованном отказе или уклонении от заключения договора, ограничении доступа на рынок (способы злоупотребления доминирующим положением – способы второго уровня), если эти деяния причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо повлекли извлечение дохода в крупном размере (последствия).

Однако, в Законе о защите конкуренции, недопущение, ограничение или устранение конкуренции рассматриваются как результат злоупотребления хозяйствующим субъектом доминирующим положением (ст. 10); заключения соглашений или согласованных действий хозяйствующих субъектов (ст. 11); издания актов и совершения действий органами власти и должностными лицами (ст. 15).

Соответственно, системное толкование уголовно-правовой нормы позволяет прийти к выводу о следующей конструкции объективной стороны состава преступления:

Деяние, совершаемое одним из трех альтернативных способов: 1) заключением ограничивающих конкуренцию соглашений, 2) осуществлением ограничивающих конкуренцию согласованных действий, 3) неоднократным злоупотреблением доминирующим положением. В результате совершения

---

[1] Так, по свидетельству Н.А. Лопашенко, за 2004 год в РФ по ст. 178 УК РФ было возбуждено 10 уголовных дел, за 2005 год – 6, за 2006 год – 2, за 2007 год – 8, за 2008 год – 14 (Лопашенко Н.А. Новая редакция ст. 178 УК//Законность. – 2009. - № 11. – С. 13).

[2] Так, с момента вступления в силу новой редакции анализируемой нормы, к уголовной ответственности по ст. 178 УК РФ на территории Свердловской области не было привлечено ни одно лицо.

[3] Учитывая бланкетных характер диспозиции, содержание признаков состава преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, не может быть установлено без обращения к положениям указанного закона.

указанного деяния наступают последствия первого уровня в виде недопущения, ограничения или устранения конкуренции, что, в свою очередь, приводит к наступлению последствий второго уровня – причинению крупного ущерба гражданам, организациям или государству либо извлечению дохода в крупном размере.

При этом указанные выше способы совершения деяния описаны законодателем небрежно.

1. В диспозиции ст. 178 УК РФ предусмотрена ответственность за заключение *ограничивающих* конкуренцию соглашений и осуществление *ограничивающих* конкуренцию согласованных действий. В то же время в соответствии со ст. 11 ФЗ «О защите конкуренции» указанные действия могут привести как к ограничению, так и недопущению или устранению конкуренции, т.е. к наступлению всех видов последствий первого уровня.

2. Вопреки правилам законодательной техники, в ряде случаев признаки деяния описаны с использованием множественного числа (заключение *соглашений*, совершение *согласованных действий*). Вместе с тем, очевидно, что закон допускает возможность привлечения к уголовной ответственности по ст. 178 УК РФ даже за заключение одного ограничивающего конкуренцию соглашения или совершение однократного согласованного действия, если таковые привели к наступлению указанных в уголовном законе последствий. Указанное нарушение ведет к недопустимому расширительному толкованию уголовно-правовой нормы.

3. Неоднократное злоупотребление доминирующим положением в соответствии с диспозицией должно выразиться в совершении одного из указанных действий: а) установлении и (или) поддержании монопольно высокой цены; б) установлении и (или) поддержании монопольно низкой цены, в) необоснованном отказе или уклонении от заключения договора, г) ограничении доступа на рынок.

Вместе с тем, ст. 10 Закона о защите конкуренции запрещает не только указанные в ст. 178 УК РФ, но и любые другие действия, связанные со злоупотреблением доминирующим положением. В самой ч. 1 ст. 10 указанного закона приведены десять способов такого злоупотребления, большинство из которых, в том числе достаточно распространенные нарушения ценообразования, по непонятным причинам не могут образовывать состав ст. 178 УК РФ. В то же время ограничение доступа на рынок в Законе о защите конкуренции рассматривается не как способ злоупотребления доминирующим положением, а последствие (результат) заключения соглашения или осуществления согласованных действий органов власти и управления между собой или между ними и хозяйствующими субъектами (ст. 16 Закона о защите кон-

куренции). Следует согласиться с мнением Денисовой и Широкова, что в ст. 178 УК РФ законодатель, по всей видимости, имел в виду не ограничение доступа на рынок, а создание препятствий доступу на товарный рынок или выходу из товарного рынка (п. 9 ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции)[1].

4. Для привлечения к уголовной ответственности по ст. 178 УК РФ злоупотребление доминирующим положением должно быть неоднократным, что предполагает не просто совершение лицом злоупотребления доминирующим положением более двух раз в течение трех лет, но и привлечение за указанные нарушения к административной ответственности. Оставляя в стороне спор о возможности административной преюдиции в уголовном праве как таковой, тем не менее, отметим, что данное в примечании 4 к ст. 178 УК РФ определение признака неоднократности применительно анализируемого состава преступления не совпадает с понятием неоднократности в ст.ст. 154 и 180 УК РФ (в рамках указанных составов неоднократность предполагает совершение хотя бы двух действий), что создает терминологическую рассогласованность норм Особенной части УК РФ. Кроме того, очевидно, что наличие административной преюдиции способно создавать и сугубо практические проблемы для осуществления уголовного преследования.

В соответствии с буквальным толкованием дефинитивной нормы примечания 4 к ст. 178 УК РФ, лицо должно быть привлечено к административной ответственности за все случаи злоупотребления доминирующим положением. При этом оно должно быть привлечено к такой ответственности более двух раз в течение трех лет.

Но как быть, если за первое из совершенных в течение указанного трехлетнего срока правонарушений лицо уже не может быть привлечено за истечением сроков давности привлечения к административной ответственности в соответствии со ст. 4.5. КоАП РФ? Очевидно, что совершение такого рода нарушений законодательства о защите конкуренции не может составлять неоднократность по смыслу ст. 178 УК РФ.

В соответствии со ст. 4.6. КоАП РФ, лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию в течение одного года со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания. Соответственно, на момент совершения третьего из деяний, образующих неоднократность злоупотребления доминирующим положениям, за первое (а, возможно, и за второе) виновный уже не будет считаться подвергнутым

[1] Широков В., Денисова А. Спорные вопросы новой редакции ст.178 УК РФ//Уголовное право. – 2010. - № 1. – С. 62.

административному наказанию. Привлечение к уголовной ответственности по ст. 178 УК РФ в таких случаях будет нарушать принцип справедливости.

5. Вне уголовно-правового запрета по ст. 178 УК РФ остались такие обладающие повышенной общественной опасностью действия как издание органами власти и управления актов, ограничивающих конкуренции, либо совершение указанными субъектами ограничивающих конкуренцию действий (ст. 15 Закона о защите конкуренции). По всей видимости, законодатель предполагает, что в таких случаях должны применяться нормы о должностных преступлениях.

Не меньшие сложности вызывает уяснение и установление в процессе правоприменительной деятельности признаков, характеризующих преступные последствия.

Как уже отмечалось, последствиями первого уровня являются ограничение, недопущение или устранение конкуренции. При этом следует отметить, что ст. 4 Закона о защите конкуренции содержит только признаки ограничения конкуренции, в то время как понятие и признаки недопущения или устранения конкуренции в указанном законе отсутствуют, что, безусловно, затрудняет применение ст. 178 УК РФ на практике. В связи с этим некоторые исследователи обоснованно предлагают отказаться от их использования в названии и диспозиции соответствующей статьи[1].

Если следовать буквальному толкованию ст. 178 УК РФ (использование термина «повлекли», который традиционно используется для обозначения преступных последствий), извлечение крупного дохода является признаком, характеризующим последствия деяния (с данной позицией не согласен К.Р. Хутов, склонный рассматривать состав как формально-материальный[2]). В то же время в нормах главы 22 УК РФ крупный размер традиционно выступает признаком самого деяния. Законодателю следовало бы вести речь не о том, что монополистическая деятельность повлекла за собой извлечение такого дохода, а была сопряжена с ним (по примеру ст. 171 или 172 УК РФ).

Большинство исследователей также справедливо указывают на сложности установления причинной связи с наступлением последствий в виде крупного ущерба или извлечения крупного дохода[3]. На сегодняшний день отсутствует какая-либо официальная методика установления ущерба в результате монополистических действий. Поэтому законодателю стоило бы ис-

---

[1] Денисова А., Широков В. Спорные вопросы новой редакции ст. 178 УК РФ//Уголовное право. – 2010. - № 1. - С. 61.

[2] Хутов К. О новой редакции ст. 178 УК РФ//Уголовное право. – 2009. - № 6. - С. 75.

[3] Лопашенко Н.А. Новая редакция ст. 178 УК//Законность. – 2009. - № 11. – С. 12-13; Денисова А., Широков В. Спорные вопросы новой редакции ст. 178 УК РФ//Уголовное право. – 2010. - № 1. - С. 62.

ключить из уголовно-правовой нормы указание на данный криминообразующий признак, сформулировав состав как формальный.

Указанные недостатки уголовного закона способны серьезно подорвать усилия правоохранительных органов в деле борьбы с преступными проявлениями монополизма, а потому нуждаются в скорейшем устранении. При этом следует помнить, что экономические отношения являются одними из наиболее динамично меняющихся в современном обществе. В связи с этим использование казуистических приемов при описании признаков составов преступлений в указанной сфере (в том числе – состава недопущения, ограничения или устранения конкуренции) уже не раз становились объектом острой критики со стороны научной общественности[1]. На наш взгляд, учитывая характер охраняемых общественных отношений, законодателю следует дать такое описание признаков анализируемого состава, которое будет обладать достаточной степенью логической абстракции и служить универсальным средством борьбы с преступными посягательствами на конкуренцию на товарных рынках.

Фёдоров Владимир Владимирович
Управление Федеральной службы Российской Федерации
по контролю наркотиков (ФСКН России)
по Курганской области

СМЕСИ, В СОСТАВ КОТОРЫХ ВХОДЯТ НАРКОТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА И ПСИХОТРОПНЫЕ ВЕЩЕСТВА, ОБОРОТ КОТОРЫХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗАПРЕЩЁН, КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ГРУППА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ: ЗА И ПРОТИВ

Дискуссионным в области уголовного преследования со стороны государства незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества[2], до настоящего времени, не смотря на чёткое определение законодателем своей позиции, остаётся вопрос о размерах наркотических средств и психотропных веществ, признаваемых крупными или

[1] Панько К.К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та. - 2004; Соловьев О.Г. К вопросу о технике конструирования диспозиций норм Особенной части УК РФ//Юридический мир. – 2009. - № 12 (156). - С. 77-79 и др.

[2] Учитывая множественность предмета преступлений, предусмотренных статьями 228, 228.1 и 229 УК РФ, дальше по тексту под наркотическими средствами и психотропными веществами будут подразумеваться все предметы, перечисленные в рассматриваемых статьях Уголовного кодекса.

особо крупными. И в большей степени это относится к такому понятию, как смесь наркотического средства. Актуальность такой дискуссии определяется тем, что размер наркотических средств или психотропных веществ, находящихся в незаконном обороте, напрямую влияет на определение конкретной нормы уголовного закона, используемой правоприменителем для уголовного преследования в каждом конкретном случае, являясь критерием, отягчающим или смягчающим наказание виновного. Далеко не последним основанием такой размер является и при решении вопроса о признании конкретного незаконного деяния уголовно наказуемым вообще[1].

В соответствии с частью 2 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08 января 1998 года № 3-ФЗ, а также следуя самому понятию наркотических средств и психотропных веществ, данному тем же Законом, отнесение того или иного психоактивного вещества к таковым определяется внесением его в Перечень наркотических средств и психотропных веществ, который утверждается Правительством Российской Федерации. Такой перечень утверждён постановлением Правительства от 30 июня 1998 года № 681[2]. И изначально Список наркотических средств и психотропных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещён (список I), на ряду с другими тремя списками составляющий данный Перечень, выделяет особую группу наркотических средств и психотропных веществ, включающую все смеси, в состав которых входят указанные выше средства и вещества данного списка, независимо от их количества[3]. Следует отметить, что выделение такой группы наркотических средств и психотропных веществ было необходимым. И ещё более обоснованным это становится в настоящие дни. Как показывает практика, далеко не каждое наркотическое средство из числа наиболее распространённых на территории России доходит до своего потребителя в его первоначальном, чистом виде. Так, при физико-химическом исследовании такого наркотического средства как героин (ди-

[1] В соответствии с диспозицией статьи 228 УК РФ, преступлением признаются лишь незаконные действия, перечисленные в этой статье, совершённые в крупном или особо крупном размерах. Кроме того, в данной статье, а также в статьях 228.1 и 229 УК РФ размер наркотического средства или психотропного вещества является и квалифицирующим признаком, относящим преступление к более или менее тяжкому его составу.

[2] Постановлениями Правительства Российской Федерации от 06.02.2004 г. № 51, от 17.11.2004 г. № 648, от 08.07.2006 г. № 421, от 04.07.2007 г. № 427, от 22.06.2009 г. № 507, от 21.12.2009 г. № 1042, от 31.12.2009 г. № 1186, от 21.04.2010 г. № 255, от 03.06.2010 г. № 398, от 30.06.2010 г. № 486, от 29.07.2010 г. № 486, от 29.07.2010 г. № 578, от 30.10.2010 г. № 882, от 27.11.2010 г. № 934, от 08.12.2010 г. № 990, от 25.02.2011 г. № 112 Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, был изменён, в основном дополнен новыми наркотическими средствами, психотропными веществами и их прекурсорами.

[3] Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» от 30 июня 1998 года № 681 // Российская газета. 17.07.1998. № 134.

ацетилморфин), изъятого при его незаконном перемещении через таможенную границу Российской Федерации на территории Курганской области, за всю историю существования органов наркоконтроля не было выявлено ни одного такого случая перемещения указанного наркотика в его чистом виде, то есть вещества, обладающего конкретной молекулярной (химической) структурой, свойственной диацетилморфину, без каких-либо нейтральных примесей. В ещё большем количестве такие примеси содержатся в рассматриваемых наркотических средствах, изымаемых правоохранительными органами уже у конечных их потребителей. При этом, простым механическим путём отделить само психоактивное вещество, и обладающее наркогенным потенциалом, от примесей, которые сами по себе не обладают наркотическими эффектами, в рассматриваемом случае практически не возможно. Именно это и послужило основанием для принятия решения о выделении такого наркотического средства, как смеси, в состав которых входят наркотические средства или психотропные вещества, оборот которых на территории России запрещён вообще, и как нам видеться, оправдывает такое решение. Ещё большую актуальность данный вопрос получил в последние несколько лет. И связано это с широким распространение в нашем обществе новых наркотических средств, относящихся к так называемой группе веществ JWH с различной нумерацией, метилендиоксипировалерон и целый ряд других синтетических наркотиков. И в отношении этих наркотических средств, также опираясь на экспертные их исследования, следует отметить, что до настоящего времени правоохранительными органами они в своём первоначальном виде не изымались. К их потребителям они попадают уже в виде смеси, содержащей такие наркотики.

Но рассматриваемый нами Список I Перечня наркотических средств и психотропных веществ содержит не только наркотические средства, механическое отделение которых в смесях от иных продуктов и веществ является затруднительным. В этом же списке содержатся и такие наркотические средства, как каннабис (марихуана) или маковая солома, так же как и героин, пользующиеся большим спросом у наркозависимых лиц нашего общества. Особенно эти наркотики распространены в южных районах России, таких как Краснодарский край, Приморье, южные области Забайкалья и Западной Сибири и ряд других субъектов Российской Федерации. Во многом это связано с наиболее благоприятным климатом для произрастания растений конопли и мака, из которых и изготавливаются названные наркотические средства, или же близостью аналогичных районов на территории приграничных государств, таких как Чуйская долина на территории Республики Казахстан, граничащей с субъектами федерации Уральского округа, Омской областью. В

соответствии с Методическими рекомендациями для работников правоохранительных органов по определению вида наркотических средств, получаемых из конопли и мака, утверждёнными Постоянным комитетом по контролю наркотиков (протокол № 36 от 06.02.1995 г.), названные наркотические средства представляют собой части растений конопли (каннабис) или мака (маковая солома), содержащие наркотически активные вещества тетрагидроканнабинол (ТГК) для каннабиса (марихуаны) и алкалоиды опия для маковой соломы[1]. Аналогичное понятие этим наркотикам даётся и в Единой конвенции Организации объединённых наций (ООН) о наркотических средства 1961 года[2]. Из этого следует, что, обладая определёнными познаниями, что подтверждается и на практике, эксперту или иному лицу при определённом усердии под силу именно механическим способом, не прибегая к химическим манипуляциям или к использованию сложного экспертного оборудования, отделить от общей массы смеси само наркотическое средство.

Приведённое различие в смесях, содержащих различные наркотические средства, ставит под сомнение обоснованность самой формулировки, касаемой всех смесей, в состав которых входят наркотические средства и психотропные вещества Списка I, как это звучит в Перечне, утверждённом Правительством России. Если имеется возможность механического отделения наркотиков от иных примесей, фактически снижающих эффективность такой смеси, то почему бы Правительству не определить чёткий перечень наркотиков или психотропных веществ, которые и в смесях с другими продуктами или веществами будут образовывать аналогичные средства или вещества, ограничив их теми средствами или веществами, практическое существование которых в чистом виде вне лабораторий является скорее исключением, чем правилом. Тем более, что метод выделения таких средств уже был применён для наркотиков Списка II Крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1 и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации, утверждённого постановление Правительства Российской Федерации от 07 февраля 2006 года № 76. В названном документе сноской в конце документа предусмотрена специальная отметка (<**>) для наркотических средств, размеры которых, установленные этим Постановлением, распространяются и на смеси (препараты) указанного наркоти-

[1] Сорокин В.И., Савенко В.Г., Сёмкин Е.П., Воронков Ю.М., Зеленецкий В.С., Пучков Т.М. Определение вида наркотических средств, получаемых из конопли и мака: Методические рекомендации / Под ред. Э.А. Бабаяна. – М.: ЭКЦ МВД России, РФЦСЭ МЮ России, 1995. - С. 4, 6.

[2] Единая Конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесёнными в неё в соответствии с протоколом 1972 года о поправках к единой конвенции о наркотических средствах 1961 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 29.05.2000. № 22. - С. 2269.

ческого средства или психотропного вещества[1]. Полагаем, что такой подход к признанию в качестве самостоятельного наркотического средства смесей, содержащих наркотики, был бы более обоснованным и справедливым.

Кроме того, следует отметить, что принципиальным этот вопрос с практической стороны становится лишь при определении размера рассматриваемых наркотических средств, находящихся или находившихся в незаконном обороте, то есть при определении наличия или отсутствия в конкретных деяниях конкретного лица признаков административного или уголовного правонарушения. Согласно нормам административного и уголовного законодательств в области незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, предметом этих правонарушений является наркотическое средство. И закону совершенно не важно, что именно из себя будет представлять такое средство фактически – наркотик в чистом его виде, обладающих определённой и неизменной молекулярной (химической) структурой, или же это же вещество, но дополненное какими-либо примесями, несвойственными для этого наркотического средства. Важным это становится лишь тогда, когда речь заходит о массе исследуемого вещества, напрямую влияющую на его размер, как уже юридическое понятие, который вместе с другими обязательными признаками правонарушения определяет конкретную квалификацию деяний виновного. Одно и то же действие, к примеру, незаконное хранение, разной массы наркотического средства при полной идентичности других признаков правонарушения или преступления будет образовывать административное правонарушение, в случае, когда масса наркотического средства будет меньше крупного или особо крупного размера, установленного Правительством России, преступление средней тяжести для незаконного хранения наркотического средства в крупном размере или же тяжким для тех же деяний в особо крупном размере. А это, в свою очередь, влечёт за собой и различное по тяжести наказание. В основе такого разделения по ответственности, на первый взгляд, одних и тех же противоправных деяний, как того и требует Закон, лежит различная по своей степени общественная опасность. В соответствии с частью 1 статьи 14 УК РФ, преступлением является не только деяние, совершённое виновно и запрещённое Уголовным кодексом России под угрозой наказания, а именно общественно опасное деяние. Именно поэтому законодателем и было установлено более тяжкое наказание за незаконный оборот более крупного размера наркотических средств. При этом, для каждого наркотического средства установлена своя масса, оп-

[1] Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1 и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 07.02.2006 г. № 76 // Российская газета. 11.02.2006. № 29.

ределяющая крупный или особо крупный размер, которая зависит от степени наркотического воздействия того или иного вещества на человеческий организм, то есть массы наркотического средства, необходимой для достижения среднестатистическим человеком наркотических эффектов.

Исходя из этого, а также на основании положений уже приведённых выше постановлений Правительства Российской Федерации, касающихся смесей, содержащих в своём составе наркотические средства, должен следовать вывод о том, что любая смесь, в состав которой входит наркотическое средство, входящее в Список I, независимо от количества этого средства, будет оказывать на организм одного и того же человека один и тот же наркотический эффект. Согласно Списку I Крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1 и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации, для всех смесей, в состав которых входит хотя бы одно наркотическое средство или психотропное вещество, перечисленное в списке I, независимо от их содержания в смеси, применяются крупный и особо крупный размеры, применяемые для наркотического средства или психотропного вещества списка I, для которого установлены более строгие меры контроля.

Насколько же такой вывод оправдывает себя на практике? Насколько же такие решения Правительства России являются обоснованными и справедливыми, как того требует статья 6 УК РФ?

Опять же опираясь на экспертные исследования наркотических средств, изымаемые правоохранительными органами в ходе осуществления ими своих задач, следует констатировать, что в основной своей массе, помимо самих наркотических средств их смеси содержат продукты или иные вещества, которые не оказывают какого-либо эффекта. Так, в героин (диацетилморфин) для увеличения его массы, как правило, добавляют визуально схожие с самим наркотическим средством фруктовый растворимый чай, сахарную пудру, глюкозу в порошке или медицинские препараты, не оказывающие существенного влияния на организм при однократном их применении. Такие добавки по своей стоимости существенно ниже стоимости героина, но позволяют в несколько раз увеличить массу такой смеси, а, следовательно, большую материальную выгоду. Согласно экспертным заключениям по смесям, содержащим в своём составе героин, изъятым правоохранительными органами Курганской области, процентное содержание самого героина (диацетилморфина) составляло от 85 % в смеси, изымаемой при её перемещении через таможенную границу России, до 0,1 % в случае изъятия наркотического средства у простого его потребителя.

Так, в ходе проведения сравнительного исследования методом газовой хроматографии наркотических средств, содержащих в своём составе героин, изъятых сотрудниками территориального органа наркоконтроля по Курганской области в октябре 2009 года при проведении оперативно-розыскных мероприятий в отношении гражданина Ш, а также при его задержании у него самого, экспертом было установлено, что процентное содержание в этих наркотиках чистого героина (диацетилморфина) составило лишь 1,306 % в первом случае и 0,837 % во втором. Ещё меньшее процентное содержание героина (диацетилморфина) экспертами было выявлено при исследовании аналогичных наркотических средств, изъятых в ходе проведения оперативно-розыскных действий сотрудниками правоохранительных органов в отношении граждан Е и Г в октябре и ноябре того же года – от 0,364 % до 0,746 %.

При этом, сам процесс приготовления данного наркотического средства к употреблению делает такие добавки безвредными и бесполезными для достижения наркотического эффекта. Из этого следует, что при одинаковой массе героина в его чистом виде и смеси, содержащей в своём составе героин, само количество психоактивного вещества будет разным, а, следовательно, разным будет и наркотический эффект от употребления одинаковой массы героина в чистом виде и смеси, содержащей в своём составе героин.

Аналогично героину (диацетилморфину) обстоятельства складываются и в отношении новых наркотических средств группы JWH, называемые в простонародье курительными смесями. В качестве наполнителя, не обладающего наркогенным потенциалом, но необходимого для его употребления, являются различные мелко измельчённые травы, такие как укроп и т.д.

Подводя итог всему изложенному, можно с достаточной уверенностью полагать, что даже при существовании и определённой обоснованности как самостоятельной группы наркотических средств и психотропных веществ смесей, в состав которых входят указанные средства и вещества Списка I, независимо от их количества, их размер для целей статей 228, 228.1 и 229 УК РФ должен определяться не по общей массе такой смеси, а по процентному содержанию в ней конкретного наркотического средства, для которого установлены более строгие меры контроля.

Холодок Валентина Алексеевна
Курганский государственный университет

СПЕЦИФИКА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Анализ статистических данных показывает, что условно-досрочное освобождение является наиболее широко используемым видом смягчения положения осужденных, и его применение неуклонно возрастает. Однако сравнительно широкая его распространенность не всегда ассоциируется с достаточной эффективностью.

В соответствии со ст.79 УК РФ лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания. При этом лицо может быть полностью или частично освобождено от отбывания дополнительного вида наказания. Применяя условно-досрочное освобождение, суд может возложить на осужденного обязанности, характерные для условного осуждения (ч. 5 ст. 73 УК РФ), которые должны им исполняться в течение оставшейся неотбытой части наказания.

Если мы обратимся к ст.93 УК РФ, регламентирующей условно досрочное освобождение несовершеннолетних, то заметим, что в диспозиции нормы отсутствует указание на требуемый уровень поведения несовершеннолетнего, что создает предпосылки для различной интерпретации нормы на практике. Так, по мнению Л.В. Иногамовой-Хегай[1] , А.И.. Чучаева[2] указанный уровень поведения отражается в диспозиции уголовно-правовой нормы, размещенной в ч.1 ст.79 УК РФ. Имеются и противоположные точки зрения. В.А. Авдеев считает, что «наличие общей и специальной уголовно- правовой норм исключает возможность автоматического переноса положений одной из них в другую. На правоприменительном уровне названые нормы конкурируют между собой, и предпочтение отдается специальной (ст. 93 УК РФ), в содержании которой отсутствует основание для ее применения»[3].

Уголовное законодательство некоторых зарубежных стран предусматривает основания для условно-досрочного освобождения несовершеннолетних. Например, в соответствии с ч.2 ст. 56 Уголовного кодекса Эстонской Республики условно-досрочное освобождение от наказания может быть при-

---

[1] Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция норм об освобождении от наказания // Государство и право. 2000. -№ 2. С.68.

[2] Уголовное право России. Общая часть // под ред. А.И. Рарога- М.: Эксмо. 2010. С.437.

[3] Авдеев В.А. Механизм правового регулирования уголовной ответственности несовершеннолетних: монография. Иркутск, 2008. С.179.

менено к несовершеннолетнему лишь в том случае, если он примерным поведением и добросовестным отношением к учебе доказал свое исправление.[1]

Верховный Суд в п.5 постановления Пленума от 21.04. 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» указал: «вывод суда о том, что осужденный для своего исправления не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания …, должен быть основан на всестороннем учете данных о его поведении за весь период отбывания наказания…. По делам об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания в отношении несовершеннолетнего осужденного судам необходимо учитывать также его отношение к учебе, связи с родственниками в период отбывания наказания и другие обстоятельства, которые могут свидетельствовать об исправлении осужденного»[2].

По нашему мнению, основания условно- досрочного освобождения несовершеннолетних должны быть указаны в уголовном законе. Регламентированные в законе определенные льготы и преимущества создают благоприятные предпосылки для формирования социально полезной линии поведения осужденного.

Полагаем, что в содержание ст.93 УК РФ необходимо внести дополнение и изложить ее в следующей редакции: «условно-досрочное освобождение от отбывания наказания может быть применено к лицам, совершившим преступление в несовершеннолетнем возрасте, если примерным поведением, добросовестным отношением к труду и обучению они доказали, что для своего исправления они не нуждаются в полном отбывании назначенного судом наказания…». Внесение указанного дополнения устраняет несоответствие между общей и специальной нормами.

Основание данного института не детализируется и в нормах уголовно-исполнительного законодательства. По смыслу закона перевод осужденных несовершеннолетних из облегченных в льготные условия отбывания наказания осуществляется для подготовки осужденного к условно-досрочному освобождению (ч.5 ст.132 УИК РФ). Однако в содержании указанной нормы отсутствует указание на требуемый уровень поведения, в результате чего нередко имеют место случаи, когда сразу после рассмотрения комиссией учебно-воспитательного совета колонии материалов о переводе осужденных из

---

[1] Уголовный кодекс Эстонской Республики.- СПб, 2001.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания»// СПС Консультант плюс.

облегченных условий в льготные, администрацией вносятся представления в суд об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания.

Представляется, что ч.5 ст.132 УИК РФ следует изложить в следующей редакции: «при отсутствии взысканий, добросовестном отношении к труду и учебе, осужденные могут быть переведены из облегченных в льготные условия отбывания наказания для подготовки к условно-досрочному освобождению или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания». Такой подход формирует у несовершеннолетних стремление к получению поощрений, улучшению условий своего содержания, и, наконец, к условно-досрочному освобождению.

Определенные затруднения в правоприменительной практике вызывает вопрос о погашении судимости условно-досрочно освобожденных несовершеннолетних. В соответствии с ч. 4 ст. 86 УК при досрочном освобождении лица срок погашения судимости исчисляется с момента фактического освобождения от отбывания основного и дополнительного видов наказаний. Сроки погашения судимости у несовершеннолетних сокращены вдвое. Таким образом, вполне возможна ситуация, когда состояние судимости может закончиться у освобожденных несовершеннолетних значительно раньше истечения срока неотбытой части наказания. Полагаем, что, если продолжительность неотбытой части наказания больше срока, необходимого для погашения судимости, то судимость может погашаться лишь по истечении неотбытой части наказания. Исходя из сказанного целесообразно п. «а» ч. 3 ст. 86 УК дополнить правилом, согласно которому у лиц, освобождённых условно-досрочно, судимость погашается по истечении неотбытого срока наказания.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Глебов А.Н.
ЛЬГОТЫ КРЕСТЬЯН В СОВЕТСКОМ НАЛОГОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
В 1928-1941 ГОДЫ 3
Григорьев Д.А.
ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕСТУПНЫХ СООБЩЕСТВ
(ПРЕСТУПНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ) ПО УГОЛОВНОМУ УЛОЖЕНИЮ 1903 Г.:
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 7
Жайкбаев Ж.С.
ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ ВЕДЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИЕЙ И ЕЕ СУБЪЕКТАМИ 12
Коков А.И.
ПРАВО КАК НЕЙТРИНО 18
Менщиков И.С.
РАСПРОСТРАНЕНИЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ СРЕДИ РУССКОГО
НАСЕЛЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ В НАЧАЛЕ XX В. 21
Нохрин В.М.
СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ 27
Предеин П.Ю.
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УЧЕНИЯ О СОСТАВНЫХ И СЛОЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ .31
Слижов Г.В.
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО 36
Тимохин Е.А.
ОБЩИЕ И ЕДИНИЧНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ СЛУЖИЛОГО
НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVII ВЕКЕ 41
Федоров С.Г.
ОСОБЕННОСТИ ОБЫЧНОГО ПРАВА В ЮЖНОЗАУРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. ПО ВОПРОСУ ВЛАДЕНИЯ И ПОЛЬЗОВАНИЯ
ЗЕМЛЕЙ 46
Филонова О.И.
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОГО СОСТАВА СУДЕЙ
НА УРАЛЕ И В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ В ПЕРИОД НЭПА (1921-1929 ГГ.) 51
Храмцова Н Г.
МЕТОД ДИСКУРС-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА И ЮРИДИКО-ПОЗИТИВИСТСКОЕ
ПОЗНАНИЕ ПРАВА 56
Цыганков С.Л.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА БАНКРОТСТВО
В РОССИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (1860-1917 ГГ.) 64
Чертова Л.Н., Семенов Е.В.
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА
(НА ПРИМЕРЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА И СССР) 69
Шабуров А.С.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА И ЕЕ МЕХАНИЗМА 75

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО
(конституционное, муниципальное, административное, финансовое право)

Бакарджиев Я.В.
ЗНАЧЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА ПО ПОВЫШЕНИЮ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ....81
Битюков А.Г.
ИДЕОЛОГИЯ КАК ОБЪЕКТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ....88
Кокорин С.Н.
К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ САНКЦИЯХ 93
Либанова С.Э.
ВЫСШАЯ КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ И РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ 98
Мари Н.С.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ 104
Неверов А.Я.
К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ НАУЧНОГО И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПОДХОДОВ К ПОНЯТИЮ «НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» 109
Федотов И.А.
СОЦИАЛЬНЫЕ НАЛОГОВЫЕ ВЫЧЕТЫ КАК ЭЛЕМЕНТ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ ..115
Федотова Ю.Г.
ПАРЛАМЕНТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ КАК ОБЩЕПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ 118
Франц О.Б.
МОНИТОРИНГ ПРАВА КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СУБЪЕКТАХ РФ....124

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Блохина И.В.
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗМЕНЕНИЯ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА ОБЯЗАТЕЛЬСТВА 129
Вагина О.С.
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПЛЕКСНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ УЧАСТИЯ В ДОЛЕВОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ....134
Воронина З.И.
ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА МЕЖДУНАРОДНЫХ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ 139
Гавриленко В.А.
К ВОПРОСУ О СВОБОДЕ ВЫБОРА ПРИМЕНИМОГО ПРАВА В МЕЖДУНАРОДНОМ КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ 144
Генов Н.А.
ПРОБЛЕМА ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ПРАВОВЫХ УСЛУГ. РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ПРАВОВАЯ УСЛУГА» И «ЮРИДИЧЕСКАЯ УСЛУГА»....148
Кислицина О.В.
РЕГЛАМЕНТАЦИЯ СЕТЕВЫХ УСЛУГ В ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ....153

Коков А.И.
ОТКАЗ РОДИТЕЛЕЙ ОТ РЕБЁНКА И ОТКАЗ РЕБЁНКА ОТ РОДИТЕЛЕЙ КАК ЯВЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ДЕФОРМАЦИИ.....157
Поспелов Б.И.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОВОГО АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПОРЯДКА ПРОВЕРКИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ 159
Фельдшеров Д.А.
ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЮЗА РАБОТНИКОВ ОРГАНОВ БЕЗОПАСНОСТИ РФ.....167
Шлюндт Н.Ю.
ПРИНЦИП РЕАЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРА АРЕНДЫ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА 173

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС
Абдулин Р.С.
К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 405 УПК РФ В СВЕТЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ ОТ 03.02.2010 N 148-О-О.....178
Алексеева Е.А.
ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЯ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ.....187
Ганиев Т.Г.
К ВОПРОСУ БОРЬБЫ С ТЕЛЕФОННЫМ ТЕРРОРИЗМОМ 192
Дружинина Л.П.
ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО СТАТЬЕ 150 УК РФ ЗА ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ 198
Иванова Л.В.
К ВОПРОСУ ОБ ЭКСЦЕССЕ СОУЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ 203
Лосев С.Г.
КЛАССИФИКАЦИЯ СОСТАВОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ 207
Мащенко В.А.
ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ЗАКОННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ.....212
Новикова М.В.
УЧАСТИЕ ЧАСТНОГО ДЕТЕКТИВА В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 217
Предеина Л.В.
ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И ПРОЦЕСС ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА.....221
Саркисов А.В.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПОЛНОМОЧИЯМИ ПРОКУРОРА НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА.....227
Смирнов И.О.
ПРОБЛЕМА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ И УЧАСТИЯ В НЕЗАКОННОМ ВООРУЖЕННОМ ФОРМИРОВАНИИ (ст. 208 УК РФ) 231

Ткачев И.О.
НЕДОСТАТКИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕДОПУЩЕНИЕ, ОГРАНИЧЕНИЕ ИЛИ УСТРАНЕНИЕ КОНКУРЕНЦИИ (СТ. 178 УК РФ).....235
Фёдоров В.В.
СМЕСИ, В СОСТАВ КОТОРЫХ ВХОДЯТ НАРКОТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА И ПСИХОТРОПНЫЕ ВЕЩЕСТВА, ОБОРОТ КОТОРЫХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗАПРЕЩЁН, КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ГРУППА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ: ЗА И ПРОТИВ 240
Холодок В.А.
СПЕЦИФИКА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....247

Научное издание

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Материалы Всероссийской научно-практической конференции,
13 мая 2011 г.

В авторской редакции

Подписано в печать	Формат 60х80 1/16	Бумага тип. № 1
Печать трафаретная	Усл. печ. л. 15,90	Уч.-изд. Л 15,90
Заказ	Тираж 100	Цена свободная

Редакционно-издательский центр
Курганского государственного университета
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25.
Курганский государственный университет